

О. В. Петрова

**МЕСТОИМЕНИЯ
В СИСТЕМЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИХ
КЛАССОВ СЛОВ**

**ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1989**

4127909

В монографии рассматривается соотношение местоимения с другими классами слов в семиологическом и грамматическом планах. Предлагается новый подход к построению системы частей речи.

Книга рассчитана на специалистов в области общего языкознания и теоретической грамматики различных языков. Может быть использована как пособие по курсам «Общее языкознание», «Теоретическая грамматика», по спецкурсу «Проблемы теории частей речи».

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Воронежского университета

Научный редактор — проф. В. Е. Шетинкин

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. Г. И. Богин,
д-р филол. наук, проф. И. Н. Горелов

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена широкому кругу вопросов, связанных с определением положения местоимений в словарной системе языка. Обращение к этой проблеме объясняется необходимостью разрешить возникшее противоречие между отношением к местоимениям как к неполнозначным словам и той реальной ролью, которую они играют в выражении мысли, а также между традиционным выделением местоимений в самостоятельную часть речи и крайней лексико-грамматической неоднородностью этих слов.

С одной стороны, носители самых разных языков интуитивно выделяют местоимения как слова особого типа. С другой — все попытки дать формальное определение тех признаков, которыми местоимения отличаются от неместоименных слов, приводят к необходимости констатировать, что у разных местоимений эти признаки разные и, кроме того, не все они характерны только для местоимений.

Таким образом, попытка решить вопрос о положении местоимения в словарной системе языка неизбежно сопряжена с рассмотрением принципов семиологической классификации слов, построения системы частей речи, создания системы языковых единиц вообще.

Противоречия в определении положения каких-либо единиц в системе могут быть связаны как со свойствами этих единиц, так и со способами их описания и со степенью системности самой системы. В книге рассматриваются все три аспекта: обобщаются наблюдения автора над функционированием местоимения в разных языках, анализируются способы описания этого функционирования в лингвистической литературе, а также выявляются системные отношения местоименных и неместоименных слов в различных системах.

На основе проведенных исследований автор предпринимает попытку построения такой системы функционально-семантических классов слов, которая учитывала бы диалектический характер связей и зависимостей между разрядами слов с разными семиологическими и грамматическими свойствами и позволяла бы непротиворечиво определить соотношение местоимений с неместоименными словами по всем важнейшим параметрам.

Анализ лингвистической литературы последних десятилетий показывает, что местоимения — их положение в системе языка, использование в речи, присущие им грамматические категории, специфика значения — продолжают привлекать внимание исследователей самых разных языков. Частные проблемы образования и функционирования местоимений рассматриваются в многочисленных статьях; более общим вопросам, связанным с определением лингвистического статуса местоименных слов, с их положением в лексической системе языка, с их семнологической природой, их соотношением с грамматическими и лексико-грамматическими классами слов, посвящены монографии, диссертации, тематические сборники.

Весьма условно все исследования местоимений и местоименных слов можно разделить на две группы. Первую из них составляют работы, основанные на традиционно сложившемся представлении о местоимениях как о незначащих словах, служащих для указания и для замещения полнозначных именных частей речи. Такая трактовка местоимений лежит в основе выделения их в самостоятельный класс слов, противопоставляемый в системе частей речи существительным, прилагательным и т. д. Она нашла отражение в многочисленных работах, посвященных общим и частным вопросам теории местоимений, а также в школьных и вузовских учебниках, специальных лингвистических справочниках и словарях.

Эта точка зрения — а именно, отнесение местоимений к числу неполнозначных слов-указателей и слов-заместителей — широко представлена и в работах, раскрывающих общие проблемы теории номинации (см., например, Аругюнов, 1977; Уфимцева, 1986, и др.).

Такое определение положения местоимений в системе языка опирается, главным образом, на то, что Е. В. Палучева называет «интуитивней традиционной грамматики» (Палучева, 1985, с. 11). Действительно, традиционная грамматика с античных времен выделяет местоимения в самостоятельную часть речи, отмечая при этом явную неоднородность грамма-

тических характеристик этого класса и объясняя его выделение особым характером местоименных слов, которые якобы способны лишь указывать на что-то, ничего при этом не называя. Эта точка зрения восходит к трудам древнегреческих и древнеримских мыслителей (см. Античные теории языка и стиля, 1936) и прослеживается через всю историю развития лингвистической мысли.

Однако наряду с этим существовал и продолжает существовать другой подход к оценке сущности и роли местоимений, а также к определению их соотношения с неместоименными словами. Многие исследователи считают необходимым пересмотреть сложившееся представление о местоимениях как о словах, заменяющих существительные и употребляющихся для краткости или во избежание повторов, и в соответствии с этим предпринимают попытки заново определить характер, сущность и свойства местоименных слов. Так, о несостоятельности ограничения роли местоимений грамматическим замещением имен писали В. фон Гумбольдт (1984) и О. Есперсен (1958); против выделения местоимений в отдельную часть речи возражали Г. Пауль (1960), Э. Бенвенист (1974), Л. В. Щерба (1957); с критикой традиционной трактовки местоимений выступал В. В. Виноградов (1947); явная неудовлетворенность этой трактовкой послужила толчком к появлению уже упоминавшихся работ, посвященных выяснению лингвистического статуса местоимений.

Представляется очевидным, что вопрос о положении местоимений в системе лексико-грамматических классов слов может быть решен только в контексте общих проблем теории частей речи. Недовольство принятой в традиционной грамматике системой, ее алогичностью и бессистемностью само по себе уже стало традиционным. Практически любая работа, посвященная тем или иным аспектам теории частей речи, начинается с констатации противоречивости существующих систем и классификаций. Но единого мнения относительно того, какой эта система должна быть, до сих пор нет. И это не случайно: многообразие систематизируемых единиц, неоднотипность тех отношений, которыми они связаны, и, наконец, отсутствие договоренности о том, какова цель самой систематизации, приводят к тому, что создание удовлетворяющей всех системы частей речи начинает казаться невозможным. Такое положение, при котором остаются нерешенными кардинальные проблемы теории частей речи, создает дополнительные трудности при анализе соотношения

местоимений с неместоименными словами. Результаты этого анализа во многом оказываются предопределенными теми принципами, на которых основывается выделение классов слов в принятой исследователем системе частей речи. Выбор же самих принципов зачастую основывается на априорном представлении о свойствах отдельных групп слов, в том числе и местоимений. Таким образом, возникает порочный круг: местоимениям приписываются некие свойства, на основании которых их выделяют в особый класс, а выделение их в особый класс заставляет искать у них не только общность между собой, но и какие-то отличия от всех остальных слов.

Несмотря на эти вполне объективные трудности, определение лингвистического статуса тех или иных единиц целесообразно начинать с рассмотрения их положения в той системе, в рамках которой они были выделены, — даже если в результате этого рассмотрения систему потребуется перестроить.

Анализ положения местоимений в традиционной системе частей речи включает в себя сопоставление местоименных слов с неместоименными по всем тем параметрам, которые считаются определяющими при классификации слов по частям речи. За последние сто лет в лингвистике достаточно прочно утвердилось представление о том, что таких параметров три — значение, форма и функция. Однако общепризнанная неопределенность термина «значение» (особенно в применении к частям речи) приводит к тому, что разные классы слов выделяются на основе разноуровневых значений, что с самого начала обрекает всю классификацию на нелогичность и противоречивость. Поэтому определению положения местоимений в системе частей речи того или иного языка должно предшествовать рассмотрение семнологических характеристик местоименных слов, т. е. их знаковой сущности. Именно на этом уровне обычно проводится первое разграничение слов, разделение их на большие классы в соответствии с их «элементарными семнологическими функциями» — номинации, предикации и локации (см. Уфимцева, 1984).

Сопоставительный анализ знаковой сущности местоименных и неместоименных слов призван ответить на вопрос, действительно ли местоимения представляют собой особый тип словесных знаков, обладающих свойствами, не присущими никаким другим словам в языке. Положительный ответ на этот вопрос исключает необходимость дальнейшего анализа соотношения местоимений с другими словами на

уровне значения: если это знаки особого типа, по-особому связанные с мышлением и действительностью, то очевидна и их семантическая исключительность в словарной системе языка. В случае же отрицательного ответа возникает проблема пересмотра представлений о семантике местоимений, поскольку традиционное представление базируется на априорном определении местоимений как знаков особого типа. В соответствии с этим необходимо по-новому определять и положение местоимений в системе частей речи, поскольку ни один из трех критериев классификации (значение, форма и функция) не является автономным. Изменение трактовки одного из них заставляет по-иному рассматривать весь комплекс в целом.

Сказанное относится не только к местоимениям, но и вообще к принципам классификации слов по частям речи. При решении вопроса об уровне, на котором рассматривается значение класса слов (так называемое частеречное значение), может возникнуть необходимость пересмотра отношений внутри триады «значение — форма — функция», что, в свою очередь, может привести к пересмотру принципов построения системы частей речи, а следовательно, и к перестройке самой этой системы.

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕСТОИМЕННИЙ

При анализе работ, посвященных изучению семиологических характеристик отдельных классов слов, возникает вопрос: что является первичным для исследователей — выделение классов или определение семиологических свойств входящих в них слов?

С одной стороны, в лингвистической литературе широко распространена точка зрения, согласно которой «самой крупной семантической группировкой слов является классификация по частям речи, проводимая по двум основным признакам: категориально-семантическому и функциональному» (Общее языкознание, 1972, с. 437). Таким образом, слова сначала делятся на части речи, а затем определяются семиологические свойства слов внутри каждого класса. В этом случае вполне можно представить себе, что внутри одной части речи окажутся слова, обладающие разными характеристиками (к примеру, дейктические и недейктические, как это имеет место в классе глаголов).

С другой стороны, существует точка зрения, по которой распределению слов по частям речи предшествует разделение их «...на два больших разряда, называемых разными учеными по-разному: знаменательные/служебные, полнзначные/неполнзначные, слова-символы/слова-указатели и др.». В основе этой классификации лежат «...два универсальных признака — характер смыслового содержания и выполняемые ими функции в той или иной сфере языковой деятельности» (Уфимцева, 1980, с. 33). В этом случае слова сначала разделяются по своим семиологическим свойствам и затем уже внутри каждого класса делятся на части речи, так что каждая часть речи обязательно состоит из семиологически однородных слов.

Таким образом, в обоих случаях в основу первоначального деления слов на наиболее крупные классы кладутся практически одни и те же принципы — семантический и функциональный. Результаты же оказываются разными, и зависит это от того, на каком этапе классификации происхо-

дит деление слов на те два больших разряда, о которых говорит А. А. Уфимцева.

Несмотря на некоторые отличия в подходе к делению слов на эти два разряда у А. М. Пешковского (1925), говорившего о полнозначных и неполнозначных словах, К. Бюллера (Bühler, 1934), различавшего символы и указатели, Ч. Морриса (Morris, 1947), делившего знаки на универсальные и определяющие (universal signs — characterizing signs), и их последователей, общность полученных результатов столь велика, что исследователи зачастую используют одновременно несколько терминов, соответствующих разным системам. Так, А. А. Уфимцева, говоря о пяти семиологических признаках, определяющих принадлежность слова к тому или иному разряду, выделяет на основании этих признаков «...разряд «полнозначных», знаменательных слов, объединяемых по номинативной (разрядка моя. — О. П.) как основной функции качественной характеристики предметов, явлений, их признаков и отношений», и разряд неполнозначных слов, куда относятся «разные по своим семиологическим функциям знаки: актуализаторы, выполняющие функции индивидуализации, конкретизации полнозначных слов ... знаки, являющиеся заместителями полнозначных имен...», а также «...так называемые знаки-форматоры и шифтеры, у которых видоизмененная функция референции сводится к актуализации и транспозиции системных значимостей в речевые, к сдвигу единиц разных структурных уровней в системе языка при их реализации в синтагматическом ряду» (Уфимцева, 1977, с. 36).

Как видно из приведенной цитаты, в один ряд с терминами «полнозначный», «знаменательный» ставится и термин «номинативный», хотя, строго говоря, предлагаемое в цитируемой работе разделение слов на номинативные и неноминативные фактически не совпадает ни с делением на знаменательные и незнаменательные в традиционной грамматике*, ни с традиционным представлением о том, что по этим двум классам должны распределяться не отдельные слова, а целые лексико-грамматические разряды. Подчеркивая полную независимость семиологической классификации от всех прочих классификаций словесных единиц, А. А. Уфимцева в

---

* Противопоставление «знаменательный — незнаменательный» представляется более логичным, чем «знаменательный — служебный», о чем писал еще Б. А. Ильиш (1965).

книге «Лексическое значение» пишет о том, что при строго выдержанном принципе выделения и описания семиологических классов и подклассов они ни по своему объему, ни по своему содержанию не совпадают ни с частями речи (понимаемыми как лексико-грамматические разряды), ни с семантическими категориальными группировками, такими, как одушевленные/неодушевленные имена, лицо/нелицо и т. д., ни с чисто лексическими группами слов (скажем, тематическими или лексико-семантическими). В подтверждение тезиса о несовпадении семиологической классификации с классификацией слов по частям речи на с. 98 приводится таблица, где имеются семиологические классы слов, против которых стоит прочерк в графе «какой частью речи выражено».

Своеобразие и отличительные особенности семиологической классификации достигаются тем, что во внимание принимаются три группы признаков: 1) характер семантики, определяющийся наличием или отсутствием денотативного и сигнификативного компонентов и их соотносительностью (взаимодействие этих компонентов рассматривается как формирующее знаковую основу значения слова); 2) наличие и формы взаимоотношений в знаке его абсолютного значения (т. е. значения, которым слово наделено в самой системе языка) и относительных значимостей (как парадигматических, так и синтагматических), что составляет основу семантического варьирования слова и предопределяет оппозицию и комбинаторику как два основных семиологических принципа существования и функционирования знаков; 3) сфера, преимущественно обслуживаемая данным знаком (номинативно-классификационная, речемыслительная, коммуникативная, прагматическая) (см. Уфимцева, 1986, с. 97—98). Однако такому четкому отграничению семиологической классификации словесных знаков от всех прочих видов классификации в той же работе предшествует замечание, свидетельствующее о неразрывной связи знаковых свойств слова с его принадлежностью к определенной части речи.

Итак, остается неясным, лежит ли в основе выделения частей речи классификация слов на «полнозначные», «знаменательные», «номинативные», с одной стороны, и «неполнозначные», «незнаменательные», «неноминативные» — с другой, или же, напротив, первичной оказывается классификация по частям речи, а затем уже сами части речи делятся на знаменательные и незнаменательные.

Обосновывая необходимость традиционного деления слов

на части речи, Е. С. Кубрякова пишет: «Огромную роль играет это деление и при исследовании такого важного аспекта функционирования языка, как его номинативная деятельность» (Кубрякова, 1978, с. 114). Это замечание свидетельствует о том, что понятие номинативности рассматривается как соотносимое с понятием части речи, т. е. с целыми лексико-грамматическими классами слов.

В связи с этим возникает несколько проблем. В частности, представляется необходимым выяснить, обязательно ли слова, характеризующиеся единством грамматических свойств, должны обладать одинаковой номинативной способностью. И напротив, означают ли различия в грамматических свойствах и общекатегориальном значении неизбежную разницу в номинативных свойствах. Кроме того, возникает вопрос: если допустить возможность существования неноминативных частей речи (а части речи — это прежде всего классы слов), то означает ли это, что могут существовать неноминативные слова? Как известно, слово определяется как минимальная номинативная единица языка, как что высказанное предположение звучит по меньшей мере парадоксально.

Поскольку противоречия в определении лингвистическою (и в первую очередь, семиологического) статуса местоимений начинаются именно с вопроса о номинативности местоименных слов, представляется целесообразным обратиться к понятию номинативности и подробнее рассмотреть, что же скрывается за противопоставлениями «полнозначный — неполнозначный», «номинативный — неноминативный».

О НОМИНАТИВНОСТИ КАК СВОЙСТВЕ СЛОВЕСНЫХ ЗНАКОВ

Складывается впечатление, что понятие полнозначности совершенно по-разному трактуется грамматистами, с одной стороны, и специалистами в области теории номинации — с другой, а соответственно этому ими по-разному употребляются и сами термины «полнозначный» и «неполнозначный». Весьма показательным в этом отношении является определение понятия «неполнозначные слова» в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1969): «Неполнозначные слова. То же, что служебные слова». «Служебные слова (грамматические слова, грамматически частичные слова, зависимые слова, незначащие части речи, неполнозначные слова, несамостоятельные слова, пустые слова,

синкатегорематические слова, синсемантические слова, соединительные слова, формальные слова, частичные слова, частицы предложения, частицы речи) ... Слова, неспособные выступать самостоятельно в функции членов предложения и служащие для выражения разного рода семантико-синтаксических отношений между знаменательными словами». Приведенный ряд терминов, являющихся, по мнению составителя словаря, синонимичными, фактически представляет собой смешение семантических и функционально-синтаксических понятий. Вероятно, это объясняется тем, что синтаксическое функционирование единицы предопределяется ее категоральным значением, а возможно, и всей ее семантикой.

Так или иначе, ясно, что неполнозначные (=незнаменательные) слова и даже целые части речи — это такие слова и, соответственно, целые классы таких слов, которые неспособны выступать самостоятельно в функции членов предложения. Это определение вполне согласуется (несмотря на некоторые терминологические расхождения) с делением слов на части речи и частицы речи у А. А. Шахматова. Действительно, если понятие полнозначности соотносить с функциональной «полноценностью» слова, то способность слова выступать в качестве самостоятельного члена предложения становится вполне достаточным критерием полнозначности этого слова.

Однако такой подход к определению полнозначности явно вступает в противоречие с пониманием полнозначности в теории номинации, где к неполнозначным относят — в числе прочих — и слова, выступающие в качестве заместителей полнозначных имен. Вполне очевидно, что эти слова должны выступать в качестве самостоятельного члена предложения, причем именно того, в качестве которого могло бы выступать замещаемое ими имя. Следовательно, слова-заместители выдерживают проверку на синтаксическую самостоятельность и, по приведенному выше критерию, должны быть признаны полнозначными. Однако по этому поводу читаем: «Принимая во внимание больше всего признаки «иметь способность быть членом предложения» и «иметь систему форм», В. В. Виноградов относит к разряду слов-названий и местоимения, которые, как известно, таковыми едва ли являются» (Языковая номинация, 1977, с. 47). Столь решительный отказ местоимениям в статусе полнозначных слов свидетельствует о том, что полнозначность в теории номинации понимается иначе.

Определяя слово как единицу языка, А. А. Уфимцева характеризует ее как двустороннюю единицу, «в которой связь значения и звучания (графической формы), общественно, психически и исторически обусловленная, предопределяет не только само существование, но и развитие языка» и как «основную номинативную и когнитивную единицу» (Уфимцева, 1986, с. 6). Именно номинативность словесного знака является тем его свойством, которое позволяет выделить слово как единицу языка особого уровня.

В этой связи представляется не совсем понятным, почему одна и та же функция словесного знака — номинативная — кладется как в основу выделения самого этого знака в системе языка, так и отдельных разрядов словесных знаков. Характеризуя полнозначные слова, А. А. Уфимцева в работе «Семантика слова» несколько меняет определение, данное ею этому разряду в «Языковой номинации», — если раньше речь шла просто о номинативной функции как основе выделения полнозначных слов, то теперь уже подчеркивается знаковый характер, точнее — знаковый уровень выделения слов на основе этой функции, поскольку речь идет о «...самом большом разряде полнозначных слов, объединяемых по знаковой функции — качественной характеристике и репрезентации предметов, явлений объективной действительности...» (Уфимцева, 1980, с. 33).

Оба приведенных определения — функциональное и семиологическое — вызывают весьма серьезные возражения. Прежде всего, в обоих случаях явно игнорируется определение слова как минимальной номинативной единицы языка, характеризующейся среди множества признаков синтаксической самостоятельностью. Если слово может быть и не номинативным, и не самостоятельным синтаксически, тогда что же делает его словом? Чем же оно отличается от морфемы? Получается тавтологическое утверждение того, что полнозначное слово — это слово. И, следовательно, все единицы, не являющиеся полнозначными словами, — не являются словами.

Неясным остается и вопрос о том, какие же именно слова должны рассматриваться как неполнозначные. В уже цитированной работе А. А. Уфимцевой (1980) приводится такой список: «местоимения, артикли, поговорки, различные знаки-форматоры и шифтеры» (с. 33). А вслед за этим выделяется группа слов, которые не укладываются в дихотомическую классификацию и квалифицируются как универ-

сальные. Эта группа включает личные, притяжательные и указательные местоимения, словесные знаки временного и пространственного дейксиса, слова с высшей степенью обобщения их семантики, такие, как «все», «всё», «что-нибудь» и т. п. В подобном случае какие же местоимения укладываются в дихотомическую классификацию и оказываются неполнозначными? И почему все-таки местоимения тотальной семантики не попадают в число полнозначных?

Вообще говоря, тот факт, что местоимения считаются словами неполнозначными, вероятно, можно объяснить некоторой исторически сложившейся предвзятостью в подходе к ним, тем, что они сплошь и рядом означают не то, чего от них ждет исследователь. Мы привыкли считать, что основная часть местоимений — это слова-заместители. А если так, то они вроде бы и не должны иметь собственного значения, они должны приобретать его лишь в синтагматической цепи, «принимая» на себя значение замещаемого слова. Однако в большинстве случаев дело обстоит иначе. В отличие, скажем, от глагольного заместителя (репрезентанта?) до в английском языке, не несущего в себе никакого значения, кроме категориального указания на действие, большинство местоимений обладает постоянным, существующим не только в речи, но и в языке значением, которое реализуется в синтагматике так же, как и у любого другого слова — путем его «привязывания» к определенным предметам или признакам, словом, — к определенной ситуации. В этом отношении процесс «двойного означивания» местоимений ничем не отличается от «двойного означивания» любого другого языкового знака. При этом значения некоторых местоимений представляют собой наиболее точные и полные, а в ряде случаев и единственные способы фиксации в языке результатов тех или иных логических операций, совершаемых нашим мышлением. К примеру, указательное местоимение «такой» означает один из двух возможных результатов операции сравнения — *а именно, тот*, когда сравниваемые предметы или признаки оказываются одинаковыми. При сравнении можно получить всего два результата — «такой» и «не такой». Второй результат подлежит дальнейшему уточнению, т. е. в большинстве случаев оказывается недостаточным и не является конечным (сравнение можно продолжать для установления характера различий, их степени и т. д.). Отсюда — большое количество лексических и грамматических средств выражения различий. Первый же результат достаточен сам по себе.

II соответственно — в языке имется специальная лексическая единица, фиксирующая это понятие, — «такой».

Важность закрепления столь существенного понятия в языке не подлежит сомнению, так как сравнение является одним из основных методов образования понятий (см. Формальная логика, 1977, с. 26). В результате этого в языке появляются синонимы или «почти синонимы» слова «такой» (если вообще можно говорить о «межклассовой» синонимии, поскольку, в отличие от местоимения «такой», все остальные слова, близкие ему по значению, — прилагательные): «тождественный», «идентичный», «аналогичный», «сходный», «одинаковый». При некоторых содержательных и стилистических различиях все эти слова объединяются общим основным значением «такой», «такой же» (не случайно, например, З. Е. Александрова в своем «Словаре синонимов русского языка» (М., 1968) определяет прилагательное «одинаковый» и его синонимы через местоимение «такой» — «такой же, точно (или точь-в-точь) такой»). Так почему же нейтральное ключевое слово этого ряда считается неполнозначным, словом-заместителем, а его синонимы — полнозначными, номинативными словами? При чем в данном случае речь идет не о прономинализации типа «следующие (=такие) условия», когда «значение слова становится изменчивым» (Гвоздев, 1973, с. 281), а о постоянном словарном значении.

Представление о том, что местоимение «такой» в одном контексте будет означать «большой», в другом — «горячий», а в третьем — «синий», основано на традиционном отношении к местоимениям как к словам-заместителям. На самом же деле в любом контексте это местоимение будет означать именно «такой», а контекст лишь определяет то, какие конкретные признаки в данном случае сравниваются. Особенно четко это прослеживается в случае употребления местоимения «такой» с частицей «же»: «Настя была одета так — толстые, будто их накачали воздухом, ярко-красные сапоги-луноходы, стеганая спортивная куртка и такие же брюки из синтетической ткани...» (Ю. Эдлис. Антракт). «Также же» в данном случае не означает никакого одного конкретного признака — это и стеганые, и спортивные, короче — обладающие теми же свойствами, что и куртка. Впрочем, и без частицы «же» значение «аналогичный тому, с чем сравнивают» оказывается вполне очевидным. Достаточно проанализировать значение «такой» в следующем предложении из того же романа: «Лицо это казалось ей пугающе-незнакомым

и чужим, но именно таким оно и должно быть у него». Далее следует разъяснение: «Под ним она имела в виду не именно Иннокентьева, а вообще того долгожданного мужчину, который...». Совершенно очевидно, что, разглядывая лицо мужчины и считая его именно таким, каким оно должно быть у того долгожданного и существующего лишь в ее мечтах, она не могла бы ограничить все его свойства двумя — «пугающе-незнакомое и чужое». Очевидно, что «такой» в данном случае выступает в самом прямом своем значении: «такое, как у Иннокентьева», обладающее теми же свойствами, что и лицо, с которым его сравнивают.

Еще нагляднее постоянное значение этого местоимения, не зависящее от того, какие именно признаки сравниваются, можно проиллюстрировать следующими двумя предложениями из романа Ю. Эддиса: «А знаете, Боря, почему у меня получился именно такой спектакль и никакой другой и не мог получиться?..» и «Тем более я в таких делах, извините, не мастак, только буду мешаться под ногами». Если при анализе первого из них можно тремя абзацами выше найти в тексте хотя бы частичную характеристику спектакля («Он пуст и манерен. Холоден, как песий нос»), то во втором за словами «такие дела» вообще не стоит никакого определения характера этих «дел». Из контекста романа известно, за что, против кого и как собираются выступить герои, но никакого прилагательного, значение которого «приобрело» бы в этом высказывании местоимение «такой», в тексте просто не существует. Впрочем, вряд ли можно всерьез говорить и о приобретении им значения «пустой, манерный, холодный, как песий нос» — все эти характеристики никак не могут составить единого лексического значения. Во всех этих случаях «такой» — это аналогичный или равный тому, о чем шла речь, тому, с чем сравнивают, тому, что известно или подразумевается.

Если у местоимения «такой» есть почти синонимы, то местоимение «все» является, по-видимому, единственной лексемой, означающей совокупность предметов или признаков, не допускающую исключений*. Понятие «не всё» подлежит дальнейшему уточнению и выражается различными способами, а окончательное по своему смыслу понятие «всё» фиксируется местоимением. Неполнозначность этого местоиме-

---

* Именно благодаря этой своей особенности слова типа «все» получили название «универсальных знаков».

ния обычно видят в том, что не известно без контекста, о совокупности каких предметов или признаков идет речь. Однако близкое, хотя и совсем не тождественное ему по значению существительное «совокупность» тоже не содержит указания на предметы, эту совокупность составляющие. Точно так же только из контекста можно узнать, какие предметы составляют «половину», «часть», «треть», «большинство» и т. д. Свидетельствует ли это о «неполнозначности» всех этих слов или о полнозначности местоимения «все»?

«Окончательны» по своему содержанию и уникальны в языке отрицательные местоимения. «Ничей» — не принадлежащий ни одному человеку, животному, ни одной организации и т. д. (т. е. н и к о м у), — дальнейшего уточнения не требует в отличие от противоположного значения, которое уточняется и выражается целой системой средств притяжательности. В определенной ситуации по отношению к строго ограниченному кругу предметов значение «ничей» можно выразить с помощью прилагательного «бесхозный» — означает ли это, что указанное прилагательное неполнозначно?

Сама по себе невозможность определить значение местоимения «ничей» без употребления местоимения «никто», т. е. путем перечисления всех лиц, организаций, стран, животных и т. д., которым мог бы принадлежать предмет, свидетельствует об уникальности понятия, выражаемого местоимением «никто». То же самое относится к «ничто», «никакой» и т. д.

Таким образом, среди местоимений есть значительное количество слов, не только обладающих определенным значением, но и являющихся единственными выразителями каких-то понятий в языке. В этой связи представляются не вполне правомерными рассуждения о том, совпадает ли объем понятия, заключенного, скажем, в имени собственном (или данного в развернутом определении какого-то предмета), с объемом понятия, содержащегося в местоимении, которое впоследствии употребляется «вместо» этого имени. Эти рассуждения обычно базируются на предположении, что местоимения употребляются вместо имен «для краткости» или во избежание повтора, т. е. для «благозвучности», чтобы не утомлять слушателя (читателя) монотонным, однообразным повторением одних и тех же слов. Безусловно, в какой-то мере это так. Но только в той мере, в какой говорящий вообще стремится находить разные (не всегда абсолютно совпадающие) средства выражения одних и тех же понятий.

Возможность использования различных номинаций для обозначения одного и того же предмета заложена в самой системе языка. Характеризуя возникающую при этом ситуацию гетерономинативности, Н. Д. Арутюнова выделяет несколько причин этого явления, отмечая, что гетерономинативность может быть обусловлена и речевым узусом, и прагматическими факторами (такими, как изменение обстановки речевого акта или его адресата), и значением предиката, что связано с общим смыслом сообщения. Выбор разных номинации может быть следствием различий в предпосредствующих возможностях самих номинаций, пользуясь которыми говорящий не только идентифицирует предмет речи для собеседника, но и одновременно сообщает об этом предмете новые сведения или даст ему оценку. Введение образных, опосредованных номинаций предмета также приводит к гетерономинативности. Более того, как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, «гетерономинативность соответствует естественному развитию текста, автор которого в общем случае осуществляет переход от экзистенциальной, вводной номинации (т. е. способа обозначения предмета в сообщении о его существовании) к номинации идентифицирующего типа, которая может видоизменяться по мере расширения объема сообщаемой адресату информации об объекте» (Арутюнова, 1977, с. 307).

Таким образом, гетерономинативность — это результат естественной потребности говорящего варьировать способы наименования предмета в зависимости от задачи сообщения и условий общения. Причем речь в данном случае не идет о замене, замещении одного имени другим, равно как и о совпадении значения этих разных имен. Сама по себе гетерономинативность возникает именно потому, что разные слова не равны по своему значению. В противном случае они бы могли бы быть использованы в качестве средств номинации разного типа.

«Возможность по-разному именовать один и тот же объект проистекает из возможности по-разному его обозначать, являющейся следствием множественности суждений, которые могут быть вынесены об одном объекте (лице или предмете), ибо имена и именные выражения, называющие объект, создаются на основе предикатов, истинных (или принимаемых за истинные) относительно данного объекта. Потенциальная вариативность речевых номинаций одного объекта согласуется с множественностью обслуживающих

его в тексте предикатов. Она особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его природной и социальной многогранности, а также в силу его способности к действию и деятельности» (Арутюнова, 1977, с. 307—308).

Итак, поскольку имеющиеся в языке средства обозначения предмета и существующие между ними отношения предполагают возможность выбора, поскольку любой предмет может быть по-разному обозначен в зависимости от целей высказывания, употребление местоимения, референтом которого является предмет, ранее уже обозначенный каким-либо существительным, не создает никакой особой ситуации это всего лишь одно из проявлений гетеронимативности, один из способов перехода от одного типа номинации к другому. Однако из самого определения гетеронимативности как разного наименования предметов следует, что ни одно слово при этом не является заместителем другого. Каждое из них обозначает предмет по-своему, на основе своего постоянного, существующего в самой системе значения.

Если на протяжении целого абзаца описывается образ жизни человека, перечисляются его поступки, дается их характеристика, а затем следует предложение «Это вызвало осуждение со стороны товарищей», то традиционно считается, что местоимение «это» замещает весь предыдущий абзац. А если вместо этого будет сказано: «Его поведение вызвало осуждение со стороны товарищей», — можно ли считать, что слово «поведение» своего значения не имеет и приобретает его лишь в синтагматической цепи, что его значение в данном случае совпадает со «значением» предыдущего абзаца? Очевидно, ни в случае с местоимением «это», ни в случае с существительным «поведение» это не так. По-разному обобщая сказанное, существительное и местоимение имеют разные собственные значения. Слово «поведение» является обобщающим по отношению к словам, обозначающим отдельные конкретные поступки. Это его постоянное значение, не зависящее от того, о каких именно поступках идет речь в данном случае. Точно так же обстоит дело с местоимением «это». Оно тоже обобщает, но только с несколько иных позиций. Его собственное значение остается при этом неизменным: «предметы, явления или признаки, упомянутые или указанные раньше». В приведенном примере под категорию таких явлений подводятся все описанные поступки человека. Именно совокупность этих поступков становится тем, о чем уже говорили, а не местоимение «это» приобретает значение «со-

вокушность определенных поступков» (ср. функционально и семантически близкие средства — «все сказанное выше», «вышеупомянутое», «все изложенное выше» и т. д.). «Это» — это не все, что угодно, а всегда «указанное или упомянутое». Причем значения такого рода для местоимений являются постоянными и не подвергаются контекстуальным изменениям. «Он» — это не Иван, не Сергей и не стол. «Он» — это всегда объект речи, не являющийся при этом адресатом и воспринимающийся носителями языка как предмет (в том числе и лицо) «мужского рода». И здесь местоимение не приобретает значения «Сергей» или «стол», а, напротив, Сергей или стол ставятся в позицию объекта речи, т. е. поводятся по категории того, о ком (о чем) мы говорим. Используя местоимение «он», мы всегда имеем в виду одно и то же: он — это тот предмет (или человек), о котором мы говорим, т. е. не автор речи, не адресат, а объект речи. Это значение остается неизменным независимо от того, кто или что именно становится объектом высказывания.

Иными словами, не следует искать даже контекстуального тождества значений между кореферентными существительным и местоимением. Местоимение употребляется не вместо имени, не «в значении имени», а в своем собственном значении. Сам по себе вопрос о семантической и стилистической тождественности или нетождественности существительного и местоимения свидетельствует о том, что местоимение априори рассматривается как лишнее собственное значения в системе языка и способное лишь в полной или не в полной мере передать значение того существительного, которое оно замещает в тексте (подробнее об этом см. раздел «О местоимениях как словах-заместителях»).

В языке имеется большое количество слов, входящих в так называемые «знаменательные части речи», которые по характеру своего значения не отличаются от местоимений. Причем имеются в виду не «прономинальные прилагательные» типа «указанный», «данный», «соответствующий», «определенный» и т. д., не слова, которые, приобретая все более и более обобщенное значение, постепенно подвергаются прономинализации («человек», «вещь», «лицо» и т. д.), а слова, по самому своему значению призванные выражать понятия, близкие к тем, которые выражают местоимения. К упомянутым уже прилагательным «тождественный», «идентичный», «аналогичный», «схожий», «одинаковый», «бесхозный» и существительным «совокупность», «половина»,

«часть», «большинство», «треть» можно добавить «разный», «различный», «иной», «другой», «отличный» (— «отличающийся»), «похожий», «совпадающий», «любой», «чужой», «общин», «сплошной», «меньшинство», «четверть», «общность», «единство», «универсальность» и т. п.

Приведенные примеры того, что существительные и прилагательные могут быть синонимичны или антонимичны местоимениям, отнюдь не означают, что эти существительные и прилагательные неоднозначны. Они лишь свидетельствуют о том, что традиционное разграничение словаря на однозначную и неоднозначную лексику (как бы эти термины ни трактовались) не всегда достаточно обосновано.

К этой же проблеме можно подойти с другой стороны. Если неоднозначные слова лишены номинативной функции (не говоря уже о способности выполнять самостоятельную функцию в предложении), то могут ли такие слова образовывать высказывания без участия слов номинативных? Этот же вопрос можно сформулировать и по-другому: имеют ли значение высказывания, состоящие из одних неноминативных слов?

Естественно напрашивается ответ, что осмысленных высказываний, не содержащих номинативных слов, быть не должно. Однако наличие таких фраз, как «И это все о нем», «Ты — мне, я — тебе» и т. д., свидетельствует об обратном.

Можно предположить, что существование подобных предложений возможно лишь с опорой на контекст. Так, высказывание «Это всё мое», состоящее из одних местоимений (и нулевой связки), становится полностью понятным читателю лишь в том случае, когда он из контекста (лингвистического или внеязыкового, т. е. «контекста реальной действительности») знает, что есть «все» (книги, цветы, земля, деньги, рукописи и т. д.) и кто такой «я», которому это «всё» принадлежит. И тем не менее какая-то часть значения становится понятной и без контекста: имеется некоторое лицо, являющееся автором высказывания, и этому лицу принадлежит совокупность каких-то предметов.

Попутно возникает вопрос: что понимается под контекстуальной или ситуативной обусловленностью и контекстуальной и ситуативной независимостью значений тех или иных слов? Может ли отсылка к понятиям, известным читателю (слушателю) из внеязыкового и даже внеситуативного контекста («контекста реальной действительности»), рассматриваться как отсутствие значения, как неспособность обо-

начать что-то? Или же непосредственное (т. е. осуществляемое без помощи других слов) соотнесение с отраженными нашим сознанием экстралингвистическими фактами само по себе должно рассматриваться как значение? В самом деле, понимание фразы «Такой, как все» обеспечивается отнюдь не присутствием «всех» в данной ситуации и не предшествовавшим обсуждением «всех». Можно ли говорить здесь об отсутствии значения или хотя бы о его контекстуальной обусловленности?

Вообще говоря, обобщающая сила местоимения «всё» так велика, что в большинстве случаев оно не нуждается в уточнении, так как использованное без контекстуальных или ситуативных ограничений, «всё» означает вообще совокупность, не допускающую исключений:

«Всё мое» — сказала злато.
«Все мое» — сказал булаг.

(А. С. Пушкин)

Можно привести примеры высказываний, не содержащих номинативных слов, которые характеризуются большей контекстуальной независимостью, чем разобранные выше («Это всё моё»).

Хочу сказать, что всё люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

(А. С. Пушкин)

Придагочное предложение, составляющее вторую строку, образовано местоимениями (я, твой), союзом (что) и местоименными наречиями (сюда, всё).

Нетрудно предвидеть возражение, что читателю без контекста не ясно, какие конкретные лица стоят за местоимениями «я» и «твой», а также куда, собственно говоря, автор речи призывает адресата. Однако вряд ли здесь можно говорить о большей контекстуальной обусловленности значения, чем в предложении «Приборы показывали аварийную перегрузку» (Анчаров. Самшитовый лес). Это предложение состоит из одних номинативных слов, однако без опоры на контекст невозможно представить себе, о каких именно приборах идет речь, какая перегрузка должна считаться аварийной и в чем, наконец, может заключаться предполагаемая авария.

Прекрасный пример очень емкого по смыслу высказывания, не содержащего ни одного слова, относимого лингвистами к числу номинативных, приводится (правда, в другой

связи) в книге О. Есперсена «Analytic Syntax» (1937): You are all mine and my all. Говорить о том, что фраза эта непонятна без уточнения личности автора высказывания и адресата, — значило бы спорить с очевидными фактами: смысл фразы — в определении отношения говорящего к адресату, и этот смысл передан очень точно, хотя фраза состоит из местоимений и глаголов-связок.

Так или иначе все приведенные примеры свидетельствуют о возможности построения высказываний из одних так называемых неполнозначных слов. Причем, как было показано, это не теоретическая возможность, предполагающая наличие каких-то особых условий, а вполне реальный факт. Высказывания такого типа встречаются в самых разных функциональных стилях и в самых разных ситуациях.

Несмотря на то, что значение в обсуждавшихся выше примерах характеризуется разной степенью контекстуальной независимости, все эти примеры свидетельствуют о несомненной полноточности входящих в них слов. Впрочем, для большей убедительности можно привести полностью контекстуально независимое высказывание. Вряд ли кто-либо будет отрицать наличие великого смысла в следующем предложении: «Кто был ничем, тот станет всем». Этот смысл выражен с помощью четырех местоимений и двух глаголов-связок, т. е. исключительно с помощью слов, традиционно относимых к неноминативным. Более того, это единственный способ, с помощью которого можно выразить данное значение в полном объеме. Любая попытка заменить «неполнозначные» местоимения («ничем» и «всем») какими бы то ни было «полнозначными» словами неизбежно ведет к ограничению или искажению смысла высказывания. Точно так же искажает этот смысл и попытка заменить или хотя бы поменять местами «незначашщие» глаголы-связки.

Естественно напрашивается вывод о том, что так называемые неполнозначные слова далеко не всегда в самом деле неполнозначны как с грамматических, так и с семиологических позиций. Доказательство тому показанная выше способность подобных слов выступать и в качестве самостоятельного члена предложения, и в качестве смыслового ядра высказывания. Не менее существенным доказательством является и факт закрепления таких слов за выражением определенных понятий, причем в качестве единственного средства их выражения.

Таким образом, отнесение целых лексико-грамматичес-

ких разрядов слов (частей речи) к числу номинативных (полнозначных) или неноминативных (неполнозначных) явно неправомерно. Вопрос о полнозначности или неполнозначности той или иной единицы должен решаться только на основе семиологических (и, если угодно, грамматических) характеристик данной единицы, а не на основе принадлежности ее к какой-либо части речи. В противном случае образуется замкнутый круг: все местоимения неполнозначны; данное слово неполнозначно, потому что оно местоимение; данное слово местоимение, потому что оно неполнозначно, а именно — дейктично. Более того, при отнесении единицы к числу неноминативных следует помнить, что эта единица автоматически перестает рассматриваться как слово, поскольку специфика слова как единицы языка составляет прежде всего номинативность, которой лишены единицы более низкого уровня (морфемы) и которая возникает в результате соединения вещественного и грамматического значения. Деление слов на номинативные и неноминативные противоречит самому определению слова как минимальной номинативной единицы. Если единица признана неноминативной, она не может рассматриваться как слово. В таком случае необходимо решить, к какому уровню организации языковых единиц она относится.

В этой связи представляется необходимым обратиться к достаточно многочисленной группе слов, несомненно обладающих лексическим значением, которые тем не менее в теории номинации противопоставляются называющим словам: Речь идет о словах дейктических.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «НОМИНАТИВНЫЙ» И «ДЕЙКТИЧЕСКИЙ»

Характеризуя разряд «неназывающих словесных знаков», А. А. Уфимцева пишет, что к ним относятся «довольно своеобразные по функции и многочисленные по числу микросистемы, общей чертой которых является относительный характер их семантики и функция внутриязыкового, внутривидового (назначения) их использования» (Уфимцева, 1980, с. 44). Среди них — как одна из микросистем — выделяются дейктические слова, которые рассматриваются как знаки относительного указания, т. е. «выделяют и дифференцируют предметы, явления, лица относительно координат речевого акта...» (там же, с. 46). Судя по приведенному

в «Языковой номинации» списке слов, относимых к числу дейктических, группа эта довольно пестра и неоднородна. В самом деле, туда входят помимо местоимений и местоименных наречий еще и «...наречия времени, места, пространственного нахождения, глаголы перемещения, движения, предлоги, послелого, выражающие понятия соотношения»*, а также «...вопросительные наречия, сочинительные и подчинительные союзы, различные связки» (Уфимцева, 1977, с. 49 - 50).

Если исходить из общепринятого понимания дейктичности как способности слова характеризовать предмет относительно некоторого центра координации, представляющего собой субъект или объект в случае пространственного дейксиса или момент речи в случае временного дейксиса, то отнесение всех перечисленных разрядов и групп слов к числу дейктических сомнения не вызывает. Остается только неясным, почему все эти слова оказываются неполнозначными. Полнозначные (=знаменательные) слова определяются О. С. Ахмановой как имеющие «отдельный самостоятельный смысл (самостоятельное лексическое значение)», т. е. отражающие «действительность в ее предметах, действиях, качествах или свойствах», иными словами не десемантизированные, не грамматикализованные (Ахманова, 1966, с. 160).

Почему же способность слова характеризовать нечто «по признакам, которыми этот предмет обладает только относительно другого предмета, присутствующего в речевой ситуации» (Стернин, 1973, с. 5), не позволяет слову иметь самостоятельное лексическое значение? То, что эти значения могут сосуществовать, особенно наглядно можно показать на примере глаголов движения. «Приехать» — это, безусловно, «приблизиться к центру координации». Однако значение глагола этим не исчерпывается: «приехать» отличается по своему лексическому значению и от «прийти», и от «прилететь», и от «приползти», не говоря уже о его отличиях от «принести», «прибить» и тем более от «увидеть» или «написать». Глагол «приехать», как и большинство глаголов, обозначающих перемещение в пространстве, одновременно содержит указание на способ передвижения, что отличает его от всех остальных глаголов движения, имеющих такую же ориентированность на центр координации.

С точки зрения дейктического значения, глаголы, обоз-

---

* Не вполне ясен сам по себе принцип отнесения к числу неполнозначных таких слов, которые «выражают понятия».

начающие действия, направленные на центр координации («приблизиться», «приходить», «приносить»), ничем не отличаются друг от друга. Различия между ними заключены именно в недейктической части их значения — все эти глаголы называют действия, качественно отличные друг от друга (так же, как они качественно отличны от действий, выраженных глаголами чувственного восприятия, интеллектуальной деятельности и т. д.). Следовательно, это номинативные слова, которые одновременно содержат в своей семантической структуре дейктические компоненты. 1

Чтобы проиллюстрировать это, достаточно сопоставить значение любого дейктического слова с двумя другими, одному из которых оно противопоставлено своим дейктическим компонентом, а другому — недейктическим. В качестве примера рассмотрим следующий абзац из «Писем к матери» П. Л. Капицы:

«Сегодня получил ваши письма и был им очень рад, были письма от всех, и я прочел и перечел их. Ты себе не можешь представить, как это хорошо на меня действует. Но меня беспокоит, что ты не пишешь, получила ли ты очки. Я их послал, но ты ничего не пишешь о них».

В первом предложении глагол «получил», обладающий несомненной дейктичностью (действие направлено к говорящему, являющемуся «центром координации»), сопоставляется с недейктическими «прочел» и «перечел». Все эти три глагола обозначают разные действия, независимо от того, что одно из них связано с пространственной ориентацией, а другие не связаны. Они различаются номинативными компонентами своего значения. В последних же двух предложениях глаголы «получила» и «послал» противопоставлены именно своими дейктическими компонентами — приобретения (при котором действие направлено к центру координации) и отторжения, (при котором действие направлено от центра координации).¹ Таким образом, семантическая структура глагола «получать» образуется в результате взаимодействия дейктического и недейктического компонентов. Определение таких слов только как дейктических явно недостаточно. Их можно было бы назвать «не только номинативными, но к тому же еще и дейктическими». Вероятно, для них можно создать и какой-то новый термин, однако вряд ли стоит с этим спешить ввиду существующей терминологической перегруженности лингвистики. Достаточно лишь признать, что дейктичность слова сама по себе никоим образом

не исключает возможности его полноточности, номинативности. /

Вообще говоря, основы противопоставления дейктических слов словам-названиям явно нуждаются в уточнении. В «Языковой номинации» дается такое обоснование этого противопоставления: «В противоположность разряду слов-наименований, значение которых носит абсолютный характер в том смысле, что оно детерминировано реальной действительностью (строго закрепленной за знаком в системе данного языка предметной и/или понятийной отнесенностью), дейктические знаки, не будучи названиями лиц, предметов, выделяют и дифференцируют факты, явления, предметы и лица относительно координат речевого акта: актуального момента речепроизводства, участников коммуникативного акта (говорящего, слушающего), местоположения лиц, предметов в конкретной ситуации не только относительно субъекта речи, но и относительно друг друга. Значение дейктических знаков носит относительный характер» (Языковая номинация, 1977, с. 47—48).

Противопоставление абсолютного, т. е. детерминированного реальной действительностью значения одних слов относительно (т. е. не детерминированному реальной действительностью) значению других, которые выделяют и координируют объекты реального мира в отношении к времени и пространству, представляется весьма странным, поскольку пространство и время суть всеобщие формы существования материи. Как же можно говорить о том, что выражение соотнесенности предметов и явлений со временем и пространством не детерминировано реальной действительностью?

Абсолютность же значения недейктических слов тоже весьма сомнительна, так как предметная (и тем более понятийная) отнесенность языкового знака сама по себе еще не достаточна для коммуникации. Необходимо вторичное означивание, соотнесение этого знака с конкретным (т. е. заданным той же речевой ситуацией) референтом. В этом отношении сама обобщающая сущность знака приводит к тому, что его значение одновременно и абсолютно (в плане соотнесенности с денотатом), и относительно (в плане сигнификативной соотнесенности с референтом).

В этой связи нельзя не остановиться на существующем представлении о том, что «дейктические слова применимы к любому объекту. Их речевое содержание всецело обусловлено признаками денотата, выбор которого зависит от конкрет-

ного коммуникативного акта. Если отвлечься от анафоры, то использование дейктических слов для идентификации конкретного предмета возможно только в ситуации его присутствия» (Арутюнова, 1977, с. 189). С таким определением специфики дейктических слов трудно согласиться, так как в нем содержатся два логических противоречия. Первое из них состоит в том, что заключение о применимости единицы, т. е. о возможных типах реализации ее системного значения, делается на основе ситуативной обусловленности ее речевого содержания. Второе же противоречие заключается в установлении связи между дейктичностью как свойством относительной характеристики, с одной стороны, и ситуативной обусловленностью референции — с другой. Вероятно, нет необходимости напоминать, что соотносительность с конкретным предметом у любого слова возникает лишь в данном акте речи. А. А. Уфимцева по этому поводу пишет: «Словесный однозначный знак, обозначая, относится не к одному предмету, а к целому классу ему подобных, поэтому любое прямое номинативное обозначение с точки зрения процесса и результата его образования есть обобщение, а форма знака представляет собой наименование (обозначение) целого класса предметов. Характеризующий словесный знак в силу своего значения выявляет не только содержательный характер обозначаемого, но и сферу его референции в актуальной речи» (Уфимцева, 1984, с. 432). Таким образом, речевое содержание любого слова вообще, а не только дейктического, складывается из его системного значения и референциальной отнесенности в речи. Если же до возникновения референциальной отнесенности, т. е. до момента употребления в речи, у дейктических знаков вообще никакого значения нет, то на основе чего происходит выбор того или иного знака для данной референции? Если до момента речи у слова «туда» нет никакого значения, то почему его нельзя употребить вместо слова «он» или даже вместо «куда-нибудь»? Очевидно, самими системными свойствами знака (в том числе и дейктического) определяется тот круг референтов, с которыми они могут быть соотношены в речи.

Вообще говоря, возможность использования одного знака для называния множества разных референтов (но таких, что по каким-то своим признакам или свойствам — постоянным или переменным — они могут быть объединены в класс) составляет одно из наиболее существенных свойств знака вообще. При этом, соотносясь с разными референта-

ми, знак сохраняет некий инвариант значения, в котором закрепляется общее свойство всех этих референтов, положенное в основу объединения их в один класс. «...Помимо формы словесного знака и его номинативной функции как основной, постоянным элементом в содержании является, в зависимости от типа знаков, то понятийный компонент означаемого, то предметный. Все изменение семантики словесного знака представляет собой диалектически разрешимое противоречие общего и конкретного, постоянного и переменного, смену референтов имени при относительно стабильном понятии (сигнификате), вызываемую функционированием словесного знака в актуальной речи» (Уфимцева, 1977, с. 27).

Поэтому остается неясным, в чем же состоит специфика дейктических слов и почему они «применимы к любому объекту» в большей степени, чем слова «называющие». Трудно представить себе ситуацию, когда дейктический глагол «вернуться» можно было бы применить к действию, заключающемуся в обдумывании или поедании чего-либо, а дейктическое слово «туда» использовать для характеристики быстроты действия. Точно так же непонятна и обязательность присутствия предмета, идентифицируемого дейктическим словом. Это требование приложимо к дейктическим словам не больше, чем к любым другим. Причем это можно утверждать не только в отношении дейктических глаголов, но даже и местоимений. «Ситуация присутствия» вовсе не является обязательной для использования местоимения «он» в рассказе о каком-то человеке. Если при этом подразумевается «присутствие» этого человека в опыте каждого из собеседников или предшествовавшее упоминание его в речи, то и тогда дейктическое «он» требует этого не больше, чем, скажем, существительное «студент»: в реальной речевой ситуации не опирающаяся на предыдущий контекст фраза «студент сказал, что не делал этого» неизбежно вызовет вопрос «какой студент?», так же, как фраза «он сказал, что не делал этого», — вопрос «кто — он?».

{ Несоотносимость понятия дейктичности слов с их принадлежностью к той или иной части речи, равно как и с делением словаря на классы однозначных и неоднозначных слов, убедительно показана Е. Л. Ерзинкян на материале временного дейксиса. Определив параметры дейктичности, она пишет: «Рассмотрение всего корпуса языкового материала показало, что выделенные параметры находятся в различном соотношении в разных частях речи» (Ерзинкян, 1979,

с. 11); «...слова, содержащие дейктическое обозначение времени, не составляют единого формального и функционального класса» (там же, с. 9). Временной дейксис выражается наречиями, прилагательными, глаголами и существительными. Интересным и знаменательным является выделение в работе Е. Л. Ерзинкян даже особого способа номинации — дейктического.

Само по себе деление словаря на дейктический и недектический классы (или разряды) вполне правомерно, но оно вряд ли совместимо с делением на полнозначные и неполнозначные (или номинативные и неноминативные) слова (см. Петрова, 1979). Значительное количество слов, отвечающих всем характеристикам полнозначных, способно тащить называемым ими предметам и признакам характеристику относительно центра координации. На основе приведенного выше определения дейктичности (см. с. 25) все слова, в семантической структуре которых содержится дейктический компонент, являются дейктическими. Слова, лишенные этого компонента, входят в разряд недектических. При этом первый класс будет весьма неоднородным по «степени дейктичности» входящих в него слов. Для одних указательность, соотносительность значения будет основным (если не единственным) компонентом семантической структуры, для других — сопутствующим, хотя и достаточно существенным, для третьих — совсем второстепенным. Само определение дейктичности указывает на то, что в этот класс с неизбежностью попадут слова, относящиеся к разным частям речи.

Необходимость обращения к понятию дейксиса диктуется тем обстоятельством, что большинство лингвистов выделяет местоимения в самостоятельный разряд (называя его в одних случаях частью речи, в других — микросистемой неполнозначных слов) именно на основе дейктичности местоименных слов. Однако утверждение, что все местоимения дейктичны, вовсе не представляется бесспорным.

О ДЕЙКТИЧНОСТИ МЕСТОИМЕНИЙ

Широко распространенное представление о дейктичности местоимений опирается, по-видимому, на несомненную дейктичность личных и указательных местоимений. В самом деле, личные местоимения дают характеристику предмету или лицу относительно центра координации, каковым явля-

ется говорящий в данной речевой ситуации. Указательные местоимения выражают пространственную соотнесенность выделяемого предмета с говорящим или хронологическую последовательность событий относительно момента речи («ближе» или «дальше» во времени). Столь же бесспорна и дейктичность притяжательных местоимений*.

Остальные же группы местоимений не обнаруживают такой четкой дейктичности (см. Петрова, 1983). Более того, в ряде случаев вообще наличие дейктичности в значении тех или иных местоимений вызывает сомнение. Рассмотрим, например, вопросительные местоимения. Уже сама по себе специфика вопроса заставляет поставить под сомнение дейктичность этих слов. Поскольку вопросительное слово ничего не называет и не выделяет, а лишь запрашивает информацию, недостающую для построения суждения, вряд ли можно говорить о том, что такое слово характеризует нечто (еще пока неизвестно, что) относительно какого бы то ни было центра координации. Рассматривая некоторые из определений, данных в грамматике Холла и Зонненшейна, О. Есперсен писал: «Существительные называют. Местоимения отождествляют без названия». Я сомневаюсь, что *who* в предложении *Who killed Cock Robin?* — «Кто убил Кока Робина?» действительно что-нибудь отождествляет; оно скорее просит отождествить кого-то другого» (Есперсен, 1958, с. 63). Если некоторые вопросительные наречия хотя бы предполагают дейктичность ответа (куда? — сюда, домой и т. д.), то вопросительные местоимения «кто?», «что?», «какой?» не требуют даже этого. На вопрос «кто?» может быть дан ответ, характеризующий лицо как центр координации (т. е. как автора речи, «я»), как адресата речи («ты», «вы»), объект речи («он», «они») и, наконец, не содержащий имплицитной характеристики относительно центра координации («Миша»). Вопросительному местоимению «что?» практически никогда не соответствует дейктический ответ (что? — «книга», «смех», «волнение» и т. д.). Местоимение «какой?» с одинаковой вероятностью предполагает дейктический («такой», «далеккий», «вчерашний») и недейктический ответ («синий», «квадратный», «слепой»).

* Интересно отметить, что именно эти три группы местоимений, характеризующихся наиболее ярко выраженной дейктичностью, не включаются А. А. Уфимцевой в число слов, неполнозначных в силу своей дейктичности (см. Уфимцева, 1980).

Следовательно, эти местоимения сами не дают характеристики предметов и явлений, так как до получения ответа не установлен еще факт наличия этих предметов и явлений (ср.: «кто?» — «никто»; «какой?» — «никакой»), и не предполагают обязательной дейктичности ответа.

Не вполне ясны и критерии отнесения к разряду дейктических таких групп местоимений, как определительные и неопределенные. Как и относительно какого центра координации характеризуют предметы местоимения «любой», «всякий»? Вообще говоря, местоимения тотальной семантики по самой сути своей трудно соотносимы с каким-либо центром координации.

Особо следует остановиться на значении отрицательных местоимений. Эти слова вообще отрицают наличие того, что можно было бы как-то характеризовать. В самом деле, «никакой» — это не имеющий ни относительной, ни абсолютной характеристики. «Ничей» — это не принадлежащий никому и, следовательно, тот, который нельзя характеризовать относительно субъекта или объекта. В понятии «никто» нейтрализуется даже категория лица (так как «никто» может включать и не включать говорящего), так что совершенно не понятно, относительно какого центра координации дается характеристика. То же самое относится и к «ничто».

Если отрицательные наречия отрицают наличие того или иного признака, соотносимого или не соотносимого с центром координации («нигде», «никуда», с одной стороны, «никак» — с другой), то отрицательные местоимения как таковые совершенно безразличны к какому бы то ни было центру координации. Так что если даже допустить, что отрицание наличия соотносительной характеристики — это тоже дейксис и отрицательные наречия так или иначе связаны с понятием дейксиса, то придется признать, что отрицательные местоимения «никто», «ничто», «никакой» недейктичны.

Таким образом, специфика значения местоимений не может быть объяснена их дейктичностью. Дейктичность является для местоимений (кроме личных, притяжательных и указательных) таким же факультативным признаком, каким она оказывается для наречий и глаголов.

Итак, с одной стороны, далеко не все местоимения дейктичны. С другой — дейктичны не только местоимения. Что же в таком случае составляет специфику семантики местоимений?

Отвечая на этот вопрос, нередко говорят, что специфика состоит как раз в отсутствии семантики, в том, что местоимениям присуща лишь функция замещения других слов.

О МЕСТОИМЕНЯХ КАК СЛОВАХ-ЗАМЕСТИТЕЛЯХ

Представление о том, что местоимения являются специализированным классом слов-заместителей, получило чрезвычайно широкое распространение в лингвистической литературе и воспринимается сегодня уже практически как аксиома. Обсуждается лишь вопрос о том, совпадает ли (и если да, то насколько полно) значение местоимения, употребляющегося в тексте в качестве заместителя того или иного имени, и значение самого этого имени. Однако такая постановка вопроса дает основания для серьезных разногласий и разночтений, так как содержит по крайней мере два весьма неопределенных понятия — значение и заместитель. Разное понимание первого из них приводит к тому, что одни исследователи говорят о совпадении или несовпадении денотативных значений, другие же, исходя из иного понимания значения и семантической эквивалентности, обсуждают эту проблему в терминах кореферентности. В этом случае является совпадение или несовпадение семантической референции и референции говорящего, а также соотношение референции и смысла. Вопрос об употреблении местоимений «вместо» имен обсуждается также и в плане стилистического значения, для которого, по мнению исследователей, решающим оказывается порядок появления существительного и местоимения в тексте. Полагают, что в случае анафорического употребления местоимения в художественном тексте оно приобретает дополнительное значение, превращаясь в эмоционально-образную единицу (по поводу разных подходов к этой проблеме см., например, Падучева, 1985; Петров, 1979; Чехов, 1979; Кухаренко, 1979).

Можно с уверенностью сказать, что разнообразие подходов к определению семантического соответствия существительных и местоимений в тексте вызывается не только разным толкованием термина «значение», но и отсутствием единства мнений по поводу назначения местоимения как единицы языка. Причем речь в данном случае идет не о правомерности или неправомерности выделения местоимений в отдельный лексико-грамматический, грамматический

или функционально-семантический класс (часть речи), а о понимании того, для чего в языке существуют эти слова. Отмечая, что местоимения представляют собой весьма своеобразный класс слов, с обязательностью присутствующий во всех языках, но в то же время столь неоднородный, что единство его часто подвергается сомнению, Е. В. Падучева пишет: «Семантические исследования последних лет подтверждают интуицию традиционной грамматики, которая всегда отстаивала единство класса местоимений как непосредственную очевидность. Обращение к референциальным аспектам высказывания показало, что местоимения, не являясь грамматической группировкой слов (частью речи), образуют, однако, лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотносительности высказывания с действительностью» (Падучева, 1985, с. 11).

Сопоставление этой точки зрения с традиционным подходом к местоимениям как заместителям имен показывает, что в рамках теории субституции не учитывается референциальная функция местоимений, которая в большинстве случаев не совпадает с таковой у «замещаемых» ими существительных.

Отношение к местоимениям как к словам, существующим лишь для замещения других слов, опирается на восприятие местоимений как слов, которые представляют собой «..серию «пустых» знаков, свободных от референтной соотносительности с «реальностью», всегда готовых к новому употреблению и становящихся «полными» знаками, как только говорящий принимает их для себя, вводя в протекающий акт речи. Лишенные материальной референции, они не могут быть употреблены неправильно; ничего не утверждая, они не подчинены ни критерию истинности, ни критерию ложности. Роль этих знаков заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь» (Бенвенист, 1974, с. 288).

Таким образом, не имея собственной постоянной референции в системе языка, местоимения якобы приобретают ее лишь в данной речевой ситуации, при речевой референции, которая представляет собой «отношение актуализованного, включенного в речь имени или именного выражения (имен-

ной группы) к объектам действительности» (Арутюнова, 1982, с. 6).

Рассматривая слова типа «я» и «сейчас», О. Дюкро пишет: «Хотя оно (слово. — О. П.) референтно при каждом употреблении, оно не имеет никакой референции само по себе, в отрыве от высказывания, то есть тогда, когда оно выступает в качестве языкового знака, элемента языковой системы. А в системе языка его функция состоит единственно в том, что оно содержит определенные указания, позволяющие определить, с каким референтом оно соотнесено в каждом случае употребления, причем должны учитываться переменные обстоятельства акта высказывания» (Дюкро, 1982, с. 269).

Думается, что при такого рода рассуждениях происходит определенная подмена тезиса, точнее — сведение понятия «значение» к понятию «референция». Указания, позволяющие судить, с каким референтом знак соотнесен в каждом случае его употребления, и составляют основу значения. Даже в случае ограничения сферы обсуждения так называемыми конкретными словами из числа общих имен невозможно сказать, что в самой системе знак имеет материальную референцию. Если бы это было так, не было бы понятия «виртуальный знак», не было бы необходимости в актуализаторах, отсутствовало бы само понятие актуализации. Если же обратиться к высказываниям типа «Самое неприятное — ждать и догонять» или «Что может быть хуже неопределенности?», то о какой «системной» (да и речевой!) референтности может здесь идти речь? Возникает вопрос: означает ли это, что приведенные слова в системе языка являются «пустыми знаками»?

Анализируя взгляды Б. Рассела, П. Ф. Стросон пишет: «Ошибка Рассела коренится в том, что он считал, что референция, если она имеет место, должна быть значением. <...> Если я говорю о своем носовом платке, я, может быть, и могу продемонстрировать предмет, к которому производится референция, вынув его из кармана. Но я не могу продемонстрировать значение выражения «мой носовой платок» тем, что выну его из кармана. Смешивая значение и референцию, Рассел считал, что если и существуют предназначенные для единичной референции выражения, которые в самом деле являются тем, чем они кажутся (то есть логическими субъектами), а не скрывают иной сущности, то их значением и должен быть тот определенный объект, на

который они указывают. Отсюда и возник миф о логически собственных именах и связанные с ним затруднения. Однако если меня кто-то спрашивает, какое значение имеет выражение «это» — некогда излюбленный Расселом пример логического собственного имени, — я не предъявляю ему тот предмет, для референции к которому я только что употребил это слово, добавляя при этом, что значение этого выражения изменяется в каждом случае. Я также не предъявляю ему все те объекты, для референции к которым это выражение когда-либо употреблялось или могло быть употреблено. Я объясняю и иллюстрирую правила (conventions), регулирующие употребление этого выражения. Это и есть раскрытие значения выражения» (Стросон, 1982, с. 65).

Может сложиться впечатление, что П. Ф. Стросон противоречит себе, когда он говорит: «Некоторым видам слов преимущественно, если не исключительно, присуща референтная функция. Это со всей очевидностью относится к местоимениям и обычным собственным именам» (там же, с. 78). Однако это впечатление ошибочно, поскольку сам П. Ф. Стросон считает референцию не свойством выражения; референция — это то, для чего говорящий может его употребить. «Упомянуть, или иметь референцию к чему-либо, — это характеристика употребления выражения...» (там же, с. 63). Аналогичную мысль высказывает и Л. Линский (см. Линский, 1982, с. 164).

Вообще говоря, представление об исключительности местоимений в плане референции явно преувеличено. В этом отношении показательно следующее рассуждение Л. Линского: «Разумеется, можно спросить... «Какова референция местоимения *он*?», если речь идет об определенном месте в тексте или о только что сказанных словах. Но из этого не следует, что такой вопрос возможен вне подобного контекста. Ясно, что вопрос о референции местоимения *он* является бессмысленным, если такой контекст не указан. Это относится к расселовскому примеру с выражением *a man*. Бессмысленно спрашивать «Какую референцию имеет слово *a man*?» или (пользуясь термином Рассела) «Кого обозначает (denotes) слово *a man*?». И даже когда контекст указан, такой вопрос не всегда имеет смысл. Если, например, я вам говорю, что мне нужна жена, вы вряд ли можете меня спросить: «О ком вы говорите?» (То whom are you referring?)» (Линский, 1982, с. 162—163). Едва ли в этих случаях можно говорить о принципиальных различиях в референции,

выраженной с помощью местоимения, и референции, выраженной с помощью именных групп*.

Как уже было сказано, рассмотрение местоимений всего лишь как знаков-актуализаторов основано на представлении о том, что, будучи «пустыми» знаками, они существуют лишь для замещения в речи того или иного имени, одновременно устанавливая его референциальную отнесенность к конкретному предмету. Если даже временно отвлечься от априорности такого представления и принять его на веру, нетрудно убедиться, что местоимения и в этом случае не составят особого класса знаков, поскольку функции замещения в тексте выполняются словами, принадлежащими к различным классам. Так, рассматривая средства обозначения объекта при повторном упоминании, Л. Н. Кувалдина выделяет в качестве заместителей, наряду с местоимениями, группы «идентифицирующее определение + существительное» (причем идентифицирующее определение может быть как местоименным, так и неместоименным), идентифицирующее существительное без идентифицирующих определений, идентифицирующее субстантивированное прилагательное, причастие, числительное (см. Кувалдина, 1971).

Характеризуя замещение как «такой способ организации связного текста, при котором происходит специфическое сокращение повторяющихся элементов текста при помощи слов-заместителей», М. И. Откупщикова выделяет два типа замещения: чистое, примером которого является лексический повтор, и отягченное, т. е. содержащее дополнительную информацию (Откупщикова, 1971, с. 71). Из сказанного следует, что, несмотря на замечание М. И. Откупщиковой о местоимениях как основном способе выражения замещения в тексте (там же, с. 72), местоимения не только не являются единственным классом слов-заместителей, но и к тому же еще используются в качестве «отягченных» заместителей, т. е. заместителей, сообщающих о референте нечто такое, чего о нем не сообщило замещаемое им имя.

Вообще говоря, само по себе рассмотрение местоимений как специализированных слов-заместителей порождает целый ряд парадоксальных выводов.

Во-первых, в таком случае приходится признать, что в

---

* Чрезвычайно интересным в этом отношении представляется замечание Э. Вендлера о возможности осмысления местоимения *он* как родового имени (см. Вендлер, с. 222).

языке существует некий класс слов-дублеров, созданных специально для того, чтобы при необходимости многократного называния одного и того же предмета или лица избежать стилистически нежелательного повтора. Причем такое положение наблюдается практически во всех языках. Положение безусловно парадоксальное, так как постоянное стремление языка к установлению симметричности отношений между единицами плана содержания и единицами плана выражения приводит к десинонимизации, дифференциации семантически и функционально тождественных единиц. Почему же эти процессы не затрагивают полной эквивалентности «имен» и «местоимений» (если все же допустить наличие этой эквивалентности)? Кроме того, далеко не во всех языках повтор одной и той же единицы считается достаточно серьезной стилистической погрешностью. Вероятно, в языках аналитических повторяемость определенных грамматических элементов, заданная самой спецификой аналитического строя, приводит к тому, что частое употребление одной и той же единицы (даже номинативной) не может оказывать столь же сильного воздействия на восприятие текста, как это имеет место в языках синтетического строя. В любом случае понятия стиля, нормированности языка вряд ли относятся к той эпохе, когда сформировалась группа слов, впоследствии получивших названия «местоимения». Трудно всерьез предположить, что возникновение этих слов обусловлено «стилистической интуицией» наших предков на этапе становления грамматической оформленности речи и языка.

Во-вторых, рассмотрение местоимений как слов-заместителей приводит к следующему парадоксу: относительно небольшое количество таких слов способно замещать все многообразие существующих в языке имен. Если бы каждому слову соответствовал свой «заместитель», действительно можно было бы говорить о тождественности их значений. Но поскольку такого «взаимно однозначного» соответствия слов и их заместителей нет, то приходится признать, что каждое местоимение для того, чтобы замещать тысячи слов, должно иметь какие-то свои, отличные от этих слов семантические характеристики. А если это так, то можно ли говорить о совпадении значений?

При структурном замещении, как и в случаях репрезентации, дело обстоит проще. Там субститут или репрезентант, по сути дела, перестает быть знаком и становится лишь сигналом другого знака. Однако в случае с местоимениями это

чаще всего не так, причем по крайней мере по двум причинам.

Рассматривая местоимения лишь как заместители, им все же при этом не отказывают в собственном дейктическом значении. Значит, они уже не могут просто быть сигналами каких-то других слов — они еще и указывают на что-то, характеризуют что-то относительно какого-то центра координации. Кроме того, личные местоимения 1-го и 2-го лица практически во всех индоевропейских языках не могут быть структурными заместителями, так как, в отличие от существительных, должны быть синтагматически связаны с глагольными формами 1-го и 2-го лица. Поскольку речь в таком случае идет не о структурном замещении, представляется очевидным, что местоимения при этом должны иметь собственную семантическую структуру. Следовательно, в этом случае нельзя говорить о тождественности значений. Кореферентность еще не означает совпадения значений. В противном случае следовало бы признать тождественность и всех существительных, если они относятся к одному и тому же лицу (например, «математик» и «блондин»). Список подобных противоречий можно продолжить.

С точки зрения логики вполне очевидно, что высказывания «книга является предметом, о котором я говорю» и «предмет, о котором я говорю, является книгой» не тождественны. Нечто аналогичное происходит и в случае кореферентного употребления существительных и местоимений. Высказывания «книга лежит на столе» и «она лежит на столе» не тождественны, так как в первом речь идет о книге, а во втором — о предмете речи, которым в данном случае является книга («то, о чем я говорю, — а мы из ситуации знаем, что этим предметом является книга, — лежит на столе»). В связи с этим вызывает некоторое сомнение утверждение В. А. Кухаренко о том, что личное местоимение, появляющееся в тексте до введения имени героя, «...приобретает дополнительные функции, значительно превышающие его исходное общеязыковое назначение» (Кухаренко, 1979, с. 31). В самом деле, если «общеязыковым назначением» местоимения считать лишь замещение существительного, к тому же уже ранее введенного в текст, то здесь действительно возникает новая ситуация, в которой местоимение выступает в несвойственной ему функции. Но если же в самой системе языка местоимение означает ту позицию, которую в речевой ситуации занимает тот или иной предмет (то или

нное лицо), то анализируемое В. А. Кухаренко употребление местоимения может быть объяснено следующим образом. Последовательность «имя — местоимение» соответствует построению «имеется книга; книга является предметом, о котором я говорю». Последовательность «местоимение — имя», в свою очередь, соответствует построению «я говорю о предмете; предмет, о котором я говорю, является книгой».

Попутно следует заметить, что введение имени собственного после многократного употребления личного местоимения, сопровождаемого сообщением характеристик человека, никакой новой информации об этом человеке читателю не добавляет. С этой точки зрения, в данном тексте имя собственное можно считать «заместителем» местоимения с неменьшим основанием, чем местоимение — «заместителем» имени собственного.

Вообще говоря, понятие информации, передаваемой именем собственным, само по себе подлежит уточнению. Как известно, имена собственные принципиально отличаются от всех остальных типов словесных знаков тем, что они называют какие-то лица или какие-то предметы, но не соотносятся с понятиями. Обобщающая сила имен собственных принципиально отличается от обобщающей силы имен нарицательных, поскольку, если вообще и можно говорить о «классе» людей, носящих одно имя, то само имя и будет единственным признаком объединения этих людей в класс.

Представление о том, что имя собственное имеет значение, с помощью которого в тексте создается некая семантическая опора, а затем местоимение лишь указывает на нее, выглядит явно неубедительно в свете того, что «по характеру знакового значения, по сфере функционирования и функции индивидуализации имена собственные можно назвать «лексически неполноценными, ущербными» (Уфимцева, 1977, с. 42). Удивительно, что при этом, несмотря на их неспособность выражать обобщенное понятие, имена собственные все же в отличие от местоимений зачисляются в разряд однозначных лексических знаков (правда, с оговоркой о том, что они резко противостоят последним по своему значению, а также сфере и объему функционирования).

В силу своих особенностей имя героя обычно не сообщает читателю об этом герое ничего сверх того, что могло бы сообщить местоимение. В исключительных случаях в художественных текстах имена собственные могут приобретать дополнительные функции — с помощью имени может

Быть сообщена национальность героя, может быть оказано определенное воздействие на эмоциональное восприятие этого героя читателем, могут, наконец, использоваться «говорящие» имена, как правило, искусственно созданные автором. Эти последние действительно содержат достаточно большой объем информации (основанной обычно на ассоциациях с реально существующими словами), но они никоим образом не являются единицами языка. Если же говорить не о специальном речевом употреблении имен собственных с дополнительными стилистическими целями, то следует признать, что информативность их чрезвычайно низка и последовательность «местоимение — имя собственное» в семантическом плане ничем не отличается от последовательности «имя собственное — местоимение». Таким образом, вероятно, обсуждая вопрос о соотношении семантики местоимения и имени в тексте, следует в основном иметь в виду имена нарицательные.

Кстати говоря, появление имени собственного после местоимения в тексте оказывается совершенно не обязательным. К примеру, в рассказе С. Ликока «His Little Son» ни разу не упоминается имя мальчика. Появляющееся в первом предложении местоимение *he* в контексте всего рассказа может рассматриваться как кореферентное существительному *son* в названии рассказа, хотя, строго говоря, такое утверждение не вполне корректно, так как существительное *son* входит в именную группу *his little son*, где местоимение 3-го лица *his* относится к отцу, от лица которого ведется повествование. Поэтому вряд ли правомерно говорить о функции замещения у местоимения, употребляемого персонажем, по отношению к существительному, употребленному автором. И так, в тексте рассказа в каждом предложении используется местоимение 3-го лица, появлению которого не предшествует и за которым не следует никакое имя собственное. Не употребляется даже существительное *son*. После шестикратного употребления местоимений *he* и *his* следует фраза *And he's a boy you couldn't help noticing*, после чего дважды подряд употребляется существительное *boy* — *that boy* и *remarkable boy*, явно не способствующее раскрытию или уточнению содержания, передаваемого местоимением. Дальше до конца рассказа используется только местоимение. Означает ли это, что местоимение *he* «замещает» в тексте какое-либо существительное? Оно может быть кореферентно целому ряду слов и именных групп, потенциально возможных в

рассказе, — John, Dick, my son и др. Однако тот факт, что ни одно существительное так и не употребляется, свидетельствует о том, что местоимение выступает здесь в своем собственном значении: he=«тот, о ком я говорю». Сын составляет предмет неуместной и неуместной родительской гордости, предмет мыслей отца и предмет его речи.

Таким образом, личное местоимение 3-го лица может употребляться в тексте без опоры на существительное. То же можно сказать и о других личных местоимениях. В литературе широко распространен прием повествования от 1-го лица, при котором повествующий является не участником, а лишь наблюдателем происходящих событий. В таком случае на протяжении целой книги может существовать «я» в авторских размышлениях, но нигде ни разу не будет произнесено имя того, от чьего лица ведется повествование. В таких языках, как русский, при наличии в тексте глагольных форм прошедшего времени возможно хотя бы соотнести это «я» с женским или мужским родом. Если же повествование ведется в настоящем времени или же в текстах, написанных, скажем, по-английски, нет даже этой косвенной характеристики. Следовательно, местоимение первого лица также используется в собственном значении: автор речи.

Возникает вопрос: почему же при наличии в тексте корреляции между существительным и местоимением роль последнего сводят к более или менее полному дублированию первого? Исчезает ли при появлении существительного собственное значение местоимения?

Для выяснения этого представляется удобным рассмотреть несколько текстов, содержащих существительные и местоимения, которые традиционно рассматриваются как коррелирующие (или уж во всяком случае как кореферентные).

I. I went to **my medical man**. **He** is an old chum of mine, and feels my pulse, and looks at my tongue, and talks about the weather, all for nothing, when I fancy I'm ill; so I thought I would do **him** a good turn by going to **him** now. «What a doctor wants», I said, «is practice. **He** shall have me. **He** will get more practice out of me than out of seventeen hundred of your ordinary, commonplace patients, with only one or two diseases each». So I went straight up and saw **him**, and **he** said...»

Все местоимения третьего лица в приведенном отрывке из книги «Трое в одной лодке» Дж. К. Джерома кореферент-

ны именной группе *my medical man*. Означает ли это, что они каждый раз «замещают» эту группу или входящее в нее существительное *man*? Трудно представить себе, что автор высказывания, употребляя местоимение *he*, каждый раз думает о своем приятеле как о *medical man*. Очевидно, что и *my medical man*, и *he* относятся к одному и тому же лицу, но при этом *medical man* — это характеристика человека, о котором идет речь, а местоимение *he* означает «тот, о ком я говорю». Он может быть врачом, приятелем, Джоном (Питом и т. д.); говоря *he*, автор может не иметь в виду ни одного из этих слов, а просто мысленно представлять себе этого человека во всей совокупности присущих ему черт и признаков. Возможен любой из этих вариантов. Наименее вероятно лишь то, что все 7 раз *he* замещает группу *my medical man*.

II. *A man who cannot live without constant admiration should marry a «God, you are wonderful» type of woman. If he is unable to make up his mind, he is right in wedding a dictator.*

Эти два предложения из «*On Marriage*» Дж. Микеша содержат существительное *a man* и местоимение *he*, которые на первый взгляд кореферентны. Однако если принять во внимание, что в первом предложении говорится о человеке, которому постоянно требуется, чтобы им восхищались (и тогда ему нужна жена вполне определенного типа), а во втором — о человеке, который сам никогда не может принять решения (и такому требуется жена совершенно другого типа), то становится очевидным, что кореферентность здесь кажущаяся. На самом деле *he* не заменяет того самого *a man*, которое употреблено в первом предложении. Оно синонимично существительному *a man*. Оно означает следующее (если развернуть его значение в предложении): «Если тот, о ком я говорю, — а я говорю о человеке мужского пола — нерешителен...». В противном случае, т. е. при понимании этого местоимения как элемента, замещающего существительное из первого предложения, второе предложение означало бы: «Если же человек, который хочет, чтобы им постоянно восхищались, еще к тому же и нерешителен, он должен жениться на женщине-диктаторе». Нужно ли говорить, что такое толкование абсурдно?

Итак, представляется неправомерной сама постановка вопроса о том, передает ли местоимение тот же объем значения, что и кореферентное ему существительное в тексте.

Будучи самостоятельным словом, с самостоятельным назначением и значением в системе языка, местоимение выполняет в тексте собственные функции и передает собственное, лишь ему присущее значение. Соотношение кореферентных существительного и местоимения ничем не отличается от соотношения двух или более кореферентных существительных в тексте. Относясь к одному и тому же предмету или лицу, каждое слово характеризует его собственным образом — либо с точки зрения его разных свойств, либо в его отношении к разным предметам, либо, наконец, в случае местоимения — в отношении к говорящему и речевой ситуации в целом.

Таким образом, самими свойствами существительных и местоимений задан разный объем и характер информации, сообщаемой ими относительно одного и того же предмета или лица.

О СИТУАТИВНОСТИ, КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ЗНАЧЕНИЯ МЕСТОИМЕНИИ

Обсуждая семантические особенности местоимений, исследователи обычно отмечают обобщенность значения этих слов, абстрактность этого значения, его относительность. Говорят также о лексической пустоте местоимений, ситуативной обусловленности их значения, способности приобретать конкретное значение (или конкретную референцию) лишь в синтагматической цепи (т. е. фактически в контексте), об отсутствии у местоимений первичного денотативного значения*. Все эти характеристики в конечном счете опираются на представление о местоимениях как о словах-указателях и словах-заместителях, т. е. о словах неполнозначных.

Если же отказаться от априорного отнесения местоимения к разряду незначительных знаков, то сразу теряются основания для определения значения местоимения как ситуативно обусловленного, так как сама по себе номинативность, номинативная способность слова уже предполагает существование у него значения в самой системе языка, т. е. значения внеситуативного (см. Петрова, 1982). Некоторые сообра-

---

* Следует отметить, что мнение об отсутствии у местоимений прямого денотативного значения одно время разделялось и автором настоящей работы (см. Петрова, 1973), однако последующий анализ показал ошибочность этой точки зрения (см., например, Петрова, 1981а).

жения по этому поводу уже были высказаны на с. 14—21, поскольку вопрос о существовании внеситуативного значения неотделим от вопроса о соотношении понятий «номинативный», «полизначный», «дейктический». Однако тезис о зависимости значения местоимений от ситуации, от лингвистического или ситуативного контекста так безоговорочно принимается широким кругом лингвистов*, что целесообразно остановиться на нем несколько подробнее и рассмотреть это положение в несколько ином плане, чем это было сделано в предыдущих разделах.

Общеизвестно, что большинство слов, взятых вне контекста, называет не конкретные предметы, а лишь классы предметов. В речи слово может соотноситься как с отдельным предметом, являющимся его референтом, так и с целым классом (когда референтом является обобщенное представление или понятие). В системе же языка слово всегда обобщает. При этом существенной особенностью слова является его способность соотноситься не только с представлением как высшей формой чувственного отражения, но и с понятием, являющимся результатом перехода от чувственной ступени познания к логическому мышлению.

«Понятие как высший способ отражения предметов, явлений и их свойств — более сложное явление психической деятельности человека, это творческий акт, включающий такие способы изучения действительности, как анализ и синтез. При формировании понятий происходит отсеивание, отбрасывание частных, несущественных признаков предметов и явлений, выделение общих и существенных. При этом человеческое сознание улавливает отношение зависимостей между предметами, явлениями, причинные, следственные и другие связи. В результате: количественно бесконечный и разнообразный мир предметов, явлений, вещей, их свойств, действий, познанный в каждый данный исторический период на определенном уровне, — укладывается в конечное количество отраженных сознанием «слепков» действительности — понятий» (Федоров, 1974, с. 7).

«Книга» — это или всего лишь один из предметов, относящихся к классу книг, или название самого этого класса.

---

* В качестве редкого исключения можно привести работу А. Г. Елисейевой и О. Н. Селиверстовой, которые прямо формулируют, что «значение местоимений не более изменчиво, чем значение остальных слов» (Елисейева, Селиверстова, 1987, с. 79).

В случае же многозначных слов вне контекста не наблюдается и такой сравнительно невысокой степени конкретности значения. Так, для определения значения слова «стол» необходим хотя бы минимальный контекст, т. е. контекст словосочетания. «Письменный стол» еще никакого конкретного предмета не называет, но в этом контексте уже определяется значение существительного, а именно — разновидность мебели. Однако для того чтобы слово «стол» приобрело конкретное значение, т. е. было соотнесено с определенным предметом, необходим более широкий лингвистический или ситуативный контекст (скажем, предложение типа «У окна стоял массивный письменный стол» или наличие одного стола в комнате, где произносится фраза «Положи книгу на стол»). При этом не возникает сомнений в том, что существительное «стол» в каждом новом контексте способно обозначать другой стол, соотноситься с новым предметом, т. е. приобретать новое «конкретное лексическое наполнение».

Сказанное в полной мере относится и к прилагательным. Так, одно и то же прилагательное в словосочетаниях «массивный стол» и «массивное кольцо» конкретизирует свое значение по-разному.

Однако на этом основании никто не отказывает существительным или прилагательным в наличии у них постоянного лексического значения и не ставит их «лексическую наполняемость» в зависимость от контекста.

По-иному обстоит дело с местоимениями. Поскольку «я» — это каждый раз другой человек, принято считать, что никакого постоянного значения у этого слова нет. То же самое относится и к другим группам местоимений. Говорят, что «такой» в каждом новом контексте указывает на совокупность других характеристик, «все» служит для обозначения совокупности каждый раз других предметов («все студенты», «все книги» и т. д.). «Некоторые слова, взятые отдельно, сами по себе, без связи с другими оказываются недостаточными понятийными знаками: они нуждаются в уточнении, конкретизации с помощью других знаков. Сюда относятся слова с переносным значением, а также местоимения, наречия. Так, например, слово «там» без слов, составляющих контекст, значит только: «не здесь», «где-то»... Такие знаки сами по себе, как заметил еще Г. В. Гегель, «пусты» и «бессодержательны» (Федоров, 1974, с. 7—8).

В действительности же даже простое сравнение взаимодействия с контекстом местоимений и других классов слов

позволяет убедиться в том, что местоимения не обладают большей, чем другие слова, зависимостью от контекста. Скорее наблюдается обратная закономерность: существительные, прилагательные и т. д. способны изменять свое значение под воздействием контекста, тогда как контекстуального изменения значений у местоимений не наблюдается. Нетрудно представить себе ситуацию, в которой словом «стол» будет назван, к примеру, большой пень, на котором разложили свой завтрак участники пикника. Но ни в каком контексте местоимение «я» не может приобрести значения, отличного от своего основного — «автор речи», «автор высказывания». Это значение «я» сохраняется в любой ситуации.

В этой связи возникает вопрос: что же понимается под «конкретным лексическим значением», которое местоимения приобретают якобы только в контексте? Дело в том, что здесь наблюдается типичный случай подмены тезиса. Говоря о «переменном», ситуативно или контекстуально обусловленном значении местоимений, имеют в виду их способность «указывать» на разные предметы или на разных лиц. В одном контексте «я» — это Отто Есперсен, в другом — сосед по квартире, а в третьем — вообще неодушевленный предмет (к примеру, часы в одном из рассказов М. Спарк). Однако это не имеет отношения к лексическому значению местоимения. В данном случае рассматриваются лишь разные случаи употребления слова, имеющего вполне определенное постоянное значение. Дело в том, что местоимение «я» по своему лексическому значению не призвано выделять среди других лиц ни Иванова, ни Петрова, ни Сидорова. Оно обозначает определенную позицию в речевой ситуации, а именно — позицию говорящего, автора речи, вне зависимости от того, кто эту позицию замещает. Местоимение это связано с конкретным человеком не больше, чем существительное «врач», которое обозначает не Анну Ивановну и не Ивана Николаевича, а лишь того, кто лечит. Точно так же указательное местоимение «такой» не приобретает в контексте значения «большой», «маленький» и т. д. Оно всегда сохраняет свое постоянное, не зависящее от контекста значение «аналогичный упомянутому, указанному или известному из опыта», т. е. тот факт, что различные предметы или признаки могут оказываться в позиции, выделяемой местоимениями, не свидетельствует о жесткой контекстуальной обусловленности значений этого класса слов, так же как и то, что врачами могут быть разные люди, не свидетельствует

об отсутствии постоянного, внеконтекстуального значения у существительного «врач».

В этом отношении к местоимениям в полной мере применимы требования, формулируемые для номинативных слов. Одним из таких требований является способность слова сохранять в своем содержании «существенные и постоянные признаки как основные компоненты сигнификата при всех употреблениях его в конкретных контекстах» (Колшанский, 1977, с. 144). При этом речь идет не о наличии более важных и менее важных компонентов, а о том, что «само значение слова, его сигнификат детерминируется только существенными, постоянными признаками». Эти существенные, постоянные признаки и отличают значение одного слова от другого. А тот факт, что сигнификат детерминируется лишь этими признаками, обеспечивает определенную абстрактность значения, создающую возможность для функционирования слова в конкретных контекстах.

При употреблении местоимений (как и любых других слов) в разных контекстах, в разных речевых ситуациях меняется лишь референция, референциальная отнесенность знака. Постоянное же его системное значение остается неизменным.

Пожалуй, наиболее наглядно независимость значения от контекста прослеживается на примере вопросительных и отрицательных местоимений, первые из которых всегда запрашивают информацию о предмете или признаке, одновременно характеризуя их в соответствии с существующими в данном языке морфологическими категориями (числа, рода, одушевленности и др.), а вторые констатируют отсутствие соответствующих предметов или признаков. При этом значение местоимений не меняется в зависимости от того, чье именно отсутствие имеется в виду в фразе «В аудитории не было никого».

Если под контекстуальной обусловленностью значения понимать способность слова соотноситься каждый раз с новым предметом (а именно это и понимается в случае с местоимениями), придется признать, что не только местоимение, но и любое слово имеет столько значений, сколько раз оно употребляется в разных контекстах. Тогда получается, что слово «человек», употребляемое в отношении разных людей, каждый раз приобретает новое значение, что противоречит самой обобщающей сущности слова. Следовательно, контекстуальную обусловленность значения нужно искать не

в способности слова соотноситься с разными предметами в пределах обозначаемого им класса, а в возможности обозначать предметы и понятия, выходящие за пределы этого класса. Именно на основе контекстуальных смещений значений происходит в конечном итоге развитие переносных значений слова. Определяя референт как «...реальный (или воображаемый) конкретный предмет референции словесного знака в актуальной речи», А. А. Уфимцева пишет: «Зачастую референтом как переменной величиной знака в отдельных ситуациях или в определенных целях высказывания может оказаться предмет, не подпадающий под содержание выражаемого данным словом понятия, не находящийся в отношении членства к обозначаемому классу предметов; в таком случае мы имеем дело со случаями смещенной речи или переносного (метафорического и метонимического) использования слова» (Уфимцева, 1986, с. 106).

При этом естественно предложить следующую закономерность: чем выше степень обобщенности значения слова, тем меньше возможность его контекстуального варьирования. И наоборот, — чем более конкретно слово по своему значению, тем больше вероятность «неожиданного», «нетипичного» его употребления в том или ином контексте. Слова с общим, широким значением как бы более эластичны. Соотнесение их с различными предметами и понятиями не выводит их за пределы постоянного значения, в то время как всякая попытка расширить сферу употребления так называемых конкретных слов приводит к изменению значения, т. е. к возникновению нового, контекстуально обусловленного значения.

Таким образом, если значение местоимений искать не в их контекстуальной соотнесенности с конкретным предметом или признаком, а в выражении тех понятий, под которые говорящим подводятся эти предметы и признаки (т. е. если не подменять понятие «значение» референциальной отнесенностью), то это значение оказывается присущим местоимениям не только в речи (как это вытекает из идеи контекстуальной обусловленности), но и в языке.

Местоимения принадлежат к числу слов, выражающих наиболее общие (или обобщающие) понятия, и поэтому оказываются наиболее устойчивыми по отношению к контексту. В речи не происходит ни конкретизации, ни уточнения значения местоимения. Местоимения выражают определенные понятия (скажем, позиции в речевой ситуации — «я»,

«ты», «он» — или пространственное положение предмета по отношению к говорящему — «тот», «этот»), а контекст определяет, к каким именно предметам и признакам они в данном случае относятся. В этой связи представляются странными рассуждения о том, что за словом «я» каждый раз может скрываться другой человек. Ведь за словом «автор» тоже скрываются разные люди, однако никто не высказывает сомнений в его лексической наполненности. Почему же слову, имеющему еще более конкретное значение («я» = «автор речи») и специальные средства грамматического оформления этого значения, в этом значении отказывают? Чем отличаются от местоимений в этом плане такие слова, как «муж», «жена», «учитель» и т. д.? Безусловно, за словом «муж» в следующих двух фразах скрываются разные люди: «Мне муж сегодня помог в квартире прибраться» — «А мне муж никогда по дому не помогает». Но это не дает нам оснований сомневаться в наличии постоянного, внеситуативного значения у существительного «муж». Точно так же и «ты» обладает постоянным значением «адресат речи» и грамматическими средствами для его оформления. Слова *all, everything* всегда обозначают некоторую «всеобщность», совокупность тех или иных предметов или понятий, не допускающую исключений (а вот уже сам характер этих предметов и понятий конкретизируется в речи, что не имеет никакого отношения к значению этих местоимений).

В этом смысле нет никакой разницы между лексической наполненностью местоимений и существительных, обозначающих такие соотносительные понятия, как «жених», «невеста», «отец», «дочь» и т. д. или такие, так сказать, функциональные, позиционные понятия, как «инженер», «директор», «писатель» и т. д. К местоимениям в полной мере приложимо высказывание С. О. Карцевского о том, что «призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может изменяться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» (цит. по: Звегинцев, 1965, с. 85). При этом неподвижность системно закреплённой части значения местоимений оказывается более жесткой, чем у конкретных существительных, у которых многоступенчатый перенос значения может в конечном итоге привести к разрыву полисемии и утрате тождественности знака (т. е. к образованию двух разных знаков). Именно в силу обобщенности значения местоимений у них не происходит смещения значений, они не

развивают переносных значений и не подвергаются риску контекстуальной деформации.

Итак, вопреки широко распространенному мнению, местоимения представляют собой класс слов, лексическое значение которых практически не зависит от контекста и не подвержено контекстуальным изменениям. В контексте происходит лишь соотнесение того или иного предмета или признака с характеристиками, которые заключены в значении местоимения. В контексте устанавливается конкретная референциальная отнесенность местоимений, так же как это происходит с любыми другими словами. Для этого местоимениям требуются актуализаторы, но и это отнюдь не является исключительной особенностью местоимений. Существование словесного знака в двух модификациях — как виртуального в системе номинаций и как актуального при его реализации в речи — считается одним из основных его свойств, из чего следует необходимость в специальных условиях и средствах актуализации знаков. Это положение, восходящее к Ш. Балли (см. Балли, 1955), стало уже хрестоматийным. Интересно в этом отношении следующее определение свойств виртуального знака в «Языковой номинации»: «Словесный знак виртуально должен быть автоматизированным и застывшим с точки зрения функций и структуры. Словесный знак способен обобщенно выражать идею, дифференцируя или отождествляя понятие, мысль, и в то же время служить средством общения, неся в каждом акте речи конкретную информацию» (Языковая номинация, 1977, с. 25). Как было показано выше, именно этими свойствами и характеризуются местоимения.

Тезис о «лексической пустоте» и «ситуативности» значения местоимений тесно связан с положением о так называемой относительности значения этих слов. Ф. Ф. Фортунатов определял слова местоименные как такие, которые «...обозначают или вещи, предметы, по их отношениям к данной речи, к данной мысли (например, в русском языке *ты, он, этот*), или самые отношения данных предметов мысли к данной речи, мысли (например, *этот*, или *тот* в соединении с названием известного предмета)» (Фортунатов, 1956, с. 135). Ю. В. Рождественский даже кладет признак «относительности», «релятивности» в основу формального выделения класса местоимений: класс K_1 , получающий впоследствии «отвечающее лингвистической традиции» название местоимений, выделяется как класс, содержащий релятив-

ное, номинативное и атрибутивное значения и употребляющийся в парадигмах релятивного, номинативного и атрибутивного синтагматических классов (см. Рождественский, 1969, с. 135). Остается, однако, совершенно неясным, по каким критериям выделялась эта релятивность в значении местимений и на основании чего автор считает, что ее нет у существительных.

Сравнивая высказывания «На уроке присутствуют 25 учащихся» и «На уроке присутствуют все учащиеся», А. Н. Гвоздев подчеркивает, что «...местоимение *все* именно указывает на отношение числа присутствующих к общему количеству учащихся группы... для констатирования *все* недостаточно просто пересчитать учащихся на уроке, но надо знать их общее количество в группе» (Гвоздев, 1973, с. 278). Но ведь все сказанное в такой же мере приложимо к существительным и именованным группам типа «половина», «треть», «часть», «большинство», «большая часть» и т. д. Если для понимания конкретного признака, скрывающегося за местоимением «такой же», необходимо знать, с чем именно он сопоставляется, то и для понимания того, о какой конкретной температуре идет речь во фразе «Сегодня холодно», нужно знать, в каком месте и в какое время года происходит разговор («холодно» может быть летом при $+15^{\circ}$ и зимой при -40°). Если относительны по своему значению местоимения «этот» и «тот», соотносящие предметы с речевой ситуацией, то не менее относительны прилагательные «близкий» и «далекий», «сегодняшний» и «вчерашний» и многие другие. Бесспорно относительны по своему значению все сравнительные степени прилагательных. Относительность местоимения «себя» А. Н. Гвоздев иллюстрирует фразой «Мальчик звал нас к себе, а девочка к себе», где в первом случае местоимение обозначает «в дом мальчика», а во втором — «в дом девочки» (Гвоздев, 1973, с. 279). Но ведь в предложении «Девочка повернулась и пошла домой, мальчик еще немного постоял, а потом тоже пошел домой» слово «домой», не являющееся местоимением, также обозначает в первом случае «дом девочки», а во втором — «дом мальчика».

В связи с этим интересно отметить, что G. Sigme выделяет группу слов, которую он определяет как «указательные прилагательные, употребляющиеся в качестве указательных местоимений» (Sigme, 1935, с. 22). Оставляя в стороне некоторую некорректность этого названия, следует все же отметить, что автор признает, таким образом, тождест-

венность характера значения некоторых прилагательных и местоимений (this (one), the same (one), the identical (one), the former, the latter и т. д.).

Выше уже говорилось о том, что представление об относительности, ситуативной обусловленности значения, лексической пустоте и тому подобных свойствах местоименных слов опирается на положение об указательном характере местоимений как особых языковых знаков. Анализ такого подхода к семантике местоимений показывает, что в ряде случаев указательность рассматривается как некое свойство, не вполне совпадающее с действительностью, хотя и описывается как тип значения, альтернативный называнию. Так, в академической «Грамматике русского языка» местоимения рассматриваются как такие существительные, прилагательные, наречия и числительные, «которые в сущности не называют никаких категорий лиц, предметов, качеств или чисел, а лишь тем или иным способом указывают на них» (Грамматика..., 1952, с. 27. Курсив мой. — О. П.) Аналогичное определение находим у П. С. Кузнецова: «Местоимения как слова лишь указывающие, а не обозначающие, называющие нечто, противостоят словам знаменательным, т. е. что-то обозначающим» (Кузнецов, 1961, с. 64).

Вообще говоря, представление о том, что местоимения не называют, а указывают, сложилось задолго до серьезной разработки теории дейксиса. Поэтому и указательность в ряде случаев трактуется всего лишь как некоторая способность выделить предмет или признак, не называя его, обратиться на него внимание говорящего, как это делают жесты. Необоснованность такого подхода уже была показана в предыдущих разделах. Однако теория «слов-жестов», «слов-указателей» оказывается тесно связанной с рассмотрением местоимений как носителей чистого категориального значения той или иной части речи. Именно так рассматривает местоимения Э. Р. Атаян, полагающий, что местоимения не несут в себе никакого значения, кроме категориального, т. е. являются словами, представляющими данный класс (=часть речи) в целом (см. Атаян, 1968). Но в таком случае количество местоимений любого языка должно было бы равняться количеству частей речи. Скажем, для английского языка было бы достаточно трех местоимений — it, представляющего класс существительных, such, представляющего класс прилагательных, и so, представляющего класс наречий. Как известно, реальная картина в языках иная: количество мес-

тоимений значительно превышает количество частей речи, а порой — и количество семантических разрядов, выделяющихся в составе различных частей речи. Следовательно, у местоимений имеются какие-то дополнительные значения, кроме категориального значения класса. Именно этими значениями определяется то обстоятельство, что не любое местоимение может соотноситься с любым предметом или признаком, а вполне определенные семантические разряды местоимений используются для выделения вполне определенных, соответствующих им классов понятий.

Если при этом даже признать, что местоимения лишь указывают на эти предметы и признаки, то возникает вопрос: как и а з в а т ь то, на что указывают, скажем, местоимения тотальной семантики? Выше уже было показано, что в ряде случаев местоимение является единственной лексической единицей, соотносимой с тем или иным понятием. Означает ли это, что существует ряд понятий, которые не поддаются называнию и на которые можно лишь указать? Вероятно, логичнее предположить, что местоимения в этих случаях не «указывают тем или иным способом», а называют, обозначают эти понятия.

В то же время далеко не только местоимения выражают лишь самые общие характеристики класса, к которому относится выделяемый ими предмет или признак. Так, существительные *thing, object, body, person, man, fellow, chair, pack, fact, party, number (a number, a large number)* и т. д. в современном английском языке характеризуются столь широким значением, что, по мнению некоторых лингвистов, они стоят на грани перехода в слова указательные: А. А. Уфимцева считает, что «чем шире сфера употребления словесного знака, тем беднее его смысловое содержание, представляющее собой в высшей степени абстрактное понятие» (Уфимцева, 1968, с. 104). Именно эти слова, по ее мнению, тяготеют к дейктическим. Таким образом, получается, что противопоставление «указания» «называнию» сводится к противопоставлению конкретного абстрактному. Слова, соответствующие конкретным понятиям, — называют, а слова, соответствующие абстрактным понятиям, — указывают. Вряд ли такое разграничение может быть признано убедительным, поскольку разница между конкретной и абстрактной лексикой заключена не в характере самих знаков, а в характере денотатов (см. Степанов, 1977, с. 320—321).

Впрочем, если даже предположить, что такое разграни-

чение оправданно (хотя речь в таком случае идет не о классификации слов, а о классификации понятий), остается неясным, как его можно применить на практике? Где критерии того, что данное слово достаточно конкретно по своему значению и, следовательно, что-то называет, а другое — недостаточно конкретно и лишь указывает на что-то? Вопрос это отнюдь не праздный, так как часто именно такое разграничение оказывается единственным критерием разграничения местоимений и неместоименных слов.

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ МЕСТОИМЕНИЙ СО СЛОВАМИ РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Практически при любом подходе к классификации словаря обнаруживается тесная связь тех или иных групп местоимений с другими частями речи. Это своеобразие местоимений получило отражение в таких терминах, как «местоимения-существительные», «местоимения-прилагательные», «местоимения-наречия», «местоимения-союзы» и т. д. Обычно обозначаемые ими группы слов определяются как местоимения, совпадающие по синтаксической функции с существительными, прилагательными, наречиями или союзами соответственно. В некоторых случаях при этом специально оговаривается несовпадение этих групп слов по значению (см., например, определение «местоимений-прилагательных» у О. С. Ахмановой (1966): «Группа слов, имеющая местоименное значение, но по синтаксической функции (а в русском языке и по парадигме словоизменения) совпадающая с прилагательными»). Возникает вполне естественный вопрос: могут ли действительно иметь разное категориальное значение слова, имеющие одинаковые функциональные и парадигматические характеристики? Вряд ли есть необходимость доказывать наличие тесной связи семантических свойств слова с его синтаксическим функционированием. Сам по себе факт «совпадения синтаксических функций» заставляет искать общность в семантике сравниваемых слов и их классов. И при сопоставлении, скажем, прилагательных с адъективными местоимениями такая общность обнаруживается с легкостью.

Проводя границу между этими группами слов, ссылаются обычно на уже обсуждавшуюся разницу между «называнием» (у прилагательных) и «указыванием» (у местоимений). В этой связи представляется интересным рассмот-

реть семантику некоторых прилагательных в соотношении с семантикой адъективных местоимений.

Выше уже обсуждалась однотипность, «одноуровневость» значения местоимения «такой» и целого ряда прилагательных, обозначающих сходство. Трудно себе представить основания, по которым можно было бы говорить о разнице в характере значения этого местоимения и противоположного ему по значению прилагательного «другой». Достаточно отметить, что словари определяют «другой» как «не такой» (см., например, Ожегов, 1975). То же самое может быть сказано и о парах «другой» — «тот», «другой» — «этот». Прилагательное «иной», являющееся синонимом слова «другой», также определяется через местоимение «этот» или, в несколько ином значении, как «некоторый, какой-нибудь, какой-то» (Ожегов, 1975), т. е. опять-таки через местоимения. Аналогичные отношения существуют между английскими *different* и *other, another*. Значение прилагательного *different* определяется как *distinct, various, another* (Merriam-Webster, 1966). В зависимости от ситуации значение указательного местоимения *this* определяется с помощью прилагательных и причастий *near, present, mentioned* (Merriam-Webster, 1966). Примеры такого рода могут быть продолжены.

Разумеется, определение значения одного слова через другое еще не является признаком синонимичности или антонимичности этих слов. Однако оно свидетельствует о сопоставимости, однородности, «однохарактерности» значений этих слов. Встает вопрос: на каком же этапе происходит изменение характера значений местоимений (или прилагательных?), приводящее к тому, что, обладая синтаксическими свойствами прилагательных, адъективные местоимения сохраняют «местоименное значение»? Если в отношении таких слов, как «данный», «соответствующий», «известный», «следующий» можно, вслед за А. Н. Гвоздевым, говорить об изменчивости значений, о «прономинализации» слов других классов в определенном контексте, то отношения, связывающие такие слова, как, скажем, «тот» и «другой», «свой» и «чужой», остаются постоянными в самом словаре вне зависимости от контекста. Следовательно, и разницу в характере их значений нужно искать вне связи с контекстом. В чем же именно в таких случаях эта разница проявляется? Ссылки на «указывание» и «называние» признаков в данном случае вряд ли могут помочь. В самом деле, «другой» — это всего лишь

«не тот», прилагательное это никаких свойств предмета не называет. Если же отличие от какого-то ранее названного или указанного предмета можно считать признаком данного предмета, то способностью «называть» этот признак прилагательное «другой» и местоимение «тот» обладают в равной мере.

Еще нагляднее это можно проиллюстрировать английскими *different* (прилагательное) и *another* (местоимение). Можно ли сказать, что *another* указывает на отличие данного предмета от какого-то другого, а *different* называет это отличие? Совершенно ясно, что такого рода разницы в значении этих слов нет. Точно так же нельзя утверждать, что местоимение «свой» указывает на то, что некий предмет является чьей-то собственностью, а прилагательное «чужой» называет отсутствие этого признака. Следовательно, если признать, что между значениями прилагательных и адъективных местоимений существует некоторая разница категориального порядка, то нужно признать также существование этой разницы между некими «типичными» прилагательными и такими словами, как «иной», «другой», «чужой» и т. п.

Попутно возникает еще один аспект этой проблемы. Если все же продолжать считать слова «свой» и «чужой» относящимися к разным классам, то, видимо, нужно говорить о случаях «межклассовой антонимии», так же как о «межклассовой синонимии» в случае «иной» — «некоторый», т. е. нужно признать, что антонимами и синонимами могут быть слова, принадлежащие к разным частям речи. Это противоречит уже самому определению синонимов как членов тематической группы, которые принадлежат к одной и той же части речи (см. Ахманова, 1966).

Впрочем, для доказательства нецелесообразности отнесения таких, скажем, слов, как «свой» и «собственный» к разным частям речи достаточно уже самого факта признания их синонимичности (см. Словарь синонимов, 1975): поскольку функциональное, синтаксическое тождество этих слов дано в самом определении адъективных местоимений, а признание их синонимичности снимает возражения насчет «сохранения местоименного значения», не остается никаких оснований считать их словами разных классов. Остается только один, но весьма важный вопрос: считать ли все эти слова местоимениями или прилагательными?

Строго говоря, в пределах так называемой «системы

частей речи», основанной на принципах формы, функции и значения, такие слова с очевидностью относятся к классу прилагательных. Так же дело будет обстоять и в чисто семантической или чисто функциональной классификации, так как ни одна из них не дает оснований для выявления каких-либо различий в характере этих слов. Разная степень конкретности или абстрактности значения различных адъективных слов не может служить достаточным основанием для деления их на местоимения и «неместоимения». Известно, что разные члены любого класса слов (любой части речи) характеризуются разной степенью конкретности или абстрактности значения. Зависит это не от особенностей словесных знаков, а от характера называемых ими понятий, которые «...как известно, подразделяются на абстрактные и конкретные» (Федоров, 1974, с. 8). Ю. С. Степанов так определяет разницу между конкретными и абстрактными словами:

«Конкретная лексика — это названия (имена и глаголы) чувственно воспринимаемых явлений действительности, которым может быть дано определение остенсивное (указание жестом), простейшее операциональное (физическое воспроизводство), заместительное операциональное (мимика, символический изобразительный жест, рисунок).

Слова, относящиеся к абстрактной лексике, не имеют денотата, который существовал бы в виде отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности» (Степанов, 1977, с. 320--321).

Таким образом, противопоставление абстрактной и конкретной лексики есть противопоставление денотатов, а не способов их обозначения, не характера связи означающего с означаемым. В этом смысле никакой разницы между прилагательными и местоимениями нет и адъективные местоимения можно рассматривать как крайнее звено в цепи прилагательных, расположенных по принципу постепенного возрастания отвлеченности, абстрактности их значения. Так, скажем, в классе прилагательных конкретным лексическим значением, практически не зависящим от контекста, обладают главным образом относительные прилагательные. У целого ряда качественных прилагательных, взятых вне контекста, конкретность этого значения уже вызывает сомнение. К примеру, прилагательное «большой» (определяемое С. И. Ожеговым (1975) как «значительный по размерам, величине, силе») само по себе не дает представления о каких-то

определенных размерах (ср. большой дом, большая булавка). В еще большей степени зависит от контекста (ситуации) значение прилагательного «хороший» (для чего? с чьей точки зрения? Один и тот же предмет или поступок может в разное время и разными людьми характеризоваться и как хороший, и как плохой). Прилагательные, служащие лишь для выделения предмета, а не названия его свойств, были рассмотрены выше (другой, чужой и т. д., ср. также английские *different, present*).

Все эти примеры показывают, что переход от слов, имеющих конкретное лексическое значение, к словам абстрактным, значение которых конкретизируется лишь в отношении данного референта, происходит постепенно, и в этом плане относительные прилагательные и адъективные местоимения представляют собой крайние точки одного ряда. Кстати, и среди слов, традиционно относимых к местоимениям, наблюдаются различия в обобщенности (т. е. так называемой лексической ненаполненности) значения. Это, в свою очередь, приводит к различиям в репрезентативной способности местоимений: с возрастанием обобщенности значения, по-видимому, растет и объем репрезентируемых понятий. Так что, строго говоря, местоимения продолжают ряд прилагательных, расположенных по мере убывания конкретности лексического значения, а наиболее обобщенные из них (типа «этот» «такой», *this, such*) займут в нем крайнюю позицию. Так или иначе здесь будет наблюдаться постепенный переход от слов с внеконтекстуальным конкретным значением к словам, приобретающим такое значение лишь в контексте по отношению к данному референту. Провести в таком ряду границу, разделяющую слова на «называющие» и «указывающие», не представляется возможным.

Интересно отметить, что, настаивая на разграничении адъективных местоимений и прилагательных, грамматическая традиция мирится с тем, что слова, аналогичные местоимениям по характеру значения (и в первую очередь — по степени обобщенности значения), не выделяются из класса наречий. Их называют «местоименными наречиями», но в класс местоимений как таковых не включают.

В самом деле, если в основе выделения местоимений в самостоятельный класс лежит не соотносительность слов с той или иной понятийной категорией (предмет, признак и т. д.), если этот класс выделяется лишь по принципу «обобщенности», «абстрактности» характера значения, то почему

«такой» — это местоимение, а «так» — наречие? Либо следует признать, что «так» — тоже местоимение, либо, если считать его наречием, придется, следуя элементарной логике, отнести «такой» к прилагательным. Если считать, что «такой» обладает указательностью, то точно такая же указательность характеризует и слово «так». Если считать, что «такой» — слово-заместитель, то в равной мере это утверждение будет приложимо и к слову «так». То же самое относится к словам «там», «туда», «тогда» и т.п.

Такая постановка вопроса (если считать... то...) вызвана тем, что разное отношение к адъективным местоимениям, которые считаются местоимениями, и местоименным наречиям, которые считаются наречиями, не укладывается в рамки ни одной из существующих теорий классификации слов. Признать существующее положение логичным невозможно ни с каких позиций — ни с точки зрения автора, ни даже с точки зрения традиционного рассмотрения местоимений как указателей и заместителей. При любых условиях представляется нелогичным по-разному трактовать местоименные существительные и прилагательные, с одной стороны, и местоименные наречия — с другой.

Особенно наглядно эта непоследовательность прослеживается на примере вопросительных местоимений и вопросительных наречий. И те, и другие служат для формирования одного коммуникативного типа предложений и даже одного и того же его подтипа, а именно — специального вопроса. Эти слова являются специализированным средством формирования таких предложений. Оформление специальных вопросов является исключительным «правом» вопросительных местоимений и вопросительных наречий. Следовательно, можно сказать, что вопросительные местоимения и вопросительные наречия характеризуются одной и той же коммуникативной функцией, причем эта функция не присуща никаким другим словам.

Легко предвидеть возражение по поводу того, что слову (а не предложению) приписывается какая-то коммуникативная функция. Однако следует иметь в виду, что речь идет об особой группе слов. Мало того, что они всегда жестко связаны с определенным коммуникативным типом предложения, — они сами по себе гораздо легче, чем другие слова, превращаются в предложения, поскольку уже в самом слове они снабжены коммуникативным маркером, дающим им статус коммуникативной единицы и предполагающим опре-

деленный тип интонации при их произнесении. Этим маркером является вопросительность, составляющая сущность их функционирования.

Вопросительные местоимения и вопросительные наречия характеризуются и единством логической функции. Формальная логика, как известно, различает два типа вопросов. Первый тип соответствует тому, что в грамматике принято называть общими вопросами. «К вопросам второго типа относятся предложения, начинающиеся с вопросительных слов «кто», «что», «где», «когда», «почему» и т. д.» (Формальная логика, 1977, с. 49), т. е. вопросы специальные. «Предпосылки вопросов второго типа, имеющие структуру экзистенциальных высказываний, выражают особенность этих вопросов, состоящую в том, что для получения возможных ответов на них требуется (соответствующий им) фрагмент осмысленного предложения дополнить новыми сведениями» (там же). Таким образом, специальный вопрос, с точки зрения его соответствия суждению, распадается на две части, на два фрагмента. Первый соответствует некоторому фрагменту осмысленного предложения, второй же как бы замещает недостающий фрагмент этого предложения, указывая одновременно на необходимость его восполнения для того, чтобы полученное в результате предложенис-ответ соответствовало определенному суждению. Этим вторым фрагментом и служит вопросительное слово, указывающее на то, каких именно сведений не хватает для завершения высказывания, соответствующего этому вопросу. В определенном смысле можно сказать, что вопросительные слова как раз и являются истинными заместителями: они замещают в высказывании ту позицию, которая остается свободной до получения нужной информации и которая впоследствии оказывается замещенной словом-ответом. Это свойство опять-таки объединяет вопросительные местоимения и вопросительные наречия, противопоставляя их одновременно всем остальным словам.

Сходной оказывается и семантическая структура рассматриваемых слов. В отличие от всех остальных слов, вопросительные местоимения и вопросительные наречия ничего не называют и ни на что не указывают, т. е. они не могут быть отнесены ни к номинативным, ни к дейктическим. Основным в их значении является элемент вопросительности, запроса. Если вообще можно говорить о «семе вопроса», то именно такая сема составляет основу, ядро их семантической структуры. Однако помимо самого факта запроса информа-

ции слова эти содержат некоторые компоненты, соотносящие их с категориальным значением той или иной части речи. Строго говоря, эти компоненты, видимо, нельзя назвать семами, поскольку при этом отсутствует сам факт обозначения чего-либо. Вероятно, можно сказать, что это своего рода реляторы по семам предметности, признака и т. д. Причем в структуре каждого вопросительного слова содержатся компоненты, соотносящие его значение не только с определенной частью речи, но и с тем или иным семантическим подклассом. Так, одушевленным существительным соответствует вопросительное слово «кто?», а неодушевленным — «что?»; прилагательным — «какой?», и в ряде случаев «который?». Последнее слово соответствует также и порядковым числительным, которые, как известно, по своим категориальным и синтаксическим характеристикам совпадают с прилагательными. Количественным же числительным соответствует вопросительное слово «сколько?» и оно же — наречиям меры и степеней (известно, что разграничение наречий меры и степеней и так называемых неопределенных числительных вызывает затруднения во многих отношениях). Наречиям способа действия соответствует вопросительное слово «как?», наречиям места — «где?», времени — «когда?», цели — «зачем?», причины — «почему?». Таким образом, вопросительные корреляты имеются у всех неглагольных частей речи и даже у всех их семантических подклассов. Сами ничего не обозначая, вопросительные слова тем не менее довольно четко определяют характер запрашиваемой информации, «подсказывают», какой должна быть грамматическая семантика того элемента, который послужит недостающим фрагментом предложения-ответа. Иначе говоря, семантическая структура вопросительных слов складывается из семы вопроса и некоторого набора компонентов, определяющих их грамматическую семантику, — так сказать, «грамматических сем» категориального и субкатегориального характера.

Такая семантическая структура обнаруживается как у вопросительных местоимений, так и у вопросительных наречий и является специфической только для этих групп слов.

В этой связи заслуживает внимания еще один факт. Как вопросительные местоимения, так и вопросительные наречия имеют относительные корреляты — слова, характеризующиеся той же семантической структурой, за исключением семы вопроса. Употребляясь главным образом в сложных предложениях, эти слова выполняют двойственную функцию:

союзную относительно всего предложения в целом и еще некоторую функцию в пределах придаточного предложения. С точки зрения конструктивного синтаксиса, их позиция в придаточном может рассматриваться как позиция определенного члена предложения. В логическом же плане она близка к функции вопросительного слова в том смысле, что относительные слова тоже замещают позицию недостающего, невыраженного в пределах придаточного предложения фрагмента высказывания.

Однако при такой близости в логическом плане относительные слова совсем не обязательно совпадают со своими вопросительными коррелятами в плане коммуникативном. Совпадают они лишь в случае так называемых косвенных вопросов.

Говоря о том, что вопросительные слова являются словами-заместителями, следует уточнить, что они замещают недостающий фрагмент высказывания только в семантическом и логическом планах. Что же касается замещения синтаксического, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Если понимать синтаксическую позицию в терминах синтаксической проекции и синтаксической ориентации, то, вероятно, и позиционно их можно признать заместителями. Действительно, вопросительное слово всегда будет иметь ту же ориентацию, что и слово-ответ. Но при этом наблюдается интересная особенность, тем более интересная, что она обнаруживается в языках с разным синтаксическим строем. Независимо от характера синтаксической ориентации и, соответственно, от того, каким членом предложения оно будет являться, вопросительное слово практически всегда (кроме случаев эфатической инверсии) стоит в предложении на первом месте. Это наблюдается, скажем, в таких традиционно противопоставляемых по характеру «жесткости» построения предложений языках, как русский и английский. В английском языке, где каждый член предложения имеет определенное, закрепленное за ним место в линейной структуре предложения, вопросительное слово, замещающее любую синтаксическую позицию — подлежащего, дополнения, определения или обстоятельства — неизменно будет стоять на первом месте (Where have you been? Who is it? Why do you think so?). Даже в том случае, когда оно употребляется с предлогом, образуя форму, соответствующую какому-либо семантическому падежу, существует тенденция относить этот предлог в конец предложения, оставляя на первом месте

вопросительное слово, так сказать, в чистом виде: *Where have you come from? Whom did you give it to?*

С другой стороны, в русском языке, характеризующемся относительной свободой порядка слов, вопросительные местоимения и вопросительные наречия тоже лишены свободы перемещения в предложении. Они также оказываются на первом месте («Где ты был?», «Кто это?», «Почему ты так думаешь?»), предваряясь разве что предлогами в случае косвенных падежей или иногда местонимением-обращением («Ты куда идешь?»). Впрочем, последний случай в определенном смысле можно рассматривать как инверсию (ср.: «Куда ты идешь?»).

Вопросительное слово в специальных вопросах стоит на первом месте и в других индоевропейских языках: *Woher hast du das? Was ist los? Oú est-il? Quel temps fait-il? ¿ Qué sabe usted? ¿ Como esta usted?* и т. д.

Не вдаваясь сейчас в обсуждение причин такой жесткой конструктивной закреплённости вопросительных местоимений и вопросительных наречий (а искать эту причину, по-видимому, следует в области коммуникативного синтаксиса), необходимо отметить лишь то, что подобными особенностями не обладают никакие другие слова и что эти особенности в равной мере присущи обоим группам рассматриваемых слов.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Представляется нецелесообразным разделять вопросительные слова на вопросительные местоимения и вопросительные наречия. Показанная выше общность логических, коммуникативных, функциональных и семантических характеристик этих слов дает основания для объединения их в одну группу.

Если придерживаться традиции выделения местоимений в самостоятельный класс слов, то вопросительные наречия должны быть, очевидно, включены в разряд вопросительных местоимений. Действительно, в пределах этого разряда «существуют» такие категориально разнородные слова, как, скажем, «кто?» и «какой?», причем оба безоговорочно считаются именно местоимениями, а не «вопросительным существительным» и «вопросительным прилагательным» соответственно. Так почему же из этой группы исключаются вопросительные наречия, обладающие, как было показано, всеми характеристиками, лежащими в основе выделения вопросительных местоимений?

Если же следовать теории, по которой местоимения от-

дельного, самостоятельного класса слов не составляют, то деление на вопросительные местоимения и вопросительные наречия тем более не имеет смысла. В этом случае нужно говорить о вопросительных словах в пределах каждой части речи, а точнее — о вопросительных коррелятах каждой части речи.

И вновь раздвоенность вывода призвана показать, что разделение слов на вопросительные местоимения и вопросительные наречия при любом подходе к классификации противоречит логике. То же самое может быть сказано и об относительных словах.

Кроме того, эта раздвоенность на данном этапе рассуждений диктуется еще и тем, что до сих пор из рассмотрения практически исключался вопрос о правомерности выделения части речи «местоимение», т. е. части речи, «категориальным значением которой является указание на предмет (признак), исходя из данной ситуации, из обстановки данной речи» (Ахманова, 1966, с. 227).

Все, что было выше сказано о специфике семантики местоимений, о соотношении характера местоимений с характером значения других, «неместоименных» слов, в значительной степени уже показало, что приведенное определение местоимения как части речи, по сути дела, не позволяет выделить никакого класса. Неправомерно само рассмотрение указательности в качестве категориального значения. Если указательность понимается как дейктичность, то, как уже было показано, этим свойством обладают слова, несомненно принадлежащие к разным частям речи. Если же указательность понимается как-то иначе, то остается совершенно непонятным, как именно. Не может же всерьез идти речь о выделении лексико-грамматического разряда слов, которые существуют для указания на то, чего язык не может назвать!

Однако для объективного и обоснованного решения вопроса о правомерности выделения местоимений в самостоятельную часть речи необходимо обратиться к проблемам теории частей речи как таковой.

Рассмотрение положения какого-либо класса единиц в системе предполагает наличие как самой системы, так и оснований для выделения в ней данного класса. Определенные положения местоимений в системе частей речи затрудняется двумя обстоятельствами: во-первых, до сих пор в лингвистике не выработано единое понимание того, что собой представляет система частей речи, и, во-вторых, продолжает оставаться спорным вопрос о правомерности выделения внутри нее местоимений в самостоятельный класс слов.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ
«БЕССИСТЕМНОСТИ СИСТЕМЫ»
ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Вопрос о принципах выделения частей речи относится к числу наиболее сложных и запутанных в современном языкознании. Несмотря на то, что классификация слов по частям речи восходит к античным грамматикам, актуальность исследований в этой области сохраняется по сей день.

Трудности, стоящие сегодня перед лингвистами, занятые решением проблем теории частей речи, достаточно многообразны. Прежде всего — это остающийся по сей день нерешенным вопрос о количестве и соотношении критериев классификации. Должен ли в основе выделения частей речи лежать один основной признак и какие-то сопутствующие, как это фактически имело место у древних индусов, греков и римлян? Или же нужно учитывать три равноправных признака, как это считается принятым в традиционной грамматике, начиная со второй половины XIX века? Или нужен один и только один критерий, как того требуют дескриптивисты? Или же, наконец, необходимо учитывать один основной признак и те из сопутствующих, которые являются его производными, — как это на новом витке развития теории предложили лингвисты XX века?

С решением этого вопроса связан и следующий — какие

именно конкретные параметры нужно учитывать, какие (или какой) из них считать основными — значение (как это имело место у индусов), форму (как у александрийцев) или функцию (как у Аристотеля)? Возможны и современные модификации этих критериев — инварианты предметно-логического плана (как у Ю. М. Скребнева, 1965), парадигма (как у Г. Глисона, 1959), синтаксическая позиция (как у Ч. Фриза — Fries, 1956).

Если один из признаков — ведущий, то что от чего производно — синтаксис от морфологии или наоборот? Семантика от синтаксиса или наоборот?

Чтобы представить себе всю степень противоречивости суждений по этим поводам, достаточно сравнить следующие высказывания.

«Совмещение в одном понятии обоих критериев — лексического и грамматического — неосуществимо: один из них фактически в построении не учитывался. В критических случаях (обычно) лексический момент оказывается решающим. Необходимы две самостоятельные классификации: одна — по семантическим категориям, другая — по собственно грамматическим (морфологическим) признакам» (Чикобава, 1968, с. 49).

«...Классификация лексических единиц по частям речи не может считаться чисто грамматической» (Дружинина, 1982, с. 47).

«Обобщенные семантические представления частей речи являются лингвистической фикцией — эквивалентом грамматических классов в языковом сознании носителей языка» (Леонтьев, 1968, с. 86).

«Основанием для объединения или, лучше сказать, для естественного распада слов на классы служит способность выражать некое общее для всех слов данного класса значение или понятие» (Кормушин, 1968, с. 250).

«Части речи — это разряды слов, на которые они подразделяются в зависимости от своих грамматических значений» (Скорик, 1968, с. 284).

«В основе распределения слов по частям речи лежит их синтаксическая специализация» (Азнаурова, 1977, с. 91).

«Части речи в отличие от членов предложения — морфологические, а не синтаксические категории» (Аничков, 1968, с. 126).

«...Части речи — это классы минимальных синтаксических единиц, а не единиц морфологических, как нередко по-

лагают, а их общее категориальное значение (предметность, процессуальность и т. д.) — значение синтаксического порядка» (Атаян, 1970, с. 28).

«Дифференциация элементарных морфологических единиц — морфем с учетом морфологических связей дает нам возможность сформулировать понятие морфологического содержания частей речи, которое сводится к разного рода компонентам части речи, выделяемым на основе морфологических связей в рамках данной части речи — существительного, прилагательного, глагола и т. д. ...» (Мухин, 1976, с. 83—84).

«...Если рассматривать части речи с точки зрения их сгруппирования, приходится признать справедливым утверждение, что части речи являются синтаксическими понятиями, так как представляют собой результат морфологизации синтаксических функций и являются морфологизированными членами предложения» (Гайсина, 1986, с. 54).

Существует даже мнение, что в ряде языков отнесение слова к той или иной части речи должно производиться не на основе свойств, присущих ему в самой системе, а в зависимости от особенностей его употребления.

Думается, что приведенных примеров достаточно для ограничения всей степени противоречивости существующих взглядов на отбор критериев для выделения частей речи.

Даже в тех случаях, когда исследователи сходятся в выборе критерия, полагая, что основой для выделения классов должны служить не частнограмматические категории, а общее категориальное значение слов, единодушное это оказывается весьма поверхностным, так как сейчас же возникает вопрос — является ли это категориальное значение обобщенным лексическим или обобщенным грамматическим по своей природе. Сложность решения этой проблемы отмечается многими лингвистами. Так, А. А. Уфимцева пишет по этому поводу: «Значение частей речи как пересекающихся классов словесных знаков трудно определимо. Например, значение «предметности» у имен существительных и значения других частей речи одними учеными рассматриваются как лексические категории, другими отождествляются с грамматическими, а третьими приравниваются к чисто логическим категориям...» (Уфимцева, 1986, с. 104).

В этом споре большая группа лингвистов высказалась за лексический характер этого значения, определив, таким образом, части речи как лексико-грамматические классы

(Щерба, 1957; Жирмунский, 1976; Александров, 1968; Ильин, 1968; Тихонов, 1968; Дружинина, 1982 и др.).

Другая группа лингвистов считает, что эта категория — чисто грамматическая, поскольку само значение частей речи является грамматическим по своей сути (Гвоздев, 1973; Суник, 1966; Скребнев, 1965; Леонтьев, 1968; Кормушин, 1968; Кривоносов, 1975 и др.).

Вопрос о характере категориального значения частей речи оказывается принципиально важным при любом подходе к выделению классов слов — и тогда, когда это значение служит единственным (или основным) классификационным принципом, и тогда, когда оно входит в комплекс параметров, определяющих «частеречную» принадлежность слова.

В последнем случае выделение классов слов проводится с учетом как категориального значения, так и (вместе с тем) с учетом частнограмматических характеристик слов. Традиционное объединение трех параметров — значения, формы и функции — получает теперь новое, дополнительное обоснование, при котором доказывается диалектический характер связи, существующей между этими параметрами (см. Гайсина, 1986). Однако это не избавляет от необходимости решить вопрос о том, что же представляет собой само значение.

Весьма интересная попытка объединения всех подходов к классификации слов по частям речи с одновременным решением вопроса о природе и характере так называемого общекатегориального значения предпринята в «Грамматике современного русского литературного языка». Так, в разделе «Грамматические классы и разряды слов» выделяются как равноправные и части речи, и грамматические разряды, которые, в свою очередь, подразделяются на разряды морфологические и синтаксические. При этом части речи определяются как «классы слов, характеризующиеся: 1) наличием у них общего категориального значения...; 2) общностью парадигматики и 3) тождественностью синтаксических функций» (Грамматика..., 1970, с. 304). Общекатегориальное же значение рассматривается как абстрагированное, «во-первых, от лексических значений всех слов данного класса и, во-вторых, от принадлежащих этому классу грамматических категорий» (там же).

В слиянии двух значений — лексического и обобщенно-

категориального (очевидно, понимаемого как обобщенно-грамматическое) видит суть частей речи В. Г. Адмони (1964).

Своеобразную позицию занимает по этому вопросу Э. В. Кузнецова, которая считает части речи грамматическими классами, но в то же время говорит об их «одноприродности» с лексикосемантическими группами слов (см. Кузнецова, 1975).

Вообще, в определении характера частей речи преобладают составные названия: лексико-грамматические, лексикосемантические, функционально-семантические, структурно-семантические классы. Это свидетельствует о том, что большинство исследователей выделяет части речи на основе нескольких взаимосвязанных признаков.

Таким образом, одной из причин сложности и дискуссионности теории частей речи является отсутствие единства взглядов по вопросу о количестве и характере принципов, лежащих в основе выделения частей речи.

Еще одна сложность заключается в том, что нет последовательности в применении этих принципов. Так, в традиционной системе частей речи разные классы выделяются в соответствии с различными принципами. Этот недостаток отмечался многими исследователями. Ю. М. Скребнев пишет по этому поводу: «Несовершенство существующих частей речи общеизвестно. Основным пороком является их алогичность, отсутствие единого *principium divisionis*: отдельные части речи выделяются на основе учета разнопорядковых принципов. Так, выделение местоимений в качестве особой части речи не оправдано, поскольку единственным основанием для него служит высокая степень обобщенности лексического значения слова. Напротив, так называемые модальные слова специфичны по функции как определители предикации: по форме (ввиду неизменяемости) они совпадают с наречием. Семантически модальное слово, подобно наречию, выражает признак признака» (Скребнев, 1965, с. 13; см. также Скребнев, 1973).

Все эти разногласия по поводу «природы» частей речи и принципов их выделения неизбежно приводят к появлению большого количества теорий и систем, разнящихся не столько от языка к языку (что было бы вполне естественно), сколько от исследователя к исследователю при описании одного и того же языка. Многоплановость самих классифицируемых единиц — слов, — сложный характер взаимодействия их лексических и грамматических свойств, различ-

ные толкования таких терминов, как «семантика», «значение», «категория», отсутствие четких критериев построения системы приводят иногда к тому, что даже лингвисты, придерживающиеся сходных взглядов на природу и основные характеристики частей речи, строят различные системы. Примером могут служить классификации, предложенные для английского языка А. И. Смирницким и О. Есперсеном. Оба лингвиста признают необходимость учета значения, формы и функции. Однако это не помешало А. И. Смирницкому исключить служебные слова из списка частей речи, а О. Есперсену — включить их в свою систему. Более того, в то время как первый выделяет наречие как самостоятельную часть речи, входящую в «сверхкласс» — имя (Смирницкий, 1959), второй помещает наречие в одну группу с предлогами, союзами и междометиями, именуя весь этот конгломерат «частичками» (Есперсен, 1958).

Противоречивость предлагаемых разными исследователями систем, наличие субъективных и субъективных трудностей, возникающих на пути к удовлетворяющей всех классификации, привели к тому, что ряд лингвистов начал искать выход из создавшегося положения в отказе от требований последовательности классификации.

Вполне естественно, что в наш век математизации и компьютеризации появился и прямо противоположный подход, а именно, попытки формализовать категорию «части речи» и, соответственно, определить ее наиболее строго и «объективно». Попытки эти основываются на предположении, что «грамматические категории могут быть точно определены в рамках математической лингвистики» (Шрейдер, 1971, с. 27). В связи с этим предпринимались и предпринимаются шаги не только к формальному описанию отдельных категорий, но и к созданию аналитических, т. е. теоретико-множественных моделей языка в целом (Маркус, 1970). Причем определения лингвистических понятий, полученные математическими методами, нередко рассматриваются как особо точные (см., например, данную Ю. А. Шрейдером в указанной работе оценку модели О. С. Кулагиной). Излагая существо понятия «слабое замыкание», Ю. А. Шрейдер предлагает в качестве примера следующую лингвистическую интерпретацию модели О. С. Кулагиной: «Пусть теперь A есть отношение принадлежности к общей «парадигме». Это означает, что xAy выполняется в том и только в том случае, когда x и y являются грамматическими формами одного и

того же слова: «стол» $\dot{A}$ «столом», «ходишь» $\dot{A}$ «хожу», «белый» $\dot{A}$ «белая» и т. п.

Здесь слабое замыкание $\dot{A}$ есть отношение принадлежности к одной и той же части речи. Итак, мы получили строго формальное определение части речи» (Шрейдер, 1971, с. 28).

Однако является ли такое определение «строго формальным»? Фактически понятие «часть речи» здесь определяется до введения его в модель, поскольку отношение бинарности задано как отношение принадлежности к общей парадигме. Таким образом, часть речи уже определена заранее как категория морфологическая. К тому же предполагается (и это необходимо для выполнения xAy), что заранее известно, являются ли x и y грамматическими формами одного и того же слова (т. е. мы должны заранее знать, что можно записать «белый» $\dot{A}$ «белая», но нельзя — * «белый» $\dot{A}$ «белизна»). В таком случае, если заранее определен характер категории частей речи и даже известно, какие слова относятся к данной части речи, а какие нет, какова же в теоретическом плане роль полученного «строго формального определения»? И есть ли само это определение?

Объясняя цель своей работы, О. С. Кулагина совершенно справедливо показывает, что традиционная грамматика оказывается непригодной при решении задач, связанных с машинным переводом. «Поэтому встает вопрос о создании некоторой специальной грамматики, пригодной для любого языка и построенной подобно тому, как строятся математические теории. Именно в основу такой системы должен быть положен четко очерченный круг понятий, взятых в качестве базы и в данной системе не определяемых, т. е. заданных этой системе извне» (Кулагина, 1958, с. 203). Такие модели создаются для целей прикладных, для решения конкретных практических задач. Именно так рассматривает назначение подобных моделей и С. Маркус, который говорит о том, как важно получить формальное определение частей речи «для лингвистов, работающих в области прикладного языкознания» (Маркус, 1970, с. 110).

Для решения конкретных задач вполне допустимо и даже необходимо создание моделей, не дающих определения частей речи, а лишь обеспечивающих «автоматическое распределение единиц словаря по частям речи» (там же). При этом сами части речи определяются заранее. В этом случае правомерным становится существование моделей, основан-

ных не на знании природы, сущности частей речи, а лишь на доминирующем признаке различных классов слов в том или ином языке. В случае работы с синтетическими языками это приводит главным образом к появлению моделей, базирующихся на парадигматических классах, в случае языков аналитических — к разработке синтаксически ориентированных моделей.

Однако для теоретической лингвистики существующие модели вряд ли добавляют что-либо принципиально новое к имеющимся уже определениям и описаниям. Используя классификацию лингвистических моделей, предложенную Ю. Д. Апресяном (1966), можно сказать, что ни одна из этих моделей не является исследовательской. В этом отношении можно согласиться с тем, что говорит о формальном описании М. И. Стеблин-Каменский: фактически оно ставит целью «открытие нового не в самой грамматической действительности, а в методах ее описания» (Стеблин-Каменский, 1971, с. 31). В подобных случаях «формализация» представляет собой лишь наиболее четкую и краткую формулировку выводов, полученных до всякой формализации в рамках чисто лингвистических.

Однако в ряде случаев перед моделями ставятся иные задачи. Так, интерпретируя полученную модель частей речи, И. И. Ревзин пишет: «Наша задача состояла... не столько в том, чтобы построить операционное определение, которое давало бы однозначное отнесение любого слова к его части речи, сколько в том, чтобы выяснить связи между парадигмой, падежом и частью речи, между морфологическими рядами слов и их ролью в предложении...» (Ревзин, 1973, с. 22). Такая постановка задачи, а также выводы о том, что полученная модель подтверждает обоснованность выделения традиционных частей речи и позволяет явно сформулировать те критерии, которыми интуитивно пользуется грамматическая традиция, должны были бы свидетельствовать о независимости исходных позиций создателей модели от имеющихся критериев классификации слов. Однако, как указывает сам И. И. Ревзин, в качестве исходных понятий при моделировании использовались понятия, основанные на морфологической трактовке частей речи. Следовательно, и в данном случае результаты исследования были предопределены заранее выбранной концепцией, а значит, строго говоря, и эту модель нельзя считать исследовательской.

К попыткам создать «объективные» формализованные

модели частей речи в полной мере приложимо высказывание Р. В. Пазухина о лингвистическом моделировании вообще: «Достижения лингвистического моделирования в целом оказались, таким образом, не столь значительными, как утверждают энтузиасты. Сейчас в лингвистике с успехом (но по отношению к ограниченным целям) применяются, пожалуй, только вспомогательные типы моделей: «демонстрационные» и «эвристические». Эти не строгие модели весьма полезны в преподавании, в рассуждениях, в дискуссиях. Что же касается собственно исследовательских моделей, с помощью которых надеются получить информацию о природе и устройстве языка, то здесь мы пока имеем дело лишь с недоразумениями. В этой функции выступают либо обычные описания языковых фактов (очень интересные), замаскированные (псевдо) логической символической, либо произвольные конструкции, основанные на ошибочных предположениях» (Пазухин, 1976, с. 36).

Таким образом, создание теоретико-множественных моделей не только не избавляет лингвистов от необходимости выяснить природу частей речи и дать лингвистическое определение этой категории, но, напротив, делает эту задачу еще более важной и неотложной.

Итак, многообразие существующих подходов к выделению частей речи, попытки одновременного использования разных принципов классификации (не всегда между собой связанных), известная априорность в выделении тех или иных классов, несмотря на кажущуюся объективность метода, приводят к тому, что само понятие «система частей речи» продолжает оставаться весьма нечетким. Отсутствие договоренности о характере классов слов, именуемых частями речи, о принципах их выделения и, соответственно, о критериях отнесения слов к какому-либо классу существенно затрудняет определение положения отдельных классов в этой системе.

Трудности эти приобретают особый характер, когда речь идет о таком своеобразном, неоднородном и неясно очерченном классе, как местоимения.

О СИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ МЕСТОИМЕННИКОВ СО СЛОВАМИ ДРУГИХ КЛАССОВ

Традиция выделения местоимений в самостоятельную часть речи восходит к классической грамматике, к тому вре-

мени, когда Аристарх выделил особый класс слов, который затем получил у его ученика — Дионисия Фракийского — следующее определение: «Местоимение есть слово, употребляемое вместо имени, показывающее лица» (Античные теории..., 1936, с. 133). Как известно, части речи в то время еще не рассматривались как классы слов, образующие единую систему, и то обстоятельство, что для выделения все новых и новых классов использовались совершенно разные по своему характеру признаки слов, не воспринималось как недостаток классификации. Последовательность дифференциации частей речи (а точнее, — способов их описания) прекрасно изложил Дионисий Галикарнасский: «Теодект, Аристотель и современные им философы насчитывали таких частей три, давая основное членение речи на имена, глаголы и союзы. Позже, главным образом благодаря руководителям стоической школы, отделившим от союзов члены, их число доведено было до четырех. Последующие же ученые, отделившие от имен собственных нарицательные имена, открыли пять основных частей. Другие, отделив от имен местоимения, ввели шестой элемент; третьи отделили наречия от глаголов и от союзов предлоги и причастия от нарицательных; четвертые путем новых подразделений число основных частей речи увеличили еще более. По этому поводу сказать можно бы немало» (там же, с. 118).

Нет ничего удивительного в том, что на самых ранних этапах изучения и описания грамматической системы языка всякое подмеченное своеобразие той или иной группы слов приводило к выделению ее в самостоятельный класс. Вполне естественно и то, что в этой классификации не соблюдалось единство классификационных принципов. Созданная для описания древнегреческого языка, эта грамматика была основана на тех сходствах и различиях в формах слов, которые наблюдались именно в древнегреческом языке. Затем с небольшими модификациями она была заимствована римлянами и приспособлена к латыни. Так или иначе, описание разных частей речи в классической грамматике вполне соответствовало уровню развития науки о языке (которая еще к тому времени не выделилась из философии в самостоятельную область знания) и основывалось на фактах древнегреческого и латинского языков.

Впоследствии в силу хорошо известных обстоятельств достижения античной филологии не только стали достоянием других народов, но и оказали определяющее влияние на

способы описания огромного количества языков, далеко не всегда родственных генетически и не всегда относящихся к одному структурному типу.

В результате этого сложилось положение, при котором местоимения выделяются в самостоятельный класс слов в системах частей речи языков с развитой морфологической структурой и языков, практически не имеющих словоизменения. Местоимения рассматриваются как часть речи в языках, где местоименные слова самостоятельны, и в языках, где они, по сути дела, представляют собой не слова, а связанные формы. Местоимения выделяются в системах частей речи, основанных на морфологическом критерии (хотя во всех морфологически развитых языках класс местоимений является крайне неоднородным именно в морфологическом отношении), и в системах, основанных на принципе значения. Даже в классификациях, строящихся преимущественно с учетом функциональных особенностей слов, местоимения выделяются в самостоятельную часть речи, так как для всех классов слов функционирование рассматривается в синтаксическом аспекте, а для местоимений — в референциальном.

Иными словами, складывается парадоксальное положение, при котором местоимения выделяются в отдельную часть речи независимо от особенностей языка и принципов классификации его слов.

Такое положение не могло не привлечь внимания лингвистов, и поэтому в лингвистической литературе время от времени вновь и вновь поднимается вопрос о правомерности выделения местоимений в самостоятельную часть речи наряду с такими классами, как существительные, прилагательные, глаголы и т. д.

Обоснованию правомерности такого выделения посвящен ряд исследований, в том числе диссертационных (см., например, Устинова, 1951; Генералова, 1970). Более того, появляются даже исследования, в которых доказывается, что выделения в самостоятельный класс заслуживают не только местоимения в целом, но и отдельные их группы, — например, неопределенные (Александров, 1970).

Этой точке зрения противостоит другая, согласно которой местоимения полностью исключаются из системы, точнее, распределяются по другим классам слов, как это имеет место, скажем, у Ch. Fries'a, 1956) или — на совершенно иных принципах — у Ж. Вандриеса (1937). Существуют и, так сказать, промежуточные взгляды, по которым некоторые

местоимения выделяются в особую группу, а остальные «растворяются» в других частях речи. Так, по мнению В. В. Виноградова, «за исключением предметно-личных местоимений, составляющих небольшую грамматически обособленную группу, другие разряды местоимений рассеяны по разным грамматическим категориям. Они не образуют самостоятельного грамматического класса» (Виноградов, 1947, с. 319).

Нет единодушия и по вопросу о том, что именно следует считать местоимениями, какие слова относятся к этому классу, независимо от того, выделяется ли он в самостоятельную часть речи или нет. «Амплитуда колебаний» здесь предельно велика. С одной стороны, существует точка зрения, согласно которой количество местоимений в языке практически не ограничено. Примером тому может служить описание местоимений у Г. Сурге'а, считающего их открытым классом и включающего в него такие слова и словосочетания, как a fellow, a chap, a party, a good number, a heap sight, plenty, the identical one и т. д. (см. Сурге, 1935).

Если Г. Сурге прямо называет местоимениями некоторые словосочетания, то В. И. Чуглов говорит о способности словосочетаний употребляться «в роли местоимений», выступать в качестве их аналогов. Более того, такие словосочетания рассматриваются им как переходное явление, поскольку они «обладают и признаками словосочетаний, и признаками местоимений» (Чуглов, 1985, с. 73—74). Остается, правда, не вполне понятным противопоставление «словосочетание» — «местоимение», как, впрочем, и «употребление в роли местоимений слов других частей речи» (там же, с. 70). Однако приведенная точка зрения явно свидетельствует о расширительном толковании термина «местоимение».

Противоположный подход к определению состава класса «местоимения» представлен, к примеру, в работе И. К. Романевой (1970), ограничивающей этот класс для русского языка тремя лексическими единицами.

При описании любого языка состав класса местоимений меняется от автора к автору, от учебника к учебнику.

Такая пестрота взглядов вызвана отсутствием единства в выборе принципов классификации слов по частям речи и рядом объективных трудностей, встающих перед исследователями, пытающимися всесторонне описать местоимения.

Действительно, в то время как существительные, прилагательные и т. д. при всем разнообразии частных характеристик допускают более или менее строгое определение, при-

ложимое, за небольшими исключениями, ко всем словам данного класса, местоимения такому определению не поддаются. Точнее, их невозможно определить в тех же терминах, что и другие классы слов. Любая попытка дать такое определение классу местоимений в его традиционном виде с позиций учета морфологических, синтаксических и семантических свойств слов приведет, скажем, для английского языка, примерно к такой формулировке: Местоимениями называются слова, указывающие на предметы, признаки предметов и признаки признаков, выступающие в предложении в функциях подлежащего, дополнения, приложения, обстоятельства, употребляющиеся иногда в роли предикатива, частично совпадающие в своем употреблении со служебными словами; при этом некоторые из них характеризуются категориями числа, лица, падежа, рода, а некоторые являются морфологически неизменяемыми!

Думается, однако, что, несмотря на всю «объективность» и «всесторонность» такого определения, польза его и в теории, и в практике весьма сомнительна: достаточно представить себе человека, который, вооружившись таким определением, попытается отличить местоимение от «неместоимения».

Неоднородность морфологических, синтаксических и семантических характеристик местоимений, наблюдающаяся практически во всех языках (см. Майтинская, 1969), повлекла за собой всестороннее изучение местоименных слов, что нашло свое отражение в обширной литературе, посвященной как отдельным словам и их группам, так и всему классу в целом. Анализ этой литературы показывает, что исключительность местоимений, их особое положение в словаре — в каком бы аспекте рассмотрение и систематизация этого словаря ни проводились — отмечаются при описании большинства языков. И, соответственно, в грамматиках этих языков возникает проблема «местоимений как части речи».

Сущность этой проблемы сводится к тому, что, выделяя вслед за классическими грамматиками местоимения в самостоятельную часть речи, лингвисты пользуются критериями, отличными от тех, на основе которых они выделяют остальные классы слов. Так, Е. С. Кубрякова, обосновывая правомерность и доказывая оправданность традиционной классификации слов по частям речи, признает, что «...выделение таких частей речи, как числительные и местоимения, базируется на иных принципах, нежели деление кардинальных частей речи» (Кубрякова, 1978, с. 44). Не формулируя этого

принципа прямо и включая местоимения в число главных частей речи, И. Вукович также оговаривает их исключительность, отмечая их функциональный параллелизм а) с существительными, б) с прилагательными (Вукович, 1972). П. Ондрус так характеризует соотношение местоимений (выделяемых как особый класс) с другими частями речи: «...в каждой из частей речи имеются подклассы и местоимения выступают как субстантивные, адъективные, числительные и наречные» (Ондрус, 1971, с. 66).

Некоторые исследователи, рассматривая местоимения как самостоятельную часть речи, отмечают при этом, что языковое значение этих слов «...отличается как от лексического, так и от грамматического значения» (Леванова, 1986). Следовательно, они выделяются в самостоятельный класс на заведомо особых, «уникальных» основаниях!

В этом отношении весьма показательным является обоснование выделения местоимений в особую часть речи в системе, предложенной А. Я. Баудером (1982). Определяя части речи как структурно-семантические классы слов, он предлагает следующий комплекс дифференциальных признаков для выделения этих классов: морфологические категории слов, система форм слова, связь с единицами других классов, функция в предложении, морфемная структура слова и классифицирующее значение слова (Баудер, 1982, с. 22). Под классифицирующим значением при этом понимается значение, являющееся обобщающим по отношению к дифференцирующему (т. е. индивидуальному значению слова) и унифицирующему (т. е. значению, обобщающему индивидуальные значения слов в тематическую группу). Иными словами, классифицирующее значение — это категориальное значение части речи. Так, если дифференцирующее значение слова «туфли» состоит в назывании совершенно определенного вида обуви, то его унифицирующее значение обобщается словом «обувь», а классифицирующее — «предмет».

Следует заметить, что определение унифицирующего значения тех или иных слов при таком его понимании будет неизбежно страдать некоторой субъективностью. Например, остается неясным, как будет обстоять дело с тремя ступенями значений у таких слов, как «обувь», «одежда», «мебель» и т. д. — т. е. у слов, дифференцирующее значение которых само по себе уже является определенным обобщением. Тем более сложно будет определить все три типа значения у слов «субстанция», «предмет», «признак». Вообще соотно-

шение видовых и родовых имен, гипонимов и гиперонимов далеко не всегда позволяет свести отношения обобщения к грем ступеням. Однако, отвлекаясь от этих трудностей, остановимся здесь лишь на одном аспекте предложенной системы.

Для всех частей речи А. Я. Баудер определяет все три ступени лексического значения, общее грамматическое значение, набор грамматических категорий и для каждой категории — набор грамматических форм, отмечая при этом в таблицах с помощью пунктирных линий необязательные категории, т. е. те, которых может и не быть у ряда слов данной части речи. Примером такой необязательной категории может служить категория рода у количественных слов, поскольку лишь немногие слова («один», «два», «оба») изменяются по родам. Порядковые же числительные, изменяющиеся по родам, в этот класс не входят, так как, по справедливому замечанию А. Я. Баудера, присутствующее в их семантической структуре значение количества не является классифицирующим; их классифицирующее значение — признак предмета (см. Баудер, 1982, с. 52).

Естественно предположить, что при таком подходе к выделению частей речи местоимения никаким образом не могут составить отдельного класса, поскольку они не являются однородными ни по одному из дифференциальных признаков. В самом деле, если сравнить разные группы местоимений, скажем, русского языка в плане присущих им морфологических категорий, то окажется, что они различаются между собой ничуть не меньше, чем существительные и прилагательные, а порой даже и больше. Так, у личных местоимений есть категория лица, а у неопределенных, указательных, вопросительных и др. ее нет. У указательных местоимений есть категория числа, у таких слов, как «кто-то», «некто», «что-нибудь» и т. д. ее нет, а наличие этой категории у местоимения 1-го лица служит предметом непрекращающихся дискуссий. У большинства субстантивных местоимений категория рода отсутствует, в то время как у адъективных местоимений она есть и т. д. Соответственно этому не может быть и единства грамматических форм.

Совершенно разными оказываются у разных групп местоимений связи с единицами других классов: само по себе разделение местоимений на субстантивные и адъективные достаточно ясно об этом свидетельствует. Соответственно этому не может быть и единства функций в предложении.

Очевидны различия в морфемной структуре разных мес-

тоименный (ср. «я» и «какой-то», «некоторый»). Таким образом, остается единственный критерий — классифицирующее значение.

Естественно было бы ожидать, что на основе принятой трехступенчатой системы описания значения местоимения, являющиеся наиболее общими выразителями таких понятий, как «предмет», «признак», окажутся соотнесенными на уровне классифицирующего значения с классами существительных и прилагательных. Даже если автор классификации и разделяет общепринятую точку зрения об указательном характере значения местоимений, это значение должно было бы рассматриваться на уровне унифицирующего. Ведь не считает же А. Я. Баудер классифицирующим значение количества у порядковых числительных!

Однако при анализе значения местоимений семантический критерий выглядит совершенно иначе. На с. 54-55 читаем: «У местоименных слов нет первой степени лексического значения — дифференцирующего значения. То значение, которое приводится в словаре, представляет собою вторую ступень отвлечения и, следовательно, может быть истолковано, по принятым параметрам в наших схемах, как унифицирующее значение... конденсирующее в себе свойства целой группы слов, а также индивидуальные различия между словами данной группы». Для всех единиц, составляющих класс местоименных слов, классифицирующим значением А. Я. Баудер считает указание на предметы, явления, признаки, качества окружающей действительности.

Возникает вопрос: если у слов нет дифференцирующего значения, т. е. значения, индивидуального для каждого слова, то что делает их словами? Что же в таком случае обобщается в их унифицирующем значении? Да и вообще — на чем основано употребление разных местоимений одной и той же семантической группы, если на всю группу у них одно общее значение?

Однако особый интерес в данном случае представляет классифицирующее значение. Если для всех остальных частей речи это значение определялось путем обобщения унифицирующих значений, сведения их к обозначению самого общего понятия, которое является «гипергиперонимом» по отношению к значениям всех слов данного класса, то для местоимений классифицирующее значение, по сути дела, подменяется описанием того способа, которым они, по мнению исследователя, обозначают предметы и признаки. В самом

деле, из обобщения понятия «указанное лицо», «неопределенное лицо», «принадлежность лицу», «неопределенный признак» никак нельзя путем обобщения получить значение «указание».

Очевидно, что выделение местоимений в данном случае является данью традиции и основано на интуитивном восприятии их как не вполне обычных предметных и признаковых слов. А попытка «вписать» их в общую систему структурно-семантических классов приводит к необходимости поменять классифицирующее значение указанием на способ обозначения, что затем уже заставляет игнорировать все остальные дифференциальные признаки. Как результат этого в таблице на с. 55 приводится общий набор всех морфологических категорий и категориальных форм, возможных у неглагольных частей речи, плюс категория лица с тремя ее формами. Вполне понятно, что если класс местоимений выделяется таким способом, то уже не имеет смысла, да и вообще невозможно разделение категорий и форм на обязательные и факультативные. Понятно также и то, что никакие грамматические свойства местоименных слов не рассматриваются в данном случае как дифференциальные признаки этого гетерогенного класса.

Столь подробный анализ основ выделения местоимений в отдельную часть речи в предложенной А. Я. Бауцеров системе обусловлен тем, что в этом случае предельно четко обнаруживается основной принцип выделения местоимения в рамках любой системы частей речи, а именно — использование принципиально иных оснований, что ведет к абсолютной несоотнесенности местоимения с другими классами слов в одной и той же системе. Разница в позициях исследователей состоит лишь в том, что одни прямо признают эту непоследовательность и пытаются как-то ее обосновать (как это делает, скажем, Е. С. Кубрякова), а другие — и таких большинство — пытаются замаскировать подмену критерия, сохраняя единообразную терминологию. Именно так объясняется традиция рассматривать «указание» как особое категориальное значение.

Если разграничение «называния» и «указания» как разных типов значения, разных способов обозначения (при всей неправомерности абсолютизации этого разграничения) хотя бы логично, то подразделение значений на «предметность», «процессуальность», «призначность» с одной стороны и «указательность» с другой явно противоречит логике. В

одном случае речь идет о содержательной стороне знаков, а в другом — о характере связи означаемого и означающего.

Отвлекаясь сейчас от уже обсуждавшейся в предыдущих разделах неправомочности отношения к местоимениям как к словам, ничего не называющим, а лишь на что-то указывающим, можно сказать, что рассмотрение характера значения (называние, указание) в одном ряду с характером означаемого (предмет, признак, действие) с неизбежностью ведет к нарушению системности описания. Таким образом, если речь идет об определении положения местоимений в системе, которую образуют части речи, то указательность (даже если бы она действительно составляла специфическую особенность местоимений) никак не может рассматриваться в качестве категориального значения класса.

Итак, даже в тех случаях, когда вопрос о включении местоимений в систему частей речи решается положительно, местоимения приобретают особый статус и не являются равноправными с такими классами, как существительные, прилагательные, наречия и глаголы именно в силу тех принципов, по которым их выделяют.

Чем же объясняется тот факт, что подобные сложности с определением статуса местоимения обнаруживаются и в русском, и в венгерском, и в немецком, и в нивхском, и в казахском, и во многих других языках, принадлежащих к разным языковым группам и даже семьям и относящихся к разным структурным типам?

Для решения этого вопроса необходимо рассмотреть отдельные грамматические и семантические характеристики местоимений в разных языках и соотношение местоимений с другими классами слов в рамках одного и того же языка.

С точки зрения морфологии местоимения в разных языках обладают далеко не одинаковыми характеристиками. Даже в пределах индоевропейских языков наблюдаются существенные различия. Достаточно сравнить, скажем, личные местоимения английского языка, имеющие две падежные формы, с личными местоимениями в русском языке с их шестипадежной системой склонения. Показательно в этом отношении и положение притяжательных местоимений. И в русском, и в английском языках эти местоимения образованы от тех же корней, что и косвенные падежи соответствующих личных местоимений. При этом в английском

языке притяжательные местоимения, не обладающие самостоятельной парадигмой, рассматриваются некоторыми лингвистами в качестве падежной формы личных местоимений (пример тому — парадигматическая система Г. Глисона). В русском же языке притяжательные местоимения (по крайней мере, 1-го и 2-го лица) никак нельзя рассматривать в качестве падежных форм личных местоимений, поскольку они имеют самостоятельную парадигму, склоняясь по типу прилагательных.

Не менее сложным оказывается и вопрос о морфологическом статусе возвратных местоимений. Как и в случае с притяжательными местоимениями, в английском языке существуют основания для включения их в парадигму личных местоимений в качестве возвратного падежа (обоснование этой точки зрения, не получившей, однако, широкого распространения, см., например: Слюсарева, 1986). Единственное возвратное местоимение русского языка — «себя» несмотря на неполноту своей парадигмы (отсутствие формы именительного падежа), бесспорно является самостоятельным словом. Но при этом оно не имеет категории лица, которая присуща возвратным местоимениям английского языка.

В тех случаях, когда притяжательные (и реже — возвратные) местоимения английского языка включаются в парадигму личных, система склонения последних должна уже рассматриваться не как двухпадежная, а как четырех- и пятипадежная. Однако и здесь не происходит морфологического сближения русских и английских личных местоимений, так как само понятие падежа в этом случае в применении к английскому языку трактуется совершенно особым образом.

Не менее существенные различия наблюдаются и в морфологических характеристиках других групп местоимений. Так, указательные местоимения английского языка изменяются только по числам (за исключением местоимения *such*, которое является неизменяемым), в то время как соответствующие русские местоимения характеризуются категориями рода, числа и падежа.

Если исходить не из семантической классификации местоимений (личные, указательные, вопросительные и т. д.), а из семантико-грамматической (т. е. из деления местоимений на субстантивные, адъективные и адverbиальные), различия в морфологических характеристиках соответствующих групп местоимений в разных языках также оказываются весьма значительными. Так, если русские адъективные местоимения

в большинстве своем изменяются по числам, родам, падежам и часть из них — по лицам, то, например, в казахском языке эти местоимения «...никогда не принимают ни словообразующих, ни словоизменяющих аффиксов. Такие аффиксы атрибутивные местоимения могут принимать только при условии своей субстантивации» (Ибатов, 1962, с. 9).

Напрашивается вопрос: если характеристики местоимений столь различны в разных языках, если в целом морфологический строй языков разных семей и разных типов различается весьма существенно, то как же получается, что положение местоимений в системе каждого языка определяется практически одинаково, причем именно в рамках системы частей речи, основанной в значительной степени на морфологическом критерии? Представляется парадоксальным положение, при котором в языках разного строя выделяются примерно те же части речи, что выделялись в латыни римлянами вслед за александрийцами. Система частей речи у александрийцев строилась на морфологической основе. Конечно, морфология латыни не вполне тождественна морфологии древнегреческого языка. Однако если даже считать, что различия эти незначительны и ими можно пренебречь, то приходится признать, что различия между морфологической системой классической латыни и современного английского языка, не говоря уже, скажем, о тюркских языках, являются достаточно существенными. Поэтому странно, что, выделяя части речи в самых разных современных языках, исследователи практически повторяют латинскую номенклатуру классов слов. Это было бы вполне объяснимо, если бы в основе латинской классификации лежали семантический или функциональный критерии. Тогда сходство можно было бы объяснить универсальностью человеческого мышления, универсальностью функций языка и т. д. Однако римляне шли в своей классификации за александрийской морфологической школой. Тем более удивительно, что буквально те же самые классы (т. е. морфологические классы) обнаруживаются сегодня в учебнике не только любого индоевропейского языка, но и языков тюркских, семитских (см., например, Ковалев, Шарбатов, 1969) и т. д. вплоть до языков банту. Причем относится это в полной мере и к историческому описанию языков. Констатируя коренные изменения, которые произошли, скажем, в морфологии местоимений (как и в морфологической системе языка в целом), мы продолжаем выделять этот класс (как, впрочем, и все основные клас-

сы слов) на всех этапах развития языка именно в рамках системы частей речи.

Означает ли это, что действительно положение местоимений одинаково во всех языках? Или же это положение складывается не в самом языке, а лишь при его описании в результате давления латинско-греческой традиции, в плену которой оказались и остаются сами исследователи? Иными словами, подходят ли исследователи объективно к описанию тех отношений, которые сложились в системе того или иного языка, или же они невольно ищут, какие слова данного языка можно подвести под уже известные категории? Впрочем, остается еще одна возможность - местоимения могут выделяться в разных языках в самостоятельный класс интуитивно, вопреки тому признаку, который кладется в основу классификации. Быть может, именно поэтому местоимения «не вписываются» в систему частей речи буквально ни одного языка.

Однако к анализу морфологических характеристик местоимений в разных языках можно подойти и с иных позиций. Поскольку в морфологическом отношении существенно разнятся не только местоимения разных языков, но и существительные, и прилагательные, и глаголы, представляется целесообразным посмотреть, не будут ли эти различия однотипными.

Действительно, количество падежей у английских личных местоимений существенно меньше количества падежей у русских личных местоимений. Но так же обстоит дело и с падежной системой существительных в этих двух языках. У английских адъективных местоимений, в отличие от русских, нет категории рода, но ее нет и у английских прилагательных, тогда как у русских прилагательных она есть. Сопоставляя данные большого числа языков, К. Е. Майтинская пишет, что для многих языков справедливой оказывается следующая схема соотношения имен и указательных местоимений: указательные местоимения в самостоятельных функциях (т. е. при субстантивном употреблении) напоминают существительные, а в определительных функциях (т. е. при адъективном употреблении) прилагательные (Майтинская, 1969).

Весьма показательными в этом отношении являются данные типологического анализа местоимений. Так, например, рассматривая систему склонения личных местоимений, И. Ш. Козинский формулирует такие универсалии: «Если в

некотором языке имеется противопоставление «эргатив/номинатив» в склонении личных самостоятельных местоимении 1-го и 2-го лица (или хотя бы одного из них), то такое же противопоставление имеется и в склонении существительных этого языка» (Козишский, 1980, с. 52). «Если в некотором языке существует противопоставление «эргатив/номинатив» у личных и/или указательных местоимении 3-го лица, то такое же противопоставление имеется и у существительных этого языка» (там же, с. 53). И еще две универсалии, подтверждающие общую системную связанность местоимений и имен: «Если в некотором языке имеется противопоставление «аккузатив/номинатив» в склонении существительных, то такое же противопоставление имеется и в склонении личных самостоятельных местоимении 1-го, 2-го и 3-го лица (или хотя бы в одном из них)»; «Если в некотором языке есть противопоставление «аккузатив/номинатив» у одушевленных существительных, то оно есть и у личных местоимений» (там же, с. 55, 60).

Сказанное не означает, что морфологические системы существительных и местоимений зеркально отражают друг друга. Более того, универсалии эти в большинстве случаев не могут быть «перевернуты», ибо обратное их прочтение часто неверно. Но они отражают безусловную связь между надежными системами существительных и местоимений.

Этот вывод подтверждается большим количеством исследований, выполненных на материале местоимении разных языков. Так, А. А. Сигорский отмечает, что у местоимений в языке брадж «существуют два типа склонения: субстантивное и атрибутивное, причем последнее совпадает со склонением остальных (изменяемых) прилагательных. Местоименное субстантивное склонение отличается от склонения существительных большей дифференцированностью парадигмы. Неличные местоимения объединяет с собственно существительными флексия множественного числа косвенного падежа -па» (Сигорский, 1980, с. 80). Определенный параллелизм в морфологической структуре и тенденциях ее изменения у местоимений и имен новояпонского языка отмечает Н. А. Сыромятников (1980), объясняющий ее в ряде случаев «давлением системы имен».

Интересно отметить, что в арабской грамматической традиции, не испытавшей на себе влияния латинской грамматики, местоимения не выделяются в особый, отличный от имен класс и соответственно не называются никаким обобщающим

термином. При всем своеобразии арабских личных местоимений, или «подразумеваемых», «сокрытых» имен, они также явно демонстрируют зависимость морфологических категорий от общей морфологической системы языка. Примером тому может служить категориальная форма двойственного числа, широко распространенная в системе имен и соответственно — в системе «сокрытых» имен (Кямилев, 1980).

Пожалуй, одним из наиболее интересных проявлений зависимости морфологии местоимений от морфологии имен (или взаимозависимости этих систем, их обусловленности какими-то общими факторами?) является положение местоименных морфем в тагальском языке, где местоимения, а точнее, — «совокупность единиц, способных быть субститутами (в широком значении этого слова) имен», можно рассматривать в качестве своеобразного посредника между именной и глагольной сферами (Шкарбаи, 1980, с. 145). Такая непривычная для носителей индоевропейских языков картина — способность местоименных единиц совмещать в себе значения падежа и залога — отражает общее соотношение имени и глагола в тагальском языке, где, как и в других филиппинских языках, имя и глагол слабо дифференцированы. По свидетельству того же автора, взаимопроникновение именных и глагольных сфер столь сильно, что «...имя частично становится носителем категории залога <...>. Глаголы же, в свою очередь, могут рассматриваться как актуализованные морфологически мотивированные имена объектов действительности...» (там же, с. 160). Причем речь в данном случае идет о падеже и залоге как морфологических (а не только семантических!) категориях, так как в состав имен могут входить залоговые морфемы, а глаголы могут вводиться в предложение падежными показателями. Таким образом, соотносительность с категориями падежа и залога если и составляет специфику тагальских местоимений по сравнению с местоимениями русского или английского языков, то в сопоставлении с именами своего языка всего лишь подтверждает тезис об общности морфологической специфики всей местоименно-именной сферы данного языка.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев местоимениям каждого языка присущи те же морфологические категории, что и именам того же языка. Разница наблюдается лишь в количестве форм той или иной категории у имен и местоимений. Исключение составляет категория лица у личных местоимений. Однако вопрос о том, является

ли выражение 1-го, 2-го и 3-го лица реализацией грамматической категории (как у глаголов) или же оно составляет лексическое значение местоименных слов, представляется в достаточной степени спорным.

На первый взгляд, сделанному выше выводу противоречит факт склонения личных местоимений в испанском языке, где существительные, как известно, не склоняются. Думается, однако, что противоречие здесь кажущееся. Поскольку и существительные, и местоимения испанского языка унаследовали систему склонения от латыни, можно говорить лишь о том, что общий процесс утраты падежных форм оказался более интенсивным в сфере существительных. Анализ парадигмы местоимений свидетельствует о том, что и у них происходит сокращение количества морфологических показателей падежа. Доказательством этого служит омонимия падежных форм, что приводит к возможности постановки вопроса о сведении падежной системы к двум формам «прямой падеж» — «косвенный падеж». Если по ряду причин сегодня такая трактовка склонения местоимений еще и не представляется целесообразной, то в целом несомненно существует тенденция к неразличению падежных форм (см. Васильева-Шведе, Степанов, 1972)*. Следовательно, у местоимений и существительных испанского языка изменение морфологии идет в одном направлении.

Вообще говоря, сама специфика языка как постоянно изменяющейся системы предполагает сосуществование в нем элементов, находящихся на разных ступенях перехода из одного состояния в другое. Такой переход не может быть абсолютно синхронным не только для единиц разных групп и разрядов, но и для совершенно однородных единиц (ср. разные степени субстантивации прилагательных, разные степени ассимилированности заимствований, принадлежащих к одному периоду заимствования, постепенность выравнивания глаголов по типу спряжения, скажем, в английском языке и т. д.). Поэтому нет и не может быть полного параллелизма в морфологии местоимений и существительных в каждый данный момент развития того или иного языка. Следует

---

* О том, что склоняемость испанских местоимений сегодня уже представляется очевидной не всем исследователям, свидетельствует и такое высказывание Е. М. Вольф: «Грамматики, которые приписывают местоимениям систему падежей, считают possessiv генетивной формой личного местоимения» (Вольф, 1974, с. 58. Разрядка моя. — О. П.).

учитывать, что и слова, бесспорно принадлежащие к одному классу, неодинаково реализуют свои морфологические категории, — достаточно вспомнить о существовании разных типов склонения существительных в морфологически развитых языках, разных классов глаголов и т. д. Так что речь может идти лишь об общем направлении в развитии морфологических категорий местоимений и имен, об одноплановости их категорий и форм.

Переходя к рассмотрению синтаксических характеристик местоимений, можно сразу же сказать, что при всем разнообразии синтаксических функций разных групп местоимений в разных языках основная их особенность состоит в отсутствии собственных, специфических, одним лишь местоимениям присущих функций. В большинстве случаев характер функционирования местоимения определяется субстантивным, адъективным или адвербиальным характером самого этого местоимения. Так, в английском языке местоимения могут выступать в предложении в роли подлежащего и дополнения (как и существительные), предикатива (как прилагательные или существительные), обстоятельства (как наречия), а в словосочетании могут занимать еще и присубстантивную позицию (как прилагательные). Та же картина наблюдается и во французском языке. Говоря об отличии субстантивных местоимений от существительных в логическом плане, французские грамматисты отмечают ту особенность, что синтаксически эти местоимения являются эквивалентами существительных*. Местоимения же адъективные рассматриваются в одном ряду с прилагательными. Так, в «Grammaire Larousse du Français contemporain» все местоимения рассматриваются в главе La Détermination, причем личные местоимения выделяются в самостоятельную группу, а остальные объединяются с соответствующими прилагательными в следующих разделах: Les adjectifs et pronoms démonstratifs; Les adjectifs et pronoms possessifs; Les pronoms et adjectifs interrogatifs; Les pronoms et adjectifs relatifs.

В этом отношении представляют интерес и определения некоторых групп местоимений испанского языка, практически отождествляющие их с *грамматическим* классом прилагательных.

---

* Например: «Si, de point de vue syntaxique, le pronom (pronomen, «à la place du nom»), peut exercer toutes les fonctions du substantif il s'en distingue de point de vue de la logique.» (Grammaire Larousse du Français contemporain, 1964, p. 211).

{ В казахском языке «синтаксические функции местоименных слов зависят, в основном, от того, к каким группам относятся эти местоимения по значению — к субстантивной или атрибутивной. Если местоимение относится к субстантивной группе, то оно может выполнять, в основном, функции подлежащего и дополнения, а если относится к атрибутивной группе, то оно больше всего будет склонно к выполнению функции определения, хотя в контексте и те и другие могут выступать также и в качестве других членов предложения» (Ибатов, 1962, с. 10).

Характеризуя функционирование местоимений в языке брадж, А. А. Сигорский пишет: «С точки зрения синтаксической функции, в брадже различаются три типа местоимений:

- 1) местоимения-существительные <...>;
- 2) местоимения-прилагательные <...>;
- 3) местоимения, которые могут функционировать и как существительные, и как прилагательные...» (Сигорский, 1980, с. 75).

В этой связи можно отметить и тот факт, что частичное совпадение функций относительных местоимений с функциями служебных слов также наблюдается в разных языках.

В английском языке относительные местоимения употребляются для связи придаточного предложения с главным, настолько при этом десемантизируясь, что иногда они, как и союзы, могут опускаться.

Как указывает Л. С. Эстрина, все относительные местоимения в современном русском языке также могут выполнять союзную функцию (Эстрина, 1970).

Исследователи отмечают функциональную близость ряда русских местоимений к частицам (см., например, Смирнов, 1985) и разного рода актуализаторам, включая количественные актуализаторы и интенсификаторы (см. Сулейманова, 1985). Аналогичные свойства обнаруживаются и у местоимений английского языка (Quirk et al., 1982).

{ Конечно, это не означает, что все синтаксические характеристики местоимений одинаковы во всех языках и что они полностью совпадают с характеристиками других частей речи. Так, А. И. Смирницкий отмечает ряд синтаксических особенностей местоимений английского языка, к числу которых относится фиксированное положение в определенных конструкциях (this, that в атрибутивном комплексе стоят на

первом месте), неспособность определяться наречиями и прилагательными (последнее — даже в случае местоимений субстантивного характера) (Смирницкий, 1959)!

На невозможность употребления личных (т. е. безусловно субстантивных) местоимений с определением в японском языке указывает А. А. Сыромятников (1980), не употребляются препозитивные определения при субстантивных местоимениях русского языка и т. д.

Ряд синтаксических особенностей местоимений по сравнению с другими классами слов выделяется и в казахском языке: неспособность местоимений подчинять себе другие слова, невозможность употребления субстантивного местоимения в именительном падеже в роли определения (что вполне возможно для существительных того же языка) и др. (Ибатов, 1962).

Аналогичные особенности имеются и у местоимений других языков. По, как нетрудно заметить, эти особенности сводятся к ограничению в некоторых случаях употребления местоимений в функциях, которые характерны для слов, принадлежащих к другим классам. Таким образом, в разных языках местоимения характеризуются одним и тем же синтаксическим свойством — отсутствием собственных, им одним присущих синтаксических функций и употреблением в функциях, являющихся типичными для слов других классов.

Учитывая все сказанное о соотношении морфологических и синтаксических характеристик местоимений с соответствующими характеристиками существительных и прилагательных в разных языках, можно сформулировать такую общую закономерность: в пределах одного языка субстантивные местоимения отличаются от адъективных теми же грамматическими категориями, какими существительные этого языка отличаются от прилагательных. Если рассматривать местоименные наречия как адverbиальные местоимения (см. с. 59—60 настоящей работы), то, соответственно, адъективные и адverbиальные местоимения будут грамматически различаться так же, как прилагательные и наречия того же языка.

Показательно, что эта закономерность прослеживается не только в синхронном, но и в диахроническом аспектах, причем даже в рамках отдельных говоров. Так, анализируя систему местоименных форм в говорах Северного Приобья, О. П. Киселева подчеркивает совпадение в этих говорах

морфологических характеристик указательных местоимений и прилагательных, в том числе и в процессе развития их парадигматических систем. При этом интересно следующее наблюдение: «Территория размещения каждой из указанных форм местоимений полностью совпадает с территорией распространения имен прилагательных с подобными флексиями в этих падежах» (Киселева, 1971, с. 52).

Такое совпадение флексий прилагательных и адъективных (в данном случае — указательных) местоимений на одной территории и соответственно положение, когда появление иной флексии у прилагательных сопровождается параллельной сменой флексии у местоимений, свидетельствует о жесткой внутрисистемной связанности морфологических показателей у этих двух типов слов.

Параллельное развитие морфологических категорий местоимений и других классов слов в диахроническом аспекте подтверждается исследованием Г. Д. Богатыревой. Описывая функции указательных местоимений русского языка XI—XIV вв., она отмечает: «Местоимения, употребленные атрибутивно, как и имена прилагательные в этой функции, естественно выражают род, число и падеж определяемого имени» (Богатырева, 1971, с. 40). Такая близость характеристик на разных этапах развития языка есть выражение глубинных системных отношений, присущих языку на всем протяжении его существования.

Таким образом, если исходить из некоторого осредненного варианта традиционной системы частей речи, в которой на основе тех или иных принципов принято выделить местоимения в отдельный, самостоятельный класс, то можно сказать, что при всех различиях конкретных характеристик местоимений в разных языках их системные отношения, т. е. отношения с другими классами слов внутри одного языка, остаются для разных языков одинаковыми. При этом следует оговориться, что это обобщение имеет смысл лишь для тех языков, в которых вообще выделяются части речи и в которых существует группа слов, именуемых местоимениями. Иначе говоря, поскольку обсуждается положение местоимений как класса особых словесных знаков по отношению к другим классам слов, вывод этот относится только к языкам, в которых выделяются словесные знаки, характеризующиеся семантической и грамматической самостоятельностью.

Применяя формулировку, предложенную Ю. В. Ванни-

ковым и М. Виньярски для русских и испанских местоимений, общую закономерность, сформулированную выше, можно выразить так: местоимения различных языков «имеют одну и ту же общую меру структурности». Под мерой структурности понимается «количественно определенная взаимосвязанность элементов в системе» (Ванников, Виньярски, 1968, с. 65—66).

Обозначая заглавными латинскими буквами Р, N, А местоимения, существительные и прилагательные соответственно, а строчными русскими а, р, к и т. д. — различные языки (английский, русский, казахский и т. д.) и цифрами — различные группы местоимений (субстантивные, адъективные и т. д.), эти отношения можно представить следующим образом:

$$\frac{P_1^p}{N^p} = \frac{P_1^a}{N^a} = \frac{P_1^k}{N^k} = \dots \quad \frac{P_2^p}{A^p} = \frac{P_2^a}{A^a} = \frac{P_2^k}{A^k} = \dots$$

Если же сопоставлять однотипные группы местоимений в разных языках, то оказывается, что субстантивные местоимения двух языков различаются между собой так же, как и существительные этих языков; адъективные местоимения — как прилагательные и т. д. Например, если разница между английскими и русскими субстантивными местоимениями заключается прежде всего в многопадежности русских и малопадежности английских, то именно это различие является определяющим и при сравнении русских и английских существительных.

Аналогичные выводы можно сделать и при сравнении местоимений и соответствующих частей речи в русском и немецком языках. На первый взгляд, этому противоречит отмечаемое А. П. Генераловой (1970) отсутствие в немецком языке адъективных местоимений. По ее мнению, местоимения разделяются на субстантивные и субстантивно-адъективные. Однако это означает фактически только то, что некоторые местоимения немецкого языка можно рассматривать как омонимы. Подтверждается это замечанием самой А. П. Генераловой о наличии у субстантивно-адъективных местоимений усеченных и полных форм. Каждая из этих форм, как правило, оказывается закрепленной лишь за одним — субстантивным или адъективным — употреблением.

Итак, вторая закономерность, обобщающая отношения

местоимении с другими классами слов, выделяемыми в рамках традиционной системы частей речи, может быть сформулирована следующим образом: отношения между отдельными группами местоимений разных языков параллельны отношениям между соответствующими именными частями речи тех же языков и в целом отражают различия в грамматических системах этих языков. Обозначим буквой S систему какого-то языка в целом, это можно записать так:

$$\frac{P_1^p}{P_1^a} = \frac{N^p}{N^a} = S^p, \quad \frac{P_2^p}{P_2^a} = \frac{A^p}{A^a} = S^p.$$

Примером того, как эта формула может быть наполнена конкретным содержанием, может служить описание отношений, скажем, между русским и тагальским языками. Субстантивные местоимения тагальского языка отличаются от субстантивных местоимений русского языка прежде всего категорией залога. Именно способностью становиться носителями залогового значения отличаются от русских тагальские существительные. В целом системы тагальского и русского языка в плане морфологии различаются тем, что в тагальском языке нет четкой дифференциации именных и глагольных категорий, а в русском языке она есть. Другим примером может служить соотношение адъективных местоимений английского и русского языков: в русском языке они склоняются, а в английском — нет, так же, как склоняются русские прилагательные и не склоняются английские, что в целом отражает отношения между морфологическими системами синтетического русского языка и аналитического английского.

{Анализ, проведенный автором на материале английского языка (см. Петрова, 1973), не только подтвердил предположение о параллелизме субстантивных местоимений с существительными, адъективных — с прилагательными, а адverbиальных — с наречиями в плане семантики, синтаксического функционирования и дистрибутивных свойств, но и позволил сделать вывод о том, что все отношения, существующие между неглагольными частями речи, находят свое отражение в отношениях между отдельными разрядами местоимений. На этом основании класс местоимений, содержащий корреляты всех неглагольных частей речи и их семантических разрядов, можно рассматривать как микросистему, которая представляет собой своего рода модель неглагольной части системы частей речи.

Исходя из этого, было бы целесообразно сделать попытку отказаться от традиционного подхода к выделению местоимений на принципах, отличных от выделения других классов слов, и определить, какое же место может занимать эта целостная микросистема в общей системе частей речи. Это, однако, требует некоторого предварительного анализа основе построения такой системы.

тех принципов и предпосылок, которые должны лежать в

Созданию той или иной классификации, построенной той или иной системы должен предшествовать ответ на вопрос: для чего проводится эта классификация, какова цель построения этой системы? Соответственно и оценка классификации — ее корректности, эффективности, непротиворечивости и т. д. — должна прежде всего даваться на основе того, насколько полно эта классификация позволяет решить тот круг задач, для решения которого она создана. Неудовлетворительность существующей системы частей речи во многом объясняется именно тем, что в процессе многовекового ее усовершенствования окончательно исчезла целеположенность этой системы. В современном виде система частей речи большинства языков не дает строгого представления ни о морфологических классах данного языка, ни о синтаксических, ни — тем более — о семантических. Одновременный учет — или, точнее, попытка учета — сразу трех принципов свидетельствует о том, что такая классификация призвана служить выявлению каких-то общих закономерностей соотношения словарных единиц и носит, таким образом, характер общетеоретической исследовательской модели, а не прагматического механизма «сортировки» слов. Классификация словаря по частям речи должна рассматриваться как «...такое системное представление лексикона, которое адекватно грамматическому строю и является моделью» (Кривоносов, 1972, с. 220). Именно этим должна отличаться система частей речи от предлагавшихся дескриптивистами парадигматических или синтаксических классов, позволяющих строго распределить между ними слова по какому-то одному признаку, игнорируя при этом другие, часто не менее важные.

Если подходить к оценке существующей системы частей речи именно с позиций ее общетеоретической значимости для выявления всей совокупности отношений, которые связывают слова в системе языка, то оказывается, что в силу ряда причин эта система не только не дает, но и не может дать пол-

ного представления об истинных связях и отношениях. Объясняется это несоответствием принципов описания свойствам описываемого объекта. В первую очередь речь идет о разном понимании системности как характеристики языка и системности как принципа классификации. Кроме того, (и это не менее существенно) возникает противоречие между дискретностью как принципом классификации и непрерывностью как свойством классифицируемого объекта*.

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Выше уже отмечалось, что в попытке решить весь комплекс проблем, возникающих при распределении слов по частям речи, некоторые исследователи встали на путь отказа от строгой последовательности и логической непротиворечивости классификации. Излишне прямолинейно воспринимая требование логической непротиворечивости классификации как требование обязательного использования принципа деления объема понятия, эти лингвисты совершенно справедливо указывают на неприменимость этого принципа к построению системы языковых единиц.

С другой стороны, отказ от строгой последовательности классификации объясняют тем, что «язык представляет собой необычайно сложную систему, или системный комплекс. В нем не исключаются, а предполагаются внутрисистемные связи различного характера. В нем допускается наличие противоречий, наличие антисистемных явлений» (Денисов, 1984, с. 142).

В приведенном высказывании одновременно утверждается и системный характер языка (включая наличие внутрисистемных связей), и наличие в нем антисистемных (заметим — именно антисистемных, а не асистемных) явлений. В этом отношении позиция П. Н. Денисова отражает получившую в последнее время определенное распространение точку зрения, согласно которой подход к языку как к целостной системе не соответствует реальному характеру отношений, существующих между единицами языка. Весьма полно взгляды тех, кто стоит на этой позиции, были обобщены Р. А. Будаговым (1978).

---

* О противопоставлении дихотомичности и градуальности, дискретности и непрерывности в языке и лингвистике см. Ревзин, 1969.

Так, вслед за Ч. Хоккетом, Р. А. Будагов пишет: «Оказывается, что жесткие структуры в языке и в науке о языке не только мешают понять язык во всей его многогранности, не только проходят мимо каких-то несущественных деталей (чаще всего именно так изображают дело защитники жестких структур), но и искажают природу языка, оставляя за пределами осмысления языка самые главные его особенности, самые типичные его черты» (Будагов, 1978, с. 6). Употребляя термины «система» и «структура» как «близкие синонимы» и настаивая на термине «антисистема» как на более ясном, чем «асистема» (см. сноску на с. 3 цитируемой работы), Р. А. Будагов, таким образом, фактически выступает против построения «жестких», т. е. логически непротиворечивых систем языковых единиц на том основании, что в языке имеются и такие единицы, которые не только не вступают во внутрисистемные связи (тогда они были бы асистемны), но и прямо противоречат им. Более того, получается, что именно эти последние явления и составляют суть языка, «самые главные его особенности».

В приведенной выше цитате обращает на себя внимание указание на неприемлемость жестких структур «в языке и в науке о языке». В таком случае не вполне понятно, о чем же идет речь — о самом языке или о способах его описания? Если имеются «жесткие структуры в языке», то лингвисты не только вправе, но и обязаны отразить их в описании языка. Если же речь идет о навязываемых языку системных рамках, которые не отражают действительного характера явлений и привносятся самим исследователем, то следует, видимо, говорить не о системности или антисистемности языковых явлений, а об адекватности или неадекватности способов их описания. Однако, как полагает Р. А. Будагов, «...речь идет не о том, чтобы заменить жесткие структуры различных уровней структурами менее жесткими, более гибкими, как это предлагают отдельные ученые. Речь идет о понимании сложной природы самих структур, о соотношении *структурных* и *антиструктурных* тенденций в синхронном состоянии любого развитого национального языка» (там же, с. 16). Именно присутствием в системе языка антисистемы объясняет способность языка к развитию и Ф. П. Филин (1980).

Вероятно, нет ни одного лингвиста, который стал бы отрицать наличие в языке противоречий, преодоление которых и лежит в основе постоянного изменения языка. Опре-

деляя языковое противоречие в широком смысле этого слова, Ф. П. Филин пишет, что это — «явление, когда в одной и той же системе сосуществуют разные и даже противоположные тенденции использования речевой субстанции и речевых отношений. В результате противоборства тенденций одна из них уступает другой и исчезает или тенденции оказываются совместимыми, в результате чего создается нечто новое, чего не было прежде в системе» (Филин, 1980, с. 10).

В самом определении противоречий как движущей силы развития языка Ф. П. Филин говорит о системе, о взаимодействии определенных тенденций и появлении чего-то нового именно в системе. Думается, что наличие в языке различных явлений, противоположных тенденций и многообразных связей не является основанием для признания его бессистемной, неупорядоченной совокупностью единиц. Более того, присутствие так называемых «антисистемных» явлений в языке вовсе не составляет его специфики по сравнению с какими-то другими системами, «поскольку при диалектическом понимании системы как адаптированного, «ставшего», приобретшего свою меру объекта ничто реальное не может быть и абсолютно системным и абсолютно бессистемным...» (Мельников, 1978, с. 69). Вообще говоря, с точки зрения системологии, «...абсолютной системности объект никогда не достигнет...» (там же, с. 87). Однако это не только не противоречит системному его описанию, но, напротив, является одним из принципов теории систем.

Возвращаясь к вопросу о классификации частей речи, следует сказать, что представляется неправомерным заранее допускать возможность противоречивости системы частей речи и на этом основании отказываться от последовательности применения принципов классификации. Разумеется, классификация языковых единиц имеет свою специфику, но в то же время она должна соответствовать общим закономерностям классификации объектов. Вряд ли можно говорить о том, что при систематизации единиц языка исследователи сталкиваются с большими трудностями, чем при создании систематики животных и растений или даже при построении периодической системы элементов. Хорошо известно, какое количество различных и не всегда непосредственно между собой связанных характеристик классифицируемых объектов приходится при этом учитывать.

В этой связи необходимо обратить внимание на то, что в процессе классификации каких-то объектов исследователь

имеет дело еще не с системой самих объектов, а лишь с системой признаков, которые он выделяет у этих объектов. Если признаки разнородны, разноплановы и сами по себе системы не образуют, классификация, построенная на их основе, не может рассматриваться как система. Вообще «...совокупность объектов образует систему, если набор признаков, постулируемых для описания этих объектов, образует систему. Это означает, что проблема системности переносится с уровня объектов на уровень признаков» (Виноградов, 1969, с. 251). Обосновывая целесообразность такого перенесения, В. А. Виноградов пишет, что уровень признаков в любом случае количественно более обозрим, чем уровень объектов. Однако дело, думается, не только в этом. Помимо чисто прагматического удобства перенесения проблемы системности на уровень признаков, следует еще, по-видимому, учитывать возможность вхождения одного объекта в разные системы, что будет зависеть именно от отбора признаков и степени их системности. При этом речь идет не только об отборе однородных признаков разных объектов, но и прежде всего о том, что учитываемые в классификации признаки одного объекта должны быть связаны между собой, должны составлять систему внутри самого этого объекта.

Возникающие при классификации слов по частям речи сложности сводятся, главным образом, к невозможности учесть одновременно все признаки каждого слова таким образом, чтобы при этом получились совершенно однородные классы. При делении слов по принципу парадигмы (если при этом никакие другие параметры не учитываются) противоречий в системе не возникает. Они появляются лишь тогда, когда мы начинаем оценивать полученную классификацию с применением других критериев: скажем, слова, обладающие однотипным значением и одинаковыми синтаксическими свойствами, могут не войти в один парадигматический класс, так как в языке окажутся слова с неполной парадигмой, заимствованные слова, не ассимилировавшиеся морфологически и т. д. Следовательно, прежде чем проверять классификацию на системность, необходимо проверить, образуют ли систему признаки, положенные в основу этой классификации.

При этом следует учитывать, что использовать все без исключения признаки не только невозможно, но и не нужно. Существует по крайней мере три группы признаков — системообразующие, системопроброетенные и системонейтраль-

ные (Солнцев, 19776). Если перед исследователем стоит задача всестороннего описания каких-либо единиц, во внимание, очевидно, должны приниматься все эти признаки. Если же речь идет о создании системы единиц, то необходимо выделить лишь признаки первого типа, т. е. «...присущие элементам свойства независимо от их участия в системе, формирующие внутрисистемные связи и отношения. Эти свойства являются проявлением качественной определенности объектов (элементов) данной системы и отражают их природу» (там же, с. 51).

Вопрос об отборе системообразующих признаков тесно связан с пониманием сущности системы. Если речь идет не об искусственном объединении каких-то элементов в систему для удобства описания, а о реально существующей системе (сколь угодно сложной и даже характеризующейся теми особенностями, которые, как уже говорилось, некоторые лингвисты склонны рассматривать как «антисистемные»), то сущность этой системы «...формируется для удовлетворения функциональных вопросов надсистемы в ее определенном вакантном узле» и тогда «наиболее полно сущность выявляется через те существенные свойства системы, которые функциональны» (Мельников, 1978, с. 87). Прочие же существенные свойства могут складываться в ней в процессе адаптации системы лишь для поддержания функциональных свойств. Поскольку, как уже отмечалось, достижение абсолютной системности невозможно, то кроме существенных свойств объект «может проявлять и несущественные. Но они уже не являются функциональными» (там же).

В применении к лингвистическим единицам и системам термин «функциональный» трактуется весьма разнообразно (см. Веденна, 1978). Однако если принять так называемое широкое понимание, при котором функциональный — это служащий какой-то цели, выполняющий определенное назначение, то сформулированное выше определение существенных свойств объекта как его функциональных свойств вполне согласуется с представлением о том, что единицы языка могут и должны классифицироваться по своим функциональным признакам. Показательно в этом отношении следующее утверждение А. К. Васильевой: «Для того, чтобы с уверенностью отнести тот или иной класс слов к числу частей речи, необходимо в первую очередь определить роль, которую эти классы играют в языке, т. е. определить функцию, выполняемую их категориальным значением. Одновременно будет по

тучен ответ на вопрос, почему с помощью данной классификации выделяются именно эти значения, а не какие-либо другие» (Васильева, 1973, с. 67).

Таким образом, построение системы языковых единиц должно представлять собой выявление реально существующих системообразующих свойств этих единиц и в первую очередь — свойств функциональных. Речь идет не о «подгонке» единиц под какие-то классы, а о выявлении реально существующих свойств и отношений, т. е. о системном описании единиц, в действительности образующих систему.

Известно, что всякая научная теория оценивается по трем параметрам: объясняющей силе, простоте и непротиворечивости. Собственно говоря, первый и третий параметры взаимосвязаны: объясняющая сила теории тем выше, чем меньше обнаруживается фактов, противоречащих этой теории, иными словами, — чем меньше исключений из сделанных обобщений. И в тех случаях, когда говорят о том, что «жесткая» система противоречит фактам языка, это можно и нужно понимать лишь в том смысле, что система описания языковых фактов обладает низкой объясняющей силой и большой противоречивостью. Таким образом, как уже было сказано, противоречие может возникнуть не между системным подходом к описанию языка и бессистемностью самого языка, а между системой языка и неадекватной системой его описания.

Сам по себе системный принцип описания языка или каких-то его единиц вовсе не предполагает обязательности применения принципа деления объема понятия. Это далеко не единственный способ классификации и тем более — построения системы. Для того чтобы адекватно описать объект, необходимо прежде всего исходить из особенностей этого объекта, из его основных свойств, его сущности. Иными словами, научное описание должно строиться на принципе: «порядок и связь идей — те же, что порядок и связь вещей» (Абаев, 1986, с. 27).

Естественно предположить, что трудности, возникающие при классификации языковых единиц, объясняются нарушением этого принципа, т. е. наличием у языка некоторых свойств, которые не учитываются при построении системы.

К числу таких свойств следует отнести непрерывность развития языка, наличие постоянно происходящих в нем изменений. Действительно, любой «живой» язык в любой момент своего развития представляет собой систему, находя-

щуюся в переходном состоянии от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. В языках постоянно (и, разумеется, постепенно) меняется количество и состав морфологических категорий, развиваются новые и отмирают или видоизменяются старые синтаксические структуры, происходят активные словообразовательные процессы, вносящие изменение в сложившиеся лексико-семантические отношения между словами. Нет и не может быть такого языка или такого момента в развитии языка, который можно было бы охарактеризовать как лишенный нарушений системности. Именно постоянным стремлением языка к достижению полной системности определяется сам факт непрерывного изменения, развития как отдельных подсистем, так и всей языковой системы в целом. Хорошо известны законы такого стремления, его механизмы — закон аналогии, проявляющийся в процессах дифференциации и унификации, асимметричность (или асимметричный дуализм) языкового знака и пр.

Такая особенность существования языка как постоянно изменяющейся системы предопределяет наличие переходных, промежуточных явлений, большое количество единиц и категорий, уже частично потерявших свойства, составлявшие их специфику на предыдущем этапе, но еще не приобретенных в полной мере новых свойств, которыми будет определяться их положение в системе на следующем этапе развития.

Наблюдение за рядом лингвистических категорий показывает, что переход от одной формы к другой, от одного типа к другому происходит постепенно не только в диахроническом плане, но и в синхронной системе. В какой-то мере это нашло свое отражение в теории лексико-грамматических полей, где единицы, расположенные в центре и на периферии, различаются прежде всего количественной стороной, степенью выраженности того или иного свойства. И. И. Ревзин по этому поводу пишет: «...традиционная лингвистика, а также ряд влиятельных современных лингвистов (Болинджер, Мартине, Данеш, Вахек) подчеркивают неопределенность, градуальность лингвистических противопоставлений, наличие для многих явлений «центральной зоны», где принцип дихотомичности действует безотказно, и зоны периферии, где противопоставления оказываются смытыми. Эта особенность связывается указанными учеными именно с тем, что естественный язык в каждую данную эпоху явля-

ется исторически сложившимся и исторически изменяющимся явлением и этим резко отличается от языков искусственных» (Ревзин, 1969, с. 70).

Очень наглядно постепенность накопления (или потери) количества признака с последующим переходом в новое качество прослеживается на примере различных типов значения. Так, весьма условным является принятое в лексикологии деление слов на конкретные и абстрактные, поскольку речь идет об очень сложной градации, а точнее, — о плавном, постепенном переходе от слов с конкретным значением через слова с менее конкретным значением, а затем — с еще менее конкретным значением — к словам абстрактным. Строго говоря, в таком ряду не может быть проведена граница, по одну сторону которой остались бы слова конкретные, а по другую — абстрактные. Думается, что так же дело обстоит и при классификации самих понятий, называемых этими словами.

Выше уже было показано, что аналогичная ситуация возникает при попытке разделить слова на дейктические и недейктические. Способность характеризовать данное понятие относительно какого-то центра координации может быть выражена у разных слов в разной степени. В одних случаях она лишь является дополнением к основному, номинативному значению (как это имеет место у глаголов движения), в других — выступает наравне с номинативной способностью (как, скажем, у некоторых наречий) и, наконец, в третьих оказывается ведущей (если не единственной) семантической характеристикой слова (у таких, например, слов, как указательные местоимения).

При делении имен на денотативные и сигнификативные также наблюдается постепенный переход от одного типа к другому, поскольку, как отмечает А. А. Уфимцева, «внутри этих больших разрядов, выделенных по характеру знакового значения, имеется широкий разброс имен по результату взаимодействия этих двух компонентов знакового значения» (Уфимцева, 1986, с. 107).

Сопоставление различных классов слов в плане присущих им морфологических категорий также показывает, что между дихотомически противопоставленными разрядами всегда находятся другие, обладающие смешанным набором категорий. Например, между именем существительным и глаголом (противопоставление которых в традиционной грамматике лежит в основе деления словаря на именную и гла-

гольную часть) в разных языках обнаруживаются разные формы (скажем, инфинитив или герундий), обладающие как именными, так и глагольными категориями. Между глаголом и прилагательным — причастия, также демонстрирующие смешение «вербально-адъективных» свойств.

Подобные отношения наблюдаются и в синтаксисе (переходные типы предложений между простыми и сложными, бессоюзные предложения как тип, промежуточные между сложносочиненными и сложноподчиненными в современном английском языке, и т. д.).

Такого рода наблюдения заставляют предположить, что для отношений в системе языка вообще не характерно резкое противостояние отдельных типов единиц. Напротив, в языке имеет место постепенный переход от одного типа к другому через обязательные промежуточные группы или разряды.

Поскольку существующая система частей речи представляет собой результат классификации, основанной на принципе деления объема понятия, она по сути своей не может учесть и отразить диалектический характер связей, существующих в языке. Поэтому представляется необходимым при выборе принципов построения системы учитывать «непрерывность» существующих в языке отношений, определенную условность и подвижность границ между отдельными классами, наличие переходных, промежуточных единиц, постепенное количественное изменение признаков, ведущее к появлению нового семантического и грамматического качества.

В отношении системы частей речи это требование оказывается принципиальным еще и потому, что части речи вполне справедливо и обоснованно считаются языковыми средствами отражения пространственно-временного континуума (Скредина, 1977), а точнее, — средствами закрепления в языке отражения пространственно-временного континуума человеческим мышлением. В таком случае отношения между этими языковыми средствами должны в какой-то мере отражать свойства самого континуума (хотя, разумеется, лишь в какой-то мере).

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССАХ СЛОВ И КАТЕГОРИЯХ МЫШЛЕНИЯ

Вопросу о связи языка и мышления посвящено большое количество специальных исследований. Представители разных лингвистических и философских школ и направлений по-разному понимают и описывают характер этой связи, ее воздействие как на язык, так и на мышление, степень параллелизма между единицами языка и категориями мышления. Однако при всех различиях в трактовке отдельных аспектов этой проблемы признание диалектической взаимосвязи языка и мышления заставляет одновременно признать и то, что в целом функциональное назначение единиц языка состоит прежде всего (хотя и не исключительно) в выражении определенных единиц мышления в процессе общения между людьми.

Будучи средством выражения мышления, язык, таким образом, одновременно является средством выражения той картины мира, которая складывается в нашем сознании. Именно этим объясняется тот факт, что «в системе наименований нет особых понятий, которые не коррелировали бы с мыслительными и предметными категориями» (Уфимцева, 1986, с. 102).

Значение языковых единиц, их назначение в системе языка в значительной степени определяются именно соотносительностью этих единиц с категориями мышления, поскольку «...язык является средством выражения мысли» и «повседневное функционирование языка непосредственно зависит от деятельности сознания» (Мельничук, 1975, с. 17). Мысль, в свою очередь, формируется на основе отражения объективной действительности по некоторым законам, общим для всех людей. Характеризуя понятие значения, А. А. Леонтьев пишет, что это понятие «...принадлежит к числу тех наиболее всеобщих форм деятельности, которые лежат в основе превращения опыта в знание, целостной, системной и содержательной интерпретации предметного мира человеком» (Леонтьев, 1983, с. 6).

Какими бы разными ни были языки в фонетическом, морфологическом и семантическом планах, как по-разному ни членили бы их носители в своем сознании объективную действительность (а результатом этого различия и являются различия в лексической и лексико-грамматической системах языков), в семантических категориях любого языка

обязательно находят свое отражение основные, фундаментальные категории мышления. Разумеется, лексическое значение слова не тождественно понятию, так же, как и само понятие не тождественно тому фрагменту действительности, на основе отражения которого оно сформировалось у человека. Однако поскольку слова суть материальные языковые формы закрепления понятий, сформировавшихся на основе отражения действительности, классифицирующая и обобщающая деятельность мышления с неизбежностью проявляется и в языке. «Именованье вещи, — пишет Р. Г. Авоян, — отождествляет ее с другими вещами на основании их внутреннего единства. Посредством именованья за внешней нетождественностью вещей обнаруживается и фиксируется их внутреннее единство. Но именованье вещи означает также отождествление ее с самой собою, отвлечение от внутренних различий в непрерывном процессе ее изменения на основе объективной инвариантности» (Авоян, 1985, с. 75). В таком двойном отождествлении и заключается основная особенность словесного знака — служить одновременно именем вещи и именем класса вещей.

Более того, необходимость в обобщении возникает не только при именовании вещей, но и при выражении отношений между ними. Б. А. Серебренников по этому поводу пишет: «Если бы в языке каждый раз выражалась специфика различных отношений между вещами, то язык был бы настолько перегружен различными деталями, что перестал бы быть удобным средством общения. Поэтому отношения между словами должны быть более абстрактными. Реальное качественное различие в них часто стирается или выступает в каком-то крайне обобщенном виде» (Серебренников, 1983, с. 261). Для того чтобы в языке могли существовать абстрактные отношения между словами, сами эти слова должны предварительно подвергнуться обобщению более высокого уровня — они должны войти в классы слов. Отождествление слов внутри класса предполагает выявление внутреннего единства не отдельных вещей, а понятий. Чем крупнее таксоны, внутри которых происходит отождествление объектов, чем выше уровень таксономической категории, тем ближе эти категории оказываются к категориям логическим, представляющим собой, по определению А. Г. Спиркина, «...высшие формы бытия и познания» (Спиркин, 1960, с. 329). В каком бы направлении ни шло влияние категорий языка и мышления друг на друга (двусторонняя направленность

этого процесса уже многократно обсуждалась философами и лингвистами самых разных направлений), бесспорно одно: в конечном итоге языковые категории служат для выражения категорий мышления. Взаимосвязь и взаимообусловленность их очевидна.

Соотношение действительности, ее отражения сознанием и языкового знака, закрепляющего это отражение, обычно выражается формулой «слово — понятие — вещь», где именно «посредничество» понятия между словом и вещью приводит к появлению у слова способности к обобщению.

В последнее время появились работы, ставящие под сомнение право языкового знака на место в этой триаде. Так, не отрицая связи мышления с языковой деятельностью, В. Я. Мыркин в то же время полагает, что картина мира, отраженная нашим сознанием, кодируется не в системе языка, а в знаках речи.

В знаках языка, по его мнению, мир не отражается, он отражается в сознании, которое фиксирует, кодирует это отражение в конвенциональных знаках. «В самих знаках смысла нет, они лишь мнемонические средства закрепления и пробуждения соответствующего смысла в наших головах» (Мыркин, 1986, с. 55). Язык, а конкретнее, — слова не соотносятся ни с каким знанием. «Следовательно, именно речь является коррелятом мышления и (со)знания, концептуальный опыт человека соотносится именно с речью, а не с языком — языковой системой, являющейся главным образом строительным материалом для производства речи» (там же, с. 57). Развивая далее это положение, В. Я. Мыркин приходит к выводу о том, что «и язык и речь отражают мир, но по-разному. Язык относится к объектам с очень малой разрешающей способностью, язык отражает мир неточно, контурно, приблизительно, вне взаимосвязей, со многими лакунами, порой даже искаженно <...>. Напротив, речь обладает высокой разрешающей способностью, отражает мир довольно полно, адекватно, детально, во взаимосвязях, оперативно...» (там же, с. 57).

Думается, однако, что такое разграничение функций языковых знаков и знаков речи в «отражении мира» сводится в конечном итоге к разграничению понятий виртуального и актуального знака, денотативного и сигнификативного значения, а также значения и референции. Возникает, правда, сомнение в том, что речь, в отличие от языка, всегда отра-

жает мир адекватно. Вопрос об адекватности отражения мира должен, по-видимому, решаться прежде всего в применении к сознанию и мышлению. Искаженное отражение действительности может, разумеется, закрепиться в знаках языка, но тогда и использование этих знаков в речи будет служить выражению искаженной картины. В языке закрепляется, а в речи выражается лишь то, что отражено мышлением. Степень же полноты этого выражения в речи зависит в первую очередь от тех возможностей, которые заключены в языке, так как речь представляет собой практическое использование языка, или (что то же) язык, по определению самого В. Я. Мыркина, является строительным материалом для речи.

С другой стороны, если речь идет о том, что знаки языка в силу своей обобщенности не могут до приобретения речевой референции отражать (а точнее было бы сказать выражать отражение) отдельных фрагментов действительности во всей полноте их индивидуальных свойств, то это означает лишь невозможность «прямого», не опосредованного мышлением соединения слова и вещи. Поскольку же словом может быть названо только то, что отражено мышлением в форме понятия, слово в самой системе языка соотносится с действительностью, с реальным миром, но на более высоком уровне обобщения, чем это имеет место при употреблении того же слова в речи.

В любом случае, даже при том понимании связи между языком, мышлением и миром, которое обосновывает В. Я. Мыркин, принципиальный характер отношений между знаками языка и категориями мышления остается неизменным: функциональное назначение слов состоит в фиксировании понятий, функциональный статус слова обусловлен соотносительностью этого слова с определенным понятием.

Исходя из этого, при построении системы классов слов, призванной выявить и обобщить не только наиболее существенные свойства самих слов, но и существующие между ними отношения в системе языка, представляется целесообразным взять за основу функционально-семантические характеристики слов, которые, как было показано, определяются соотносительностью слов с логическими категориями. Именно обобщенные значения отдельных частей речи призваны отражать те основные формы человеческого мышления, которые делают возможным превращение опыта в знание и получение целостной содержательной интерпретации мира.

В какой-то степени сформулированный принцип получает свое отражение и при традиционном выделении частей речи. Так, А. Н. Савченко убедительно показывает, что «части речи формируются в соответствии с системой логических категорий», а «...грамматический строй языка, по крайней мере в самых общих чертах, обуславливается логической системой мышления» (Савченко, 1967, с. 228). Действительно, функционирование слова, его синтаксические характеристики находятся в непосредственной зависимости от соотносительности его семантики с какой-либо логической категорией. Способность слова к выражению того или иного синтаксического значения, т. е. его способность вступать в определенные отношения с другими словами в высказывании, находится в прямой зависимости от того, как соотносится выражаемое этим словом понятие с понятиями, выражаемыми другими словами. Не являются автономными от функционально-семантических и морфологические свойства слов. По справедливому замечанию В. Скалички, «нам неизвестны образования, которые «морфологически» были бы существительным, а «синтаксически» — глаголом и т. д.» (Скаличка, 1967, с. 125). Можно вспомнить также и знаменитое рассуждение Л. В. Шербы о том, является ли медведь существительным, потому что он склоняется, или он склоняется, потому что является существительным.

Иными словами, понятия, отождествляемые в пределах некоторой логической категории, выражаются в языке словами, отождествляемыми в пределах некоторой функционально-семантической категории. Все логические категории получают свое отражение (и выражение) в языке в определенных, так сказать, специализированных разрядах слов. Тождеству логическому соответствует тождество семантическое. Тождеству семантическому соответствует тождество функциональное.

Не следует, однако, представлять себе это как существование взаимно однозначного соответствия между единицами языка и мышления. Существующие между ними диалектические отношения исключают такую возможность, поскольку сами по себе мышление и язык не тождественны. Речь идет лишь об общих закономерностях отражения пространственно-временного континуума и о способах его членения мышлением и языком.

Связь категориальной семантики частей речи с категориями мышления настолько очевидна, что некоторые линг-

висты, определяя принципы выделения частей речи, заменяют формулировку первого из трех традиционных признаков и говорят не о «значении», а о «понятийном признаке» (см., например, *Общее языкознание*, 1983, с. 253).

Отмечая общность значений основных частей речи в разных языках, О. П. Суник делает вывод, что «универсальный характер интересующих нас значений, по которым установлены в основных своих чертах единые и общие разряды слов (части речи) в языках различных семей и типов, указывает на глубокую их связь с формами общечеловеческого мышления» (Суник, 1968, с. 47).

Общность категориальной семантики слов разных языков имеет двойное объяснение. Во-первых, как уже было сказано, она вытекает из наличия неких общечеловеческих форм мышления. Во-вторых, «семантическая общность языковых единиц... основана на отражательном характере значения и единстве предметного мира, окружающего людей разных языковых коллективов» (*Семантическая общность...*, 1986, с. 40).

Отмечая связь категориального значения частей речи с категориями мышления, А. А. Уфимцева пишет: «Основные части речи, составляющие основу характеризующих словесных знаков, являются базовыми не только потому, что они обуславливают наличие производных форм (причастия, деспричастия, отглагольные существительные, предлоги и т. п.), но и потому, что своей семантикой они покрывают две самые обширные мыслительные категории — субстанцию и признак, отображая и выражая тем самым основные сферы материальной, социальной и психической деятельности человека» (Уфимцева, 1986, с. 104).

По соотношению семантики с категориями субстанции и признака слова принято делить на «предметные» и «признаковые» (примером системы, построенной на таком делении, могут служить структурно-семантические классы, выделяемые А. Я. Баудером — 1982). Обосновывая это дихотомическое противопоставление, А. А. Уфимцева пишет: «Доминирующими в окружающей нас действительности являются две категории: 1) «предмет», вещь, под которую подпадает естественно все, что имеет субстанциональное бытие, в том числе человек; 2) категория «признак» имплицитно подразумевает понятие свойства, качества, отношения, состояния и т. п.

Следовательно, категории «предметность», «предмет» как в самой природе, так и в сознании человека и в его языке

противостоит более отвлеченная категория «признак»; обе формируют в составе называющих слов два крупных семиологических подкласса — предметных и признаковых имен» (Уфимцева, 1986, с. 102—103).

Говоря об обусловленности грамматического строя языка логической системой мышления, А. Н. Савченко выделяет два рода логических категорий. К категориям первого рода он относит такие, как «предмет», «качество», «движение», г. е. категории, отражающие различные свойства объективной действительности. К категориям же второго рода относятся «субстанция» и «признак», которые отражают отношения между понятиями и представлениями в мысли и обусловлены свойствами человеческого мышления, «поскольку любой элемент действительности может мыслиться как признак и как носитель признаков» (Савченко, 1967, с. 227). Таким образом, каждая часть речи соответствует двум различным логическим категориям. По мнению А. Н. Савченко, это обусловлено двойственной природой частей речи, которые, с одной стороны, различаются определенными типами лексических значений слов, а с другой — характеризуются своей синтаксической сочетаемостью и теми грамматическими категориями, посредством которых она осуществляется. «Лексические значения отражают объективную действительность, синтаксическая сочетаемость отражает отношения, в которые вступают соответствующие понятия в мысли. В части речи эти свойства обобщаются в двух различных логических категориях» (там же).

Двойственность частей речи, проявление которой А. Н. Савченко видит в соединении лексического значения слов с их синтаксической сочетаемостью, по-видимому, как раз и объясняется тем, что язык представляет собой вторичную систему отражения действительности. Если бы словесный знак непосредственно соотносился с каким-то фрагментом действительности, в словах находили бы отражение только свойства самой действительности, самого этого фрагмента. Но поскольку в языке выражается то, как этот фрагмент действительности отражается нашим сознанием и «обрабатывается» нашим мышлением, поскольку между словом и «вещью» стоит понятие, слова неизбежно приобретают соотношенность с логическими категориями. Более того, вторичность языка как средства отражения действительности приводит к тому, что одновременно с называнием слово обладает способностью классифицировать называемое, так как,

формируясь на основе понятий, слова отражают и классифицирующую деятельность мышления.

Таким образом, говоря о частях речи, следует исходить из понимания того, что их классификация может осуществляться лишь на основе очень высокой степени обобщения. При всем многообразии мира язык, являясь не непосредственным его отражением, а лишь отражением отражения мира сознанием человека, не только называет отдельные фрагменты отражения во всем их своеобразии, но и вслед за мышлением обобщает.

Лексические значения, отражающие объективную действительность, не могут лежать в основе выделения универсальных категорий частей речи, поскольку именно в этих значениях закрепляются различия, возникающие в способах членения действительности разными народами и даже одним и тем же народом на разных этапах истории. Будучи индивидуальными для каждого слова, лексические значения соотносятся с логическими категориями первого рода.

Однако именно на этом уровне, т. е. на уровне лексических значений, соответствующих, по терминологии А. П. Савченко, категориям первого рода, возникают известные всем противоречия между значением слова и характером соответствующего понятия: именной характер слова «бег», имеющего процессуальное значение, субстантивный характер слова «белизна», имеющего атрибутивное значение, и т. д. Возникает парадоксальная ситуация, при которой лексические значения этих слов вступают в противоречие с теми самыми категориями первого рода, которым они должны соответствовать: *бег* — это не предмет, так же, как и *белизна*.

Очевидно, этот парадокс вызван следующим. Подобного рода противоречия возникают только у тех слов, которые являются названиями понятий, возникших в результате абстрагирующей деятельности мышления. Если признак абстрагирован от его носителя, возникает понятие, которое получает название в языке. Но при этом у языкового знака есть лишь денотат, но нет референта, так как в действительности признак не существует в отрыве от своего носителя. Следовательно, для таких слов неправомерна триада «слово — понятие — вещь», они входят лишь в диаду «слово — понятие». Таким образом, лексическое значение этих слов, по сути дела, не может соотноситься с категориями первого рода, поскольку оно отражает продукт деятельности мышления.

Иначе обстоит дело при соотношении слов с категориями

второго рода. И *бег*, и *белизна* могут мыслиться как самостоятельные сущности, как носители признаков, т. е. как субстанция. Сами эти отвлеченные понятия (*бег* и *белизна*) возникли не в действительности, а в мысли. Поэтому лексическое значение слов в данном случае будет непосредственно соотноситься с категориями второго рода.

Существование указанных противоречий заставляет лингвистов искать выход из создавшегося положения в разных способах сочетания двух типов соотнесенности значений слов с логическими категориями. Так, П. В. Чесноков говорит о необходимости признания «двух различных критериев деления слов на классы согласно их отношению к единицам мышления определенных типов» (Чесноков, 1967, с. 143). В результате, по его мнению, должны получиться две перекрещивающиеся классификации слов, которые могут быть сведены в одну усложненную с использованием двух оснований.

А. Н. Савченко полагает, что в каждой из основных частей речи прослеживается соответствие категориям обоих родов, но при этом есть еще и части речи, соответствующие только какой-нибудь одной категории. Так, по его мнению, количественные числительные соотносятся только с категориями первого рода, выражая категорию количества, которая отражает объективную действительность. Местоимения же соотносятся только с категориями субстанции и признака (см. Савченко, 1967).

Однако такой подход к выделению классов слов сводится, по сути дела, к уже рассматривавшемуся использованию разномасштабных, разноуровневых критериев выделения частей речи, что, как было показано, с неизбежностью ведет к бессистемности полученных классов.

Если при определении категориального значения частей речи исходить из соответствия этого значения логическим категориям второго рода, противоречия между категориальными и лексическими значениями снимаются. Эти две универсальные категории — субстанция и признак, — отражающие законы человеческого (именно, общечеловеческого) мышления, лежат в основе формирования основных частей речи, объективно существующих в разных языках. Соотнесенность же слов с категориями первого рода, представляющими собой абстракцию менее высокого уровня, позволяет говорить о специфике системы частей речи в каждом отдельном языке.

Наличие двух категорий второго рода не означает, что в любом языке должно выделяться всего лишь два основных класса слов. Противопоставление понятии «субстанция» и «признак» означает лишь, что необходимо внести коррективы в традиционное противопоставление имени и глагола. В плане соотношения с логическими категориями можно говорить о противопоставлении слов, соответствующих категории субстанции, т. е. в первую очередь существительных, словам, соответствующим категории признака. При этом субстанция как самостоятельная сущность далее не подлежит членению, тогда как признаки могут делиться на признаки субстанции и признаки признаков. Признаки субстанции, в свою очередь, могут относиться к ней атрибутивно и предикативно (по герминологии А. Н. Савченко) или, что то же, могут соотноситься или не соотноситься со временем (по терминологии А. Е. Супруна).

Встав на путь чисто семантической классификации значений частей речи, А. Е. Супрун (1968) получает результат, на первый взгляд аналогичный результату А. Н. Савченко. С одной стороны, это представляется вполне естественным, поскольку семантика языковой единицы определяется прежде всего ее соотносительностью с логическими категориями, любое слово существует в языке для выражения какого-то фрагмента мысли, для обозначения какого-то фрагмента действительности в том виде, в каком он отражен нашим сознанием. С другой стороны, вполне очевидно, что семантика слова всегда осложнена некоторыми значениями другого уровня, скажем, значениями, соответствующими категориям первого рода, а также соответствием единицы какому-то определенному понятию, что должно непременно сказаться на результате классификации. Классификация частей речи на основе семантики значения классов, взятой в полном объеме, может привести к смешению уровней классификации и появлению в ней классов, выделяемых, как и в традиционной системе частей речи, на разных основах. Именно это и происходит в схеме, которую предлагает А. Е. Супрун. Деление значений слова на два класса в зависимости от того, понято ли это значение как признак или нет, возражений не вызывает. Действительно, противопоставление «признак — не признак» вполне соответствует разделению категорий второго рода. Деление признаков на «соотносящийся со временем» и «не соотносящийся со временем», по-видимому, тоже вполне адекватно отражает существующие во всех языках

мира два способа выражения признаков субстанции. А вот противопоставление «понято как число — не понято как число», встречающееся при классификации слов, не понятых как признаки, и параллельное ему противопоставление признаков, понятых как количество и не понятых как количество, свидетельствует о переходе на другой уровень классификации. Даже сами понятия «количество» и «число» представляют собой разные уровни абстракции. Тем более остается неясным, почему из всех разновидностей «признаков непризнаков» для выделения в самостоятельный класс выбраны именно количественные признаки. Вообще говоря, противопоставление качественных и количественных признаков могло бы быть вполне обоснованным, если бы, говоря о «количестве», исследователи действительно имели в виду все некачественные признаки. Но в действительности же под количеством обычно понимают лишь «счетность». Иначе чем же можно объяснить, что, скажем, признак размера остается «лостоянием» слов, которые не поняты как количество?

Думается, что всякая попытка продлить классификацию (если, конечно, речь идет об универсальной классификации, не учитывающей еще специфики отдельных языков) за пределы соответствия логическим категориям субстанции и признака в его трех разновидностях неизбежно приводит к нарушению основного принципа классификации.

Функциональная предназначенность основных типов слов определяется их соответствием четырем основным формам отражения действительности: субстанции, признаку субстанции предикативному (или связанному со временем), признаку субстанции непредикативному (или не связанному со временем) и признаку признака. В соответствии с этим и в языке основными, базовыми классами слов являются слова, называющие нечто как субстанцию (ядро этого класса составляют существительные), как атрибутивный признак субстанции (ядро составляют прилагательные), как предикативный признак субстанции (ядро — глаголы) и, наконец, как признак признака (ядро — наречия). Именно этим объясняется то обстоятельство, что существительные, прилагательные, глаголы и наречия выделяются в большинстве языков, в которых слово существует как самостоятельная номинативная единица. Выделение этих классов, как правило, не вызывает возражений при обсуждении системы частей речи, с каких бы позиций это обсуждение ни велось. В крайнем случае можно говорить о том, что в каких-то язы-

ках отсутствует один из перечисленных классов или о том, что нет четкой границы между словами, выражающими отдельные разновидности признака*. Но оставаясь на позициях признания соответствия основных классов слов логическим категориям одного и того же уровня, нельзя выделить никакие другие классы.

Вполне очевидно, однако, что такое универсальное выделение не более чем четырех классов слов, отражая общие закономерности функционирования языка как средства выражения мысли, не может отражать специфику строения словарной системы какого-либо конкретного языка. Построение системы частей речи каждого данного языка должно лишь опираться на существование этих основных классов, а затем нужно учитывать всю ту специфическую для этого языка совокупность отношений и связей между отдельными типами слов, о которой шла речь в предыдущем разделе.

О ПОСТРОЕНИИ СИСТЕМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Исходя из тех требований к системе частей речи, которые были сформулированы выше, и в частности — из необходимости учитывать обязательное присутствие в языке единиц промежуточного, переходного характера, нужно с самого начала допустить, что каждый из четырех основных классов будет включать в себя слова, не вполне однородные в отношении своих частнолингвистических характеристик. Среди множества причин, приводящих к этой неоднородности, главной является сложность внутренней структуры части речи, обусловленная тем, что «в современном состоянии отдельной части речи представлены разные этапы ее становления» (Гайсина, 1986, с. 49). Именно поэтому для построения системы принципиально важным оказывается не только перечень выделяемых классов и разрядов слов, но и порядок их расположения.

Для системы безразлично, в каком порядке следуют друг за другом классы слов и в каком порядке внутри каж-

---

* Известны, к примеру, разногласия по поводу выделения прилагательных и наречий в алтайских языках (см. Цинциус, 1968); многократно обсуждался лингвистами вопрос о близости способов выражения разных типов признаков в китайском языке (см. Шутова, 1968), в японском, вьетнамском, нивхском и др. (см., например, Панфилов, 1976).

дого класса располагаются разряды*. При этом требование упорядоченности приобретает особое значение в отношении тех разрядов, которые можно было бы назвать краевыми, так как именно они призваны выявлять характер соотношения соседних типов слов. Такие «пограничные» разряды должны демонстрировать функциональную близость классов, расположенных в системе рядом, и могут содержать слова, занимающие промежуточное положение между этими классами как по своим семантическим, так и по грамматическим характеристикам (см.: Петрова, 1981б).

Системы, построенные без учета этого требования, способны выявить главным образом различия между отдельными классами слов. Однако, как справедливо отмечает Р. Н. Инфантьева, «теперь, когда понятие языковой системы стало основополагающим в лингвистике, трактовка частей речи только как различающихся классов ... оказывается несовместимой с ней, так как система предполагает взаимосвязь ее составляющих, наличие у них общих признаков» (Инфантьева, 1981, с. 62).

Выявление общности между отдельными классами оказывается не менее важным для системы (если она должна отразить реальные отношения), чем указание на различия. Требование не абсолютизировать различия, а учитывать постепенное их накопление, обеспечивающее в конечном итоге переход к качественно новым единицам в системе языка, вытекает из самой связи функционально-семантических классов слов с логическими категориями, которые «...будучи отражением основных закономерностей объективной действительности, обнаруживают тесную взаимосвязь друг с другом, что является отражением взаимосвязи всех явлений объективной действительности» (Панфилов, 1982, с. 199). Сама по себе констатация различия (равно как и тождества) не дает полного научного знания, не дает представления об изучаемом объекте как о целом. Следовательно, система частей речи должна строиться таким образом, чтобы в ней с очевидностью прослеживались общность и различия между отдельными типами слов и выявлялись связи, существующие в системе между этими типами.

Обсуждая требования к описанию системы языковых

---

* Условимся в дальнейшем понимать слово «разряд» как обозначение группы слов, меньшей, чем класс. Будем считать, что классы слов могут подразделяться на разряды.

единиц, В. В. Мартынов пишет: «Воссоздать статичную систему языка, последовательно отвечающую его онтологии, невозможно, поскольку внутренняя структура единиц системы проявляется только в ее развитии. Поэтому само описание системы должно отражать динамику ее развития. Выполняя это условие, мы сразу достигаем двух целей: точности описания и полноты экспликации» (Мартынов, 1982, с. 10).

В применении к системе частей речи требование это является принципиальным, поскольку «система частей речи находится в постоянном развитии, и в разных языках этот процесс протекает со своими особенностями» (Общее языкознание, 1983, с. 254). В ходе исторического развития языка может меняться набор классов слов, в рамках одной и той же части речи могут существенным образом изменяться частнограмматические свойства слов. И все это должно найти отражение в самом способе описания системы частей речи.

Иными словами, при описании системы языка в целом или системы отдельных его единиц невозможно (и не нужно!) смешивать синхронный и диахронический аспект, но необходимо помнить, что всякое синхронное состояние системы есть результат ее диахронического развития. Именно за этот счет и возникают те единицы и тенденции, которые не укладываются в «жесткие» классификации. Поэтому упорядоченность классов и разрядов слов при описании системы частей речи должна быть такой, чтобы на ее основе прослеживалась динамика развития этой системы.

Итак, на какой же основе должно происходить выделение классов и разрядов слов? Ответ на этот вопрос зависит, как уже было показано, от того, как понимается природа, сущность выделяемых классов. Очевидно, для получения классификации, отражающей системные отношения классов слов в языке, необходимо учитывать функциональное назначение слов, которое, в свою очередь, обусловлено их семантической соотносительностью с логическими категориями.

Взаимозависимость категориального значения слов и их функционирования неоднократно отмечалась и обосновывалась лингвистами. Так, Э. Р. Атаян по этому поводу пишет: «Категориальное значение и сфера функционирования частей речи не только друг другу соответствуют, но и друг друга обуславливают, поскольку ... функция части речи вытекает из ее общего значения, а значение в свою очередь приобретает грамматическую значимость и определенным образом

ограничивается благодаря наличию некоторого круга употребления» (Атаян, 1970, с. 35). Сводя все многочисленные характеристики слов к двум фундаментальным — к характеру смыслового содержания (т. е. к типу их знакового значения) и к выполняемым ими функциям в той или другой сфере языковой деятельности, А. А. Уфимцева констатирует, что эти характеристики находятся во взаимозависимости: «тип знакового значения слов предопределяет сферу их функционирования, наоборот, назначение слов в структуре языка накладывает специфику на их семантику» (Уфимцева, 1986, с. 96).

Ни в коей мере не оспаривая двунаправленность влияния значения и функционирования знаков друг на друга, следует, однако, отметить явную их неравноправность в этом процессе: функционирование в целом определяется категориальным значением слова, а затем уже, в свою очередь, в какой-то мере влияет на это значение. В самом деле, синтаксическое функционирование слова прежде всего зависит от того, что это слово обозначает (на уровне категориального значения). Если называемый словом фрагмент действительности мыслится как субстанция, то и само слово будет функционировать таким образом, чтобы выразить отношения, в которые эта субстанция может вступать с признаками и другими субстанциями. Именно этим характеризуется способность существительных склоняться, принимать определения, выступать в функции подлежащего, дополнения и т. д. Если же слово выражает признак субстанции, связанный со временем, то и само оно должно быть связано с грамматической категорией времени.

Рассматривая различные аспекты соотношения значения, формы и функции слов, Р. М. Гайсина пишет со ссылкой на А. Н. Савченко, Б. А. Серебренникова, И. С. Торопцева и других лингвистов, что «синтаксические свойства слов вторичны, производны от их значений, что значения слов определяют характер их синтаксического функционирования» (Гайсина, 1986, с. 54).

Еще более очевидной становится взаимосвязь функционирования слова и его категориальной семантики, определяющейся соотносительностью с той или иной логической категорией, если исходить из уже обсуждавшегося широкого понимания функции. «Любой элемент языка, — пишет В. А. Аврорин, — выполняет свою особую функцию, в которой проявляется его сущность как особого компонента структу-

ры» (Аврорин, 1975, с. 33). Поскольку основные функции языка — это коммуникативная функция, а также функции формирования и выражения мысли, ответ на вопрос о том, чем обусловлено функционирование отдельных языковых единиц, следует искать в отношении языка как коммуникативного механизма к сознанию как инструменту познания и прогнозирования (см. Мельников, 1978). Говоря о разбиении уже сложившихся абстрактных и конкретных образов на особые классы, удобные для осуществления коммуникативной деятельности, Г. П. Мельников показывает, что каждый знак для того, чтобы быть хотя бы косвенным знаком любого образа определенного коммуникативного класса, должен находиться в непосредственной ассоциации с абстрактным образом элементов этого класса, т. е. с собственно мыслительными единицами, которые сами по себе являются единицами некоммунитивной деятельности.

Так или иначе все лингвистические свойства слова зависят от взаимодействия его категориальной семантики и функционирования, предопределяются его функционально-семантическим статусом. Следовательно, система частей речи должна прежде всего представлять собой систему функционально-семантических классов слов.

Для выделения указанных классов представляется удобным воспользоваться вопросительными коррелятами классов и разрядов слов, о которых шла речь при обсуждении проблемы вопросительных местоимений и вопросительных наречий. Теоретико-множественное обоснование такой методики выделения классов приводит Ю. И. Левин, который предлагает рассматривать местоимения как операторы, действующие на множество M объектов и выделяющие из него некоторым определенным способом то или иное подмножество или элемент. Ю. И. Левин обращает особое внимание на вопросительные местоимения, каждое из которых означает просьбу указать элемент (или подмножество) данного множества M , обладающий некоторым свойством P . Так, местоимение «кто?» — это просьба выделить некоторое подмножество множества людей, «какой?» — множества признаков или качеств и т. д. (см. Левин, 1973).

В самом деле, вопросительный коррелят задает и соотношенность слова с логическими категориями, и его функциональные параметры (см. с. 60—61 настоящей работы). Такие корреляты имеются у всех неглагольных частей речи, причем их количество зависит от количества семантических

разрядов, выделяемых внутри основных классов слов. На примере русского языка это будет выглядеть так: с помощью вопросительных коррелятов «кто?» и «что?» выделяются все слова, обозначающие субстанцию в ее двух видах (одушевленная и неодушевленная); корреляты «какой?», «чей?», «который?» позволяют выделить все слова, обозначающие признаки субстанции, не связанные со временем (непредикативные); «как?», «где?», «когда?», «куда?», «откуда?», «зачем?», «почему?» — слова, обозначающие признак признака. Среди неглагольных слов остается еще довольно неопределенный разряд, соответствующий корреляту «сколько?». Сюда входят слова, относимые традиционной грамматикой к разным частям речи: «много», «мало», «несколько» (их относят и к «неопределенным числительным», и к наречиям меры и степени), «вдоволь» (наречие меры и степени), «часть», «половина», «треть» (существительные), «три», «семь», «сто» (числительные) и т. д. Объединяет этот класс значение количества, представленного как независимая субстанция, т. е. количества, не являющегося признаком. Следовательно, при самом первом, приблизительном распределении слов по классам все эти слова должны попасть в один ряд с существительными.

До сих пор речь шла о наличии коррелятов лишь у неглагольных классов и разрядов слов. Однако это не вполне корректно, поскольку в разряд «какой?» вместе с прилагательными с очевидностью входят и причастия. Страдательные причастия полностью соответствуют этому разряду. Для действительных же вопросов нужно было бы переформулировать в «что делающий?». С одной стороны, это показывает отсутствие резкой противопоставленности глагола неглагольным словам в системе (что вполне соответствует высказанному выше предположению о градуальности переходов в системе языка), а с другой — заставляет обратиться к проблеме существования коррелятов в глагольной части системы.

Прежде всего возникает вопрос: должен ли коррелят обязательно быть однословным? Вообще говоря, в ряде языков существует понятие глагольного замещения и глаголов-заместителей (например, английское *do*). В определенной степени это свойственно и русскому языку («делать»). Однако вопрос, традиционно используемый для выделения глагольных слов, состоит из двух компонентов — «что делать?», где «что» само по себе глагольной семантики не выражает, но служит для выявления определенных функциональных и

семантических характеристик компонента «делать». Нельзя ли в этом случае говорить о наличии составного коррелята?

Составные корреляты существуют в некоторых языках даже у таких чисто именных слов, как слова количественные (если в немецком *wieviel?* формально является одним словом, то английское *how much?* даже по формальным показателям состоит из двух слов). Имеются составные корреляты у некоторых разрядов слов, обозначающих признак признака: в русском языке: «как часто?» — «всегда», «иногда», «изредка», «ежедневно» и т. д.; в английском *how often?* — *always often, seldom, daily* и т. д., *where to?* — *here, there, home, abroad* и т. д.

Признание возможности существования составного коррелята будет правомерным до тех пор, пока этот коррелят служит выделению определенного функционально-семантического разряда (или подмножества) слов, а не словосочетаний и не синтаксических позиций, т. е. пока речь идет о вопросительном корреляте группы слов в системе языка, а не о вопросе к какому-либо слову или группе слов в составе предложения. Иными словами, однословный коррелят так же, как и однословный, должен служить выделению исходных форм отдельных слов, обладающих соответствующими функционально-семантическими характеристиками. Так, в английском языке вопрос *where to?* можно рассматривать в качестве коррелята функционально-семантического разряда слов (отмечая при этом частичную омонимию разрядов, выделяемых с помощью *where to?* и *where?*), тогда как противопоставленный ему по дейктическому признаку вопрос *where from?* никакой группы слов не выделяет и может быть задан только к определенному члену предложения. В русском же языке и «куда?», и «откуда?» являются коррелятами двух разных разрядов слов: «туда», «вдаль», «домой» и «оттуда», «издалека», «отовсюду».

Разумеется, пользуясь вопросами, можно было бы выявить различные средства, с помощью которых в языке может быть выражено то или иное значение. На один и тот же вопрос могут отвечать и слова в исходной форме, и фразеологизмы, и предложные конструкции (например, «как?» — «хорошо», «так себе», «на троечку»). Однако для выделения функционально-семантических классов и разрядов слов (т. е. частей речи) необходимо учитывать только исходные формы слов и использовать только те вопросы, которые являются коррелятами таких слов.

Итак, признание возможности существования составных коррелятов определенных классов слов позволяет говорить о наличии вопросительных коррелятов с обобщенной семантикой у всех слов, включая глаголы.

В этом отношении интересно вспомнить замечание В. В. Виноградова, сделанное им при обсуждении вопроса о местоимениях: «Профессор А. И. Зарецкий находит в русском языке и «суррогат глагольного местоимения», описательное глагольное местоимение *что делать?* Что это выражение, действительно, представляет одно целое местоимение, видно из того, что в ответ на этот вопрос слово *делать* не повторяется и не подразумевается, например: *Что ты делаешь? — Читаю, а не делаю чтение или делаю читать...*» (Виноградов, 1947, с. 326).

Таким образом, составной коррелят «что делать?» помогает выделить последний класс слов — слова, выражающие предикативные признаки субстанции, т. е. глаголы.

Следующий этап построения системы состоит в определении порядка следования выделяемых классов и разрядов.

Разряды «что?» и «кто?» вполне естественно объединяются в класс субстантивных слов, куда, помимо существительных, составляющих его основу, войдут также и субстантивные местоимения. При этом небезразлично, в каком порядке расположить внутри класса два составляющих его разряда, поскольку необходимо, чтобы слова с коррелятом «кто?» оказались там, где к этому классу примыкает класс адъективных слов, т. е. слов с категориальным значением непредикативного признака субстанции. Этот класс, в свою очередь, должен начинаться разрядом «чей?». Стоящие рядом разряды «кто?» и «чей?» выявляют не только генетическую близость слов с предметным и призначным значением (для русского, да и для всех индоевропейских языков эта близость не нуждается в доказательстве), но и их семантико-синтаксическую близость в синхронном плане (ср. выражение притяжательности с помощью падежных форм существительных, с помощью притяжательных местоимений, включаемых в ряде языков в парадигму субстантивного личного местоимения, и, наконец, с помощью притяжательных прилагательных).

За разрядом «чей?» во втором классе будет следовать «который?». В него, помимо прилагательных, войдут также адъективные местоимения и порядковые числительные. При этом еще раз обнаруживается несостоятельность выделения

порядковых числительных в особыи разряд, поскольку они совпадают с прилагательными по всем релевантным характеристикам: они, как и прилагательные, соответствуют логической категории атрибутивного признака субстанции, характеризуются теми же, что и прилагательные, синтаксическими функциями и морфологическими категориями.

Следующим разрядом в этом же классе будет «какой?». В него, как уже отмечалось, войдут прилагательные, адъективные местоимения и страдательные причастия. Действительные причастия обеспечивают переход к глагольным словам, поскольку «читающий» — это в равной мере «какой?» и «что делающий?».

За разрядом «что делающий?» вполне естественно следует «что делать?», т. е. класс глаголов, означающих предикативный признак субстанции. Он, в свою очередь, связан с последним, четвертым классом через разряд деепричастий, который по самой своей категориальной сущности оказывается промежуточным между глагольным и адverbиальным классами. При этом сразу за глаголом будут следовать деепричастия совершенного вида, у которых значение признака признака, наслаивающееся на значение предикативного признака субстанции, еще недостаточно семантически дифференцировано: «узнав об этом» — это и «когда он узнал», и «так как он узнал». Здесь еще доминирует значение совершенного действия. У деепричастий несовершенного вида значение признака признака выражено гораздо более сильно и определенно — ведь «что делаая?» (например, «пританцовывая») — это одновременно и «как?». Следовательно, класс адverbиальных слов, т. е. слов, означающих признак признака, должен начинаться с разряда «как?». Вполне очевиден и последний разряд этого класса. Им должны стать слова, отвечающие на вопрос «сколько?». Этот разряд находится на границе между классами, имеющими значение «признак признака» и «субстанция». Со стороны наречий в него войдут наречия меры и степени, со стороны существительных — слова типа «половина», «часть», «треть». Между ними расположатся количественные числительные, составляющие ядро разряда «сколько?».

Итак, получается замкнутая система частей речи (рис. 1), выявляющая не только имеющиеся в языке разряды слов, но и существующие между ними отношения.

Разумеется, необходимость представления системы функциональных классов слов в виде плоскостного изображения

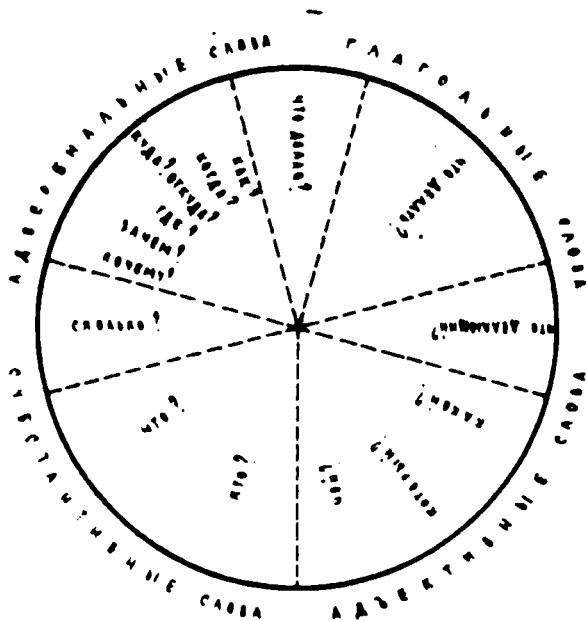

Рис. 1

приводит к некоторой неизбежной схематизации. Сферическая модель могла бы дать более полное представление об «архитектонике» словарной системы языка, однако и плоскостная модель в целом позволяет отразить наиболее существенные черты системы.

В какой-то мере характер отношений в этой системе подобен отношениям между цветами в спектре. Как оранжевый цвет представляет собой соединение красного и желтого (а точнее, участок перехода от красной части спектра к желтой), так и причастия обладают свойствами и прилагательных, и глаголов, т. е. обеспечивают переход от класса непредикативных признаков к классу предикативных. Точно так же деепричастия аналогичны зеленому цвету (переходному между желтым и синим или голубым), поскольку они обладают характеристиками и глагольными, и наречными. И если фиолетовый цвет возвращает нас к началу спектра, демонстрируя свойства синего и красного, то количественные слова возвращают нас к началу системы, обнаруживая свойства наречные и субстантивные.

Причем, как легко заметить, переходный характер некоторых разрядов обнаруживается отнюдь не только в сфере семантики. Так, причастия склоняются, как прилагательные, но имеют категории времени и залога, как глаголы. Де-причастия характеризуются формой вида, но лишь различаются этими формами, будучи, как и наречия, неизменяемыми.

Говоря о функциональной общности разных разрядов и классов слов, нужно сделать следующее замечание. Необходимо строго разграничивать слово как единицу системы (т. е. единицу языка) и различные словоупотребления, т. е. использование слов для выражения различных синтаксических значений. Обсуждающаяся общность категориальной семантики разных разрядов касается именно системных значений, т. е. соответствия слова как единицы языка той или иной категории мышления. Поэтому в данном случае не может и не должно учитываться то обстоятельство, что, скажем, наречия места выполняют в предложении ту же функцию, что и существительные или именные группы со значением местонахождения (например, «далеко от Москвы» и «в тридцати километрах от Москвы»), наречия времени могут функционировать аналогично существительным и именным группам со значением времени («скоро» и «через час») и т. д. Известно, что слова одной и той же части речи выступают в предложениях в виде (или в составе) разных членов предложения. Бесспорно, что синтаксическое функционирование слова определяется в целом его категориальной семантикой. Но при этом оно может осложняться еще рядом чисто лингвистических факторов, в результате чего возникает положение, когда, используя определение И. П. Распопова, можно говорить об отсутствии «строго однозначного соответствия между характером связей, функционально-синтаксическим значением членов предложения и их местом в иерархии отношений, выраженных предложениями» (Распопов, 1973, с. 73). Какие-то определенные синтаксические функции обычно считаются для данной части речи типичными, т. е. наиболее полно выражающими ее основное, категориальное значение. Остальные же становятся возможными в результате взаимодействия нескольких слов или в случае акциденций.

Вообще говоря, само по себе разграничение понятий «язык» и «речь» предполагает определенные расхождения между парадигматикой и синтагматикой. На необходимость учитывать различия между системными и синтагматически-

ми свойствами единиц указывают лингвисты, исследующие самые разные аспекты функционирования языковых единиц. С одной стороны, в целом речевое поведение слов предопределяется свойствами, существующими у них в системе, и «в конструкции любая часть речи реализует только одну из своих потенций и выступает только в одной из синтаксических позиций» (Смольянинова, 1980, с. 146). С другой стороны, как уже отмечалось выше, употребление, функционирование единиц может в какой-то мере оказывать обратное влияние на их системные свойства. «Изменения, происходящие в синтагматическом плане, могут приводить к изменениям в парадигматическом плане, т. е. к порождению новых единиц уровней фигур и знаков» (Мартынов, 1982, с. 11).

Известно, что изменения — и прежде всего расширение или сужение сферы функционирования единиц — сначала происходят в речи и лишь потом, пройдя «проверку на жизнённость», закрепляются в системе языка. Именно поэтому возникает необходимость разграничивать номинативные и синтагматические свойства языковых единиц (см. Милославский, 1975). Именно поэтому Э. Бенвенист пишет о необходимости «проводить различие между языком как совокупностью знаков и системой их комбинаций, с одной стороны, и, с другой стороны, языком как деятельностью, проявляющейся в единовременных актах речи, которые характеризуются как таковые особыми показателями» (Бенвенист, 1974, с. 291).

Однако в результате появления у слова новых свойств в речи, в результате приобретения им вторичных синтаксических функций, как правило, не происходит изменения функционально-семантического статуса этого слова. Меняется лишь набор частных лингвистических характеристик в рамках, очерченных его функционально-семантической сущностью.

Таким образом, функциональный аспект изучения языка не совпадает с изучением функционирования единиц в речи. При создании функционально-семантической системы учитывается функциональная «предназначенность» слов в языке, определяющаяся категориальной семантикой класса, которая, в свою очередь, обусловлена соответствием той или иной логической категории.

Рассматривая полученные классы и разряды слов, следует особо остановиться на структуре класса наречий. Выше были оговорены лишь первый и последний разряды это-

го класса. Дело в том, что наречия отличаются наибольшим разнообразием семантических разрядов, что, в свою очередь, находит проявление в наибольшем числе коррелятов. Однако лишь два разряда — «как?» и «сколько?» — обпаруживают категориальные и частнограмматические свойства, объединяющие их с другими классами. Остальные же разряды, находящиеся внутри класса, не обладают никакими характеристиками, предполагающими определенный порядок расположения этих разрядов. Возможно, что в результате специальных исследований такие характеристики будут выявлены и класс наречий будет полностью упорядочен. Пока же, на данном этапе построения системы, вполне достаточно упорядоченности краевых, граничных разрядов класса.

Специального обсуждения заслуживает статус кратких прилагательных и причастий. С одной стороны, возможность задать к ним вопрос («каков?» — «хорош», «умен» и т. д.) заставляет предположить, что они должны выделиться в отдельный функционально-семантический разряд. С другой стороны, весьма сомнительной представляется самостоятельность этих форм в системе. Краткие прилагательные и причастия характеризуются крайней функциональной ограниченностью, способностью замещать только одну позицию в составе предложения. Правда, само по себе это еще не означает, что такие узко специализированные в синтаксическом отношении слова не могут быть самостоятельными формами. Синтаксическая функция личных форм глагола также сводится лишь к замещению одной позиции — сказуемого. Однако это именно и составляет специфику глаголов, так как ни один другой класс слов не способен к выполнению этой функции. В случае же с краткими прилагательными и причастиями дело обстоит иначе: здесь речь идет об ограничении сферы употребления кратких форм по сравнению с полными. Таким образом, вопрос «каков?» следует, вероятно, рассматривать как вопрос к определенной синтаксической позиции, к определенной словоформе, а не к исходной форме слова. В таком случае «каков?» не является вопросительным коррелятом функционально-семантического класса, как не является им, скажем, вопрос «чем?».

Итак, краткие прилагательные и причастия в системе частей речи (т. е. в парадигматическом аспекте) не составляют особого разряда и включаются в качестве форм (акциденций) в класс слов со значением непредикативного признака субстанции.

Что касается традиционно выделяемого класса числительных, подразделяемого на два разряда — порядковые и количественные, то функционально-семантический подход полностью подтверждает справедливость многократно высказывавшихся сомнений относительно правомерности объединения в одном классе столь разнородных слов. Соотнесенность порядковых числительных с категорией неперекладываемого признака субстантивной столь же очевидна, сколь и отсутствие такой соотнесенности у количественных числительных. Вполне естественно, что разная понятийная отнесенность приводит к различиям в их функционировании, в их синтаксических и морфологических характеристиках.

Не выделяются в особый класс и такие «спорные» типы слов, как слова категории состояния и модальные слова. По своим функционально-семантическим свойствам они явно относятся к классу слов со значением признака признака. Их общность с наречиями, хорошо известные трудности разграничения каждого из этих типов слов с наречиями вызваны именно тем, что по своей соотнесенности с логической категорией «признак признака» они составляют единый класс. Это не означает, разумеется, что предложенная система отрицает возможность выделения модальных слов или слов категории состояния в современном русском языке. По-видимому, и те, и другие могут выделяться в разряд внутри класса слов со значением «признак признака». Однако, как уже было сказано, структура этого класса пока еще представляется не до конца ясной и определение положения указанных разрядов внутри класса требует дополнительных исследований.

В отношении класса глаголов также возникает один весьма принципиальный вопрос, а именно, насколько правомерно считать представителем всего класса инфинитив, являющийся в большинстве языков самостоятельной грамматической формой. В грамматической традиции сложилось парадоксальное положение, когда исходной формой слов, сущность которых определяется категориями времени и лица, является форма, лишенная именно этих двух категорий. Вероятно, объяснить это можно тем, что соотнесенность с временем заложена в самой семантике глагола (и в первую очередь в его категориальной семантике, выраженной инфинитивом), и поэтому морфологическая выраженность или невыраженность времени не влияет на восприятие инфинитива и личных форм как единиц одного класса. Что же касается кате-

горни лица, то она, как известно, не всегда эксплицитно выражена даже в личных формах (ср., например, формы прошедшего времени в русском языке, все формы настоящего и прошедшего времени, кроме 3-го лица единственного числа настоящего времени, в английском языке и др.). Таким образом, невыраженность категории лица у инфинитива также не может служить основой для противопоставления его личным формам.

Во всяком случае в отличие от причастий, деепричастий, герунзия и других неличных форм инфинитив, по всей видимости, не должен занимать в системе самостоятельного места вне глагола как такового. Он действительно может считаться «чистым» носителем глагольного значения, а способность инфинитива к употреблению, близкому к именному, должна рассматриваться как проявление упоминавшихся выше акциденций. Поэтому вполне правомерно использование инфинитива в качестве представителя собственно глагола в системе функционально-семантических классов, основанной на категориальной семантике и функциональной признаваемости, которая этой семантикой определяется. Вообще говоря, функционально-семантическая категория — понятие более широкое, чем морфологическая категория. Однако при всех различиях между ними в плане выражения эти категории характеризуются определенной общностью в плане содержания (см. Бонгарко, 1971), что в данном случае является определяющим.

И еще одно замечание, касающееся количественных слов. Так же, как и другие «переходные» разряды, они наряду со свойствами, общими с другими разрядами, обладают собственными, специфичными для них одних характеристиками. Так, не только количественные числительные, но и все количественные слова характеризуются способностью вступать с существительными в синтаксические связи, свойственные только этому разряду («много книг», «пять книг», «часть книг»), что лишний раз подтверждает правомерность объединения этих слов в одном разряде на основе взаимодействия их семантических и грамматических особенностей. Переходный же характер этого разряда подтверждается тем, что имеются количественные слова, обладающие как указательной специфической сочетаемостью, так и — в дополнение к ней — сочетаемостью, характерной для всех существительных (ср. «группа студентов» и «академическая группа»).

Приведенный для русского языка пример системы функ-

ционально-семантических классов демонстрирует общие принципы построения такой системы. Разумеется, аналогичная система, построенная для другого языка, будет в какой-то мере отличаться и набором, и расположением разрядов. Например, в английском языке причастие, по-видимому, будет расположено между прилагательными и наречиями, что соответствует его функционально-семантическим свойствам. Те причастия, которые функционируют самостоятельно, т. е. не в составе аналитических личных форм (а только они и могут составлять отдельный разряд в системе), достаточно слабо связаны с глаголом. Собственно говоря, связь эта главным образом генетическая. Функционально же они имеют общие черты как с русскими причастиями, так и с русскими деепричастиями, чем и обусловлено их положение в системе между прилагательными и наречиями. В то же время между существительным и глаголом в английском языке находится герундий, имеющий несомненную функционально-семантическую общность с обоими этими классами. Далее, если в русском языке группа слов категории состояния формируется на базе слов со значением признака признака, то в английском языке эти слова войдут в класс со значением непредикативного признака субстанции, причем в отношении правомерности выделения их в самостоятельный разряд внутри этого класса существуют сомнения, аналогичные тем, которые высказывались в отношении кратких прилагательных и причастий русского языка. Однако особая словообразовательная модель, характеризующая некоторую (весьма немногочисленную) группу этих слов в современном английском языке, придает этим словам большую самостоятельность, чем та, которой характеризуются краткие прилагательные по отношению к полным или слова категории состояния по отношению к наречиям в русском языке. Таким образом, универсальность предложенной принципиальной модели ни в коей мере не приводит к стиранию своеобразия реально существующих типов слов и отношений между ними в разных языках.

По-разному может выглядеть система функционально-семантических классов слов и в одном и том же языке на разных этапах его развития. Внутри классов может происходить перераспределение разрядов, выделение новых и исчезновение старых. Развитие или утрата тех или иных грамматических категорий, изменение значения каких-то групп слов под воздействием обратного влияния функцио-

пирования на значение могут приводить к дивергенции или конвергенции функционально семантических свойств слов в пределах класса. Поэтому, оставаясь моделью синхронного состояния языка, система предполагает отражение существующих в каждый данный момент тенденций развития.

Короче говоря, для каждого языка на каждом этапе его развития система будет выглядеть по-своему. Неизменным останется лишь наличие не более четырех основных классов, соединенных переходными разрядами, обладающими смешанными функционально-семантическими характеристиками двух соседних классов.

Порядок расположения классов в системе одновременно отражает связи между функционально-семантическими типами слов в процессе так называемого перехода одной части речи в другую, когда у слова постепенно формируется новый набор грамматических категории. Такие переходы главным образом происходят между соседними классами и разрядами. Так, между расположенными рядом классами субстантивных и адъективных слов возможны процессы субстантивации прилагательных и причастий и адъективации существительных. Между классами субстантивных слов и слов со значением «признак признака» также возможны переходы (субстантивация наречий и числительных и адвербиализация существительных). Причем весьма существенно, что эти процессы происходят постепенно, в них выделяются отдельные стадии (ср., например, употребление английских субстантивированных прилагательных только с определенным артиклем в качестве собирательных существительных на первой стадии субстантивации *the rich, the poor* и постепенное развитие у них категории исчисляемости, приводящее к способности употребляться с неопределенным артиклем при полной субстантивации). «Переход» же слов из одного разряда в другой в случае, если эти разряды в системе расположены не рядом, маловероятен. Так, скажем, в случае безаффиксного образования (т. е. семантической деривации) существительных от глаголов и глаголов от существительных не происходит постепенного накопления словом тех или иных грамматических свойств. В этом случае речь идет уже не о постепенном «перерождении» слова, а о словообразовании, при котором сразу же создается новое слово, обладающее принципиально иным набором категорий. В то же время английский герундий, обладающий несомненными глагольными чертами, но расположенный рядом с существительным

(т. е. имеющий общие с ним свойства), может постепенно утрачивать глагольные черты, полностью превращаясь в существительное.

Таким образом, предложенная упорядоченность классов и разрядов слов позволяет отразить многообразные синхронные и диахронические связи, существующие в словарной системе языка. Систематизация единиц, проведенная на основе их функционально-семантических свойств, повлекла за собой выявление системных отношений между целым рядом других признаков.

Однако упорядоченность слов в системе должна быть проведена не только в смысле порядка следования разрядов. Упорядочению подлежит и расположение слов внутри каждого разряда в направлении от центра к периферии. Характеру этого упорядочения посвящен последний раздел работы.

О ПОЛОЖЕНИИ МЕСТОИМЕНИИ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ

Выше уже отмечалось, что при функционально-семантическом подходе к классификации в одном разряде могут оказаться слова, традиционно относимые к разным частям речи. Так, наряду с существительными в класс субстантивных слов в русском языке войдут субстантивные местоимения; к числу адъективных слов (т. е. слов, обозначающих непредикативный признак субстанции) будут относиться и прилагательные, и порядковые числительные, и причастия, и адъективные местоимения; класс со значением «признак признака» будет включать и наречия, и так называемые местоименные наречия (т. е. адвербиальные местоимения), и ряд других слов.

Поскольку классы и разряды слов выделялись с помощью вопросительных коррелятов (т. е. прежде всего вопросительных местоимений), вполне очевидно, что в каждом неглагольном разряде, имеющем однословный вопросительный коррелят, окажется хотя бы одно местоимение. Более того, система местоименных коррелятов не ограничивается вопросительными словами. Каждому разряду будут соответствовать по крайней мере три типа местоименных коррелятов: вопросительный («кто?», «какой?», «как?», «сколько?» и т. д.), относительный («кто», «какой», «как», «сколько» и т. д.) и отрицательный («никто», «никакой», «никак», «ни сколько» и т. д.).

Как уже было сказано, в состав каждого разряда входят слова, в исходной форме представляющие собой ответ на вопрос, содержащийся в вопросительном корреляте. Если вопросительный коррелят «задает» характер категориального значения слов данного разряда, то среди слов, отвечающих на этот вопрос, обращают на себя внимание те, семантика которых практически сводится к выражению категориального значения: «кто?» — «кто-то», «какой?» — «такой», «как?» — «так», «сколько?» — «столько» и т. д. Семантическая структура этих слов не осложнена конкретизирующими семами, значение их является предельно обобщенным. В какой-то мере, весьма условно, их можно было бы назвать «утвердительными» коррелятами разрядов.

Однако если количество вопросительных, относительных и отрицательных коррелятов строго ограничено (по одному на разряд, отрицательных иногда — по два), то с «утвердительными коррелятами» дело обстоит иначе. Они представляют собой лишь крайнее звено в цепи слов, дающих ответ на вопрос, служащий для выделения данного разряда. Начиная с них, все слова можно расположить таким образом, что будет наблюдаться постепенное уменьшение обобщенности значения, постепенное осложнение семантической структуры слов, ведущее к постепенной конкретизации значения.

Поскольку, как было показано при анализе семиологических характеристик местоимений, в языке не существует никакой границы, отделяющей абстрактные слова от конкретных, дейктические от недейктических и т. д., а наблюдается лишь постепенный переход от слов с наибольшей выраженностью тех или иных признаков, к словам, в которых они выражены минимально или у которых они вообще отсутствуют, возникает возможность упорядочить слова внутри каждого разряда таким образом, чтобы их расположение отражало отношения, реально существующие в системе языка.

Возможность такого упорядочения относится не только к разрядам, у которых есть однословный вопросительный коррелят. Даже в классе глаголов есть слова, выражающие фактически лишь категориальное значение этого класса (как, например, английское *do*) или, во всяком случае, весьма обобщенное значение действия (как русское «делать»). И переход от этих слов к глаголам, характеризующимся сложной семантической структурой, называемым конкретные предикативные признаки субстанции (скажем, «выползать» или «приколачивать», где одновременно содержится

даже указание на способ совершения действия), также происходит постепенно.

Как видно из рис. 1, полученная замкнутая система функционально-семантических классов имеет форму круга. Для того чтобы упорядочить слова внутри разрядов, необходимо расположить их таким образом, чтобы по направлению от центра к окружности возрастала или убывала степень выраженности того или иного признака. Если в каждом секторе, соответствующем определенному классу или разряду, возле центра расположить все корреляты (т. е. слова, в наиболее «чистом» виде представляющие категориальную семантику этого разряда), а затем, по мере продвижения от центра к окружности, помещать слова со все более сложной семантической структурой, то одновременно произойдет упорядочение слов еще по ряду признаков.

В этом случае вокруг центра сгруппируются слова, в семантической структуре которых роль дейктического компонента оказывается наиболее значительной, тогда как у окружности расположатся слова, вообще лишённые дейктичности. Обобщенность характера значения слов, расположенных в центре, приводит к тому, что, будучи «эластичными», они практически не подвергаются контекстуальным изменениям значения. По этой же причине у них затруднено появление переносных значений и, следовательно, развитие многозначности. Поскольку слова типа «он», «каждый», «сколько-то», «где-то» и т. д. обозначают лишь в самом общем виде тот или иной вид субстанции или признака, они не дают основы для переноса наименования, они не подвержены контекстуальным изменениям: «каждый» сохраняет свое постоянное системное значение вне зависимости от того, идет ли речь о каждом дне, каждом человеке или каждом слове.

Напротив, слова, расположенные у окружности, в силу конкретности, определенной «привязанности» своего значения к некоторому кругу предметов или признаков, позволяют осуществлять перенос наименования (по сходству, по смежности, по функции и т. д., поскольку они всегда обозначают качественно определенные предметы, явления, свойства). В результате этого у них возможно развитие многозначности и, следовательно, дальнейшее осложнение семантической структуры.

Между этими полюсами слова располагаются таким образом, что нарастание или убывание того или иного признака происходит постепенно, без резких переходов.

При обсуждении правомерности переноса требования системности с уровня объектов на уровень признаков уже говорилось о том, что обязательным условием систематизации объектов является отбор системно связанных признаков. Тот факт, что упорядочение слов внутри разряда по одному признаку привело к упорядочению их по ряду других, свидетельствует как о системной связанности названных признаков, так и о том, что предложенная систематизация слов отражает существующие между ними связи в самой системе языка.

Таким образом, вокруг центра в системе оказались сгруппированными слова, обладающие наибольшей обобщенностью значения, характеризующиеся наибольшим удельным весом деиктического компонента в семантической структуре, контекстуальной устойчивостью значения и — в целом — многозначностью, т. е. слова, которые можно назвать местоимениями в широком смысле этого слова. Каждый разряд начинается местоименными словами, которые «задают» его функционально-семантические параметры (ср. рассмотрение местоимени в качестве операторов, выделяющих определенное подмножество слов, у Ю. И. Левина (1973) и в качестве начальных, наименее селективных классов при выделении частей речи в модели, предложенной И. И. Ревзиным (1973), где местоимения также «задают» параметры части речи)

Внутри каждого сектора (а значит, и в системе в целом) переход от местоименных слов к словам неместоименным происходит постепенно. При движении от центра к окружности постепенно будет убывать степень дейктичности слов, степень абстрактности их значения, его относительность. Постепенно будет осложняться семантическая структура слов и возрастать конкретность значения. И наоборот: в направлении от окружности к центру семантическая структура постепенно становится проще (доходя в ряде случаев до чисто категориального значения), значение становится все более и более общим, возрастает его контекстуальная независимость и на первый план все больше выходит дейктический компонент.

Если густой штриховкой обозначить максимально четко выраженные «местоименные» свойства, а постепенным разрежением штриховки — постепенное ослабление этих свойств, то графически эти отношения можно показать так, как это сделано на рис. 2.

Итак, упорядочение слов в системе, проведенное по

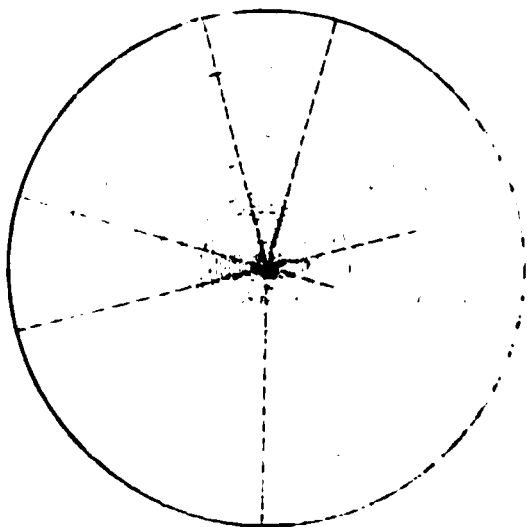

Рис. 2.

двум направлениям (по ходу часовой стрелки и по направлению от центра к окружности), позволяет определить положение местоимений в словарной системе языка.

По своему категориальному значению и грамматическим свойствам каждое местоимение оказывается объединенным в одном функционально-семантическом разряде с остальными словами, обладающими аналогичными характеристиками: субстантивные местоимения входят в класс субстантивных слов, адъективные местоимения — в класс адъективных, адverbиальные — в класс адverbиальных. В тех языках, где имеются глагольные слова с предельно обобщенной семантикой, они займут соответствующее место в классе глаголов.

Несмотря на существующую традицию выделения местоимений в самостоятельный класс, большинство лингвистов признает общность субстантивных местоимений с существительными, адъективных — с прилагательными и адverbиальных с наречиями на уровне морфологических и синтаксических характеристик. Таким образом, включение местоимений в различные функционально-семантические разряды в предложенной системе по существу не противоречит тради-

ционному представлению о грамматических свойствах местоимений.

Разумеется, у отдельных групп местоименных слов в разных языках существуют некоторые особенности, отличающие их от соответствующих основных классов слов того же языка (к примеру, обсуждавшиеся уже расхождения в надежной системе личных местоимений и существительных в ряде языков). Однако эти расхождения, как правило, не касаются набора категорий, а затрагивают лишь реализацию одних и тех же категорий в разных категориальных формах. Таким образом, грамматические отличия местоимений от неместоименных слов оказываются не более значительными, чем различия между разными подклассами самих существительных, прилагательных или глаголов. В самом деле, каждая из так называемых основных частей речи далеко не всегда однородна по своим морфологическим и синтаксическим свойствам. Достаточно вспомнить существование трех типов склонения существительных в русском языке и наличие в нем же несклоняемых существительных; деление прилагательных на качественные и относительные, первые из которых характеризуются категорией степеней сравнения, отсутствующей у вторых, и т. д. Поэтому наличие у некоторых местоимений особых категориальных форм тех или иных категорий, общих с другими субстантивными, адъективными или адverbиальными словами, не мешает включению каждого из функционально-семантических типов местоимений в один класс с остальными словами, обладающими аналогичными функционально-семантическими свойствами.

Несколько особое положение в этом отношении занимают личные местоимения, имеющие категорию лица. Обычно даже те лингвисты, которые считают, что местоимения не составляют отдельной части речи и должны быть распределены между разными классами слов, делают исключение для личных местоимений, поскольку последние обладают категорией лица, не присущей никакой другой группе именных слов. Однако грамматический характер значения лица у местоимений представляется далеко не бесспорным.

Вероятно, лишь влиянием традиции можно объяснить то обстоятельство, что даже лингвисты, отрицающие грамматический характер значения числа у личных местоимений, продолжают признавать у них грамматическую категорию лица. В самом деле, трудно не согласиться с тем, что «мы» — это не «я» плюс «я» и плюс «я» и т. д. Значительно более логич-

ным представляется рассмотрение единиц «я» и «мы» не как двух грамматических форм одного слова, а как разных лексических единиц. Но тогда тем более странным выглядит утверждение, что «я», «ты» и «он» — это разные грамматические формы лица.

Поскольку каждое личное местоимение в морфологически развитых языках характеризуется полной самостоятельной парадигмой, в которую, разумеется, не входит изменение по лицам, говорить о собственно грамматической категории лица просто невозможно.

Статус грамматической категории как таковой многократно обсуждался в литературе, и уже хрестоматийным стало утверждение, что о наличии грамматической категории можно говорить лишь в том случае, если она представлена по меньшей мере двумя категориальными формами (см., например, Смирницкий, 1959). Следовательно, рассматривать категорию лица у местоимений в качестве собственно грамматической, т. е. предполагающей изменение по категориальным формам лица (как это имеет место у глаголов), невозможно. Вероятно, речь могла бы идти только о классифицирующей грамматической категории, аналогичной категории рода у существительных. Однако и в этом случае необходимы токазательства грамматического характера этой категории.

В отличие от категории рода у существительных в русском языке, категориальные формы которой соответствуют разным типам склонения, категория лица у местоимений никак не сказывается на образовании тех или иных грамматических форм местоимения (ср. падежные формы местоимений «я» и «ты»). Более того, значение рода у большинства существительных не является их основным значением, оно лишь сопровождает их лексическое значение, будучи, скажем, у неодушевленных существительных, чисто формальным, т. е. определяющим тип склонения. Значение же лица у местоимений составляет их семантическую сущность.

Весьма показательно в этом отношении сравнение значений одушевленности/неодушевленности у существительных русского и английского языков. Поскольку разница между одушевленными и неодушевленными существительными второго склонения находит в русском языке формальное выражение в окончаниях винительного падежа, вполне правомерно рассмотрение категории одушевленности/неодушевлен-

ности как классифицирующей грамматической категории. В английском же языке, где существительные по своему значению также могут быть разделены на обозначающие одушевленные и неодушевленные предметы, но где различие между этими существительными никак не закреплено в их грамматических формах, грамматическая категория одушевленности/неодушевленности у существительных отсутствует.

Способность разных личных местоимений называть разные позиции в речевой ситуации (т. е. разные лица) составляет сущность их семантики и не проявляется ни в каких грамматических формах. Следовательно, речь идет о лексическом значении местоимений, о соотносительности слова «я» с понятием «автор речи», слова «ты» — с понятием «адресат» и слова «он» («она») — с понятием «объект речи».

Если же признать, что значение лица является лексическим, то в этом случае остается констатировать, что и личные местоимения по своим грамматическим характеристикам полностью соответствуют классу субстантивных слов.

Итак, при выделении функционально-семантических классов и разрядов слов местоимения оказываются распределенными по тем классам, с единицами которых их объединяют соотносительность с определенной категорией мышления и основные грамматические характеристики.

При упорядочении же слов в отношении характера их значения местоимения, как показано на рис. 2, сгруппируются вокруг центра системы, образуя некое подобие круга меньшего диаметра. Иными словами, продолжая оставаться в своих функционально-семантических разрядах (на схеме — секторах), местоимения одновременно образуют собственную подсистему, или микросистему, характеризующуюся теми же «межразрядными» отношениями, что и вся система в целом.

Однако своеобразие местоименной микросистемы состоит в том, что между ней и остальной частью системы нельзя провести четкой границы. Переход от местоимений к неместоименным словам происходит постепенно. Именно поэтому неоднократно предпринимавшиеся попытки строго сформулировать, какими именно признаками местоимения отличаются от «неместоимений», неизменно приводили к противоречиям в описании словарной системы языка.

В то же время определенное единство, которым характеризуется положение местоимений в системе, дает ответ на вопрос, почему же, несмотря на отсутствие грамматического

единства и семнологической противопоставленности всем другим словам, местоимения традиционно рассматриваются как некий особый тип слов.

Таким образом, предложенная система дает возможность, с одной стороны, учесть все те особенности, которые на протяжении столетий так или иначе выделялись исследователями в весьма неопределенной группе слов, называемых местоимениями. Более того, система учитывает и саму неопределенность, неоформленность этой группы. С другой стороны, выделение местоимений в такую группу не противоречит объяснению их с соответствующими им по функционально-семантическим свойствам классами и разрядами слов, у которых «местоименные» свойства выражены в меньшей степени или вообще не выражены.

В традиционной системе частей речи местоимения можно либо выделить в самостоятельный класс *наряду* с существительными, прилагательными и т. д., либо «растворить» в этих классах, т. е., по сути дела, закрыть глаза на то, что многие из этих слов характеризуются крайней степенью выраженности некоторых свойств, присущих в меньшей степени и другим словам. Все попытки объединить оба эти подхода приводили лишь к нарушению системности, к введению каких-то особых критериев для выделения местоимений и в конечном счете к тому, что положение местоимений оставалось по-прежнему неопределенным.

Предложенная система не только позволяет определить положение местоимений среди других слов с учетом всех их особенностей, но и одновременно помогает выявить характер отношений между всеми функционально-семантическими классами и разрядами слов, существующими в каждом языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление семиологических и грамматических свойств местоимений с соответствующими свойствами неместоименных слов, изучение существующих способов описания положения местоимений в системе частей речи, анализ того, насколько принципы выделения частей речи соответствуют целям создания самой системы частей речи как исследовательской модели словарной системы языка, позволяют сделать вывод о необходимости пересмотра ряда традиционных положений.

Суммируя результаты рассмотрения семиологических свойств местоимений, можно сказать следующее. Местоимения не представляют собой замкнутого класса, противопоставленного каким-то другим классам слов по характеру значения, по способу обозначения предметов и признаков. Местоимения, как и неместоименные слова, обладают разной степенью дейктичности, что не исключает наличия у них номинативного значения. Местоимения обладают постоянным, внеситуативным и внеконтекстуальным значением в самой системе языка. В речи у местоимений, так же, как и у неместоименных слов, происходит соотнесение общего, системного значения с референтом, в результате чего общее, постоянное значение конкретизируется.

Местоимения не могут рассматриваться как чистые заместители, так как в силу наличия у них собственного значения они всегда сообщают о референте нечто отличное от того, что о нем сообщает существительное.

Иными словами, такие характеристики значения, как указательность, обобщенность, относительность, ситуативность, контекстуальная обусловленность, обнаруживаются далеко не только у местоимений, а кроме того, эти свойства присущи и не всем местоимениям.

Сопоставление грамматических характеристик местоимений разных языков с грамматическими характеристиками неместоименных слов в тех же языках показывает, что местоимения не имеют каких-либо специфических грамматических категорий, отличающих их от других именных слов. Грамматические отличия субстантивных местоимений от су-

существительных, адъективных местоимений от прилагательных, адвербиальных местоимений от наречий оказываются не более существенными, чем различия между отдельными подклассами самих существительных, прилагательных и наречий. Единственной категорией, которая отличает субстантивные местоимения от существительных, является категория лица у личных местоимений, составляющих численно ограниченную подгруппу внутри группы субстантивных слов. Однако есть основания рассматривать значение лица у личных местоимений не как грамматическое, а как их основное, постоянное, внеситуативное лексическое значение. В таком случае положение о параллелизме грамматических категорий, соответствующих друг другу по категориальному значению местоименных и неместоименных слов, становится универсальным, распространяющимся на все группы местоимений.

При этом следует иметь в виду, что речь идет о параллелизме, а не о тождестве, поскольку в пределах практически любого языка сами по себе классы субстантивных слов (в том числе — существительные), адъективных и адвербиальных — при всем своеобразии их грамматических свойств в разных языках — не являются полностью однородными в отношении своих частнограмматических характеристик. Именно поэтому некоторые отличия в частнограмматических свойствах местоимений не выходят за рамки отклонений от основного типа внутри общего класса. На разных этапах развития того или иного языка общность, полнота совпадения морфологических категорий субстантивных местоимений и существительных, адъективных местоимений и прилагательных и т. д. может быть разной, но общая тенденция развития остается общей.

Таким образом, сопоставление семиологических и грамматических свойств местоимений и неместоименных слов свидетельствует об отсутствии оснований для выделения местоимений в особый класс, в особую часть речи в рамках традиционной системы частей речи (при всех вариантах и вариациях этой системы).

В то же время многовековая традиция выделения местоимений в самостоятельный класс на основе признаков, явно нарушающих принципы классификации слов по частям речи, свидетельствует о том, что носителями самых разных языков и лингвистами различных школ и направлений местоимения все-таки интуитивно воспринимаются как сло-

ва, несколько отличные от всех остальных, хотя это отличие и не поддается формальному определению (во всяком случае, такому, которое позволило бы четко выделить все слова этой группы на основе признаков, присутствующих у этих слов и отсутствующих у других).

Такое положение заставляет предположить, что своеобразие местоименных слов должно быть каким-то образом отражено в модели словарного состава любого языка, однако отражено адекватно, т. е. так, чтобы и в этой модели выявлялись не только специфические особенности, своеобразие этих слов, но и их общность с другими словами. Кроме того, модель должна отразить, в числе прочего, и неопределенность состава этой группы слов.

Существующие способы представления словарной системы языка (т. е. существующие варианты системы частей речи) не позволяют учесть отсутствия резкой противопоставленности местоименных и неместоименных слов, так же, как и истинного характера отношения между другими типами слов. В частности, традиционная система частей речи не отражает диалектического характера отношений между отдельными классами слов, не принимает во внимание неизбежного существования в языке единиц промежуточного, переходного типа, наличие которых объясняется спецификой языка как постоянно изменяющейся системы.

Проведенный анализ показывает, что трудности в определении положения местоимений по отношению к неместоименным словам, противоречия, возникающие при построении системы частей речи, в большинстве случаев вызываются не реальной противоречивостью классифицируемых и систематизируемых единиц, а несоответствием способа описания реальным свойствам языковых единиц и отношениям, связывающим эти единицы в системе языка.

Для того чтобы быть исследовательской моделью словарной системы языка, система частей речи должна отражать такие основные свойства языка, как соотносительность его единиц с единицами мышления и — через них — с реальной действительностью, способность языка к непрерывному изменению и его стремление к системности. Роль языка как вторичного средства отражения пространственно-временного континуума приводит к тому, что вслед за единицами мышления единицы языка вступают между собой в отношения, которые имеют диалектический характер, так же, как и отношения между объектами отражаемой действительности.

Специфика языка как непрерывно изменяющейся системы приводит к тому, что на любом этапе существования языка в нем имеются единицы и целые их группы, характеризующиеся переходным набором свойств, отражающим и предшествовавшее состояние этих единиц, и их будущее состояние.

Необходимость учета всех этих особенностей заставляет отказаться от попыток классифицировать слова по частям речи на основе принципа деления объема понятия. Однако отказ от этого принципа ни в коей мере не должен сопровождаться отказом от требования строгой логичности классификации, последовательности в применении классификационных принципов.

Поскольку все частные лингвистические свойства любого слова зависят от его категориального значения, определяемого соотносительностью с той или иной категорией мышления, и от его функциональной роли в системе языка, в основу классификации слов по частям речи должны быть положены функционально-семантические характеристики слов. В соответствии с четырьмя наиболее общими категориями, отражающими закономерности общечеловеческого мышления, — «субстанция», «признак субстанции предикативный», «признак субстанции непредикативный» и «признак признака» — выделяются четыре основных класса слов. В разных языках эти классы будут члениться на разные разряды, соответствующие специфике каждого языка, связанной как с особенностями национального мышления, так и с действием внутренних законов развития языка.

Выделенные функционально-семантические классы и разряды должны быть строго упорядочены. Это проявляется в том, что каждому разряду в системе отводится место, отражающее связи, существующие между разными типами слов в системе языка. Так, положение какого-либо разряда между двумя другими свидетельствует о наличии у слов этого разряда общих функционально-семантических и грамматических свойств со словами каждого из двух соседних разрядов. В каждом языке на том или ином этапе его развития могут появиться разряды слов, занимающие промежуточное положение между основными классами. Слова, входящие в такие разряды, соотносятся в той или иной степени с двумя категориями мышления, совмещая в себе функционально-семантические свойства двух соседних классов. Примерами таких разрядов могут служить действительные

причастия современного русского языка, совмещающие в себе свойства адъективных и глагольных слов, деепричастия, совмещающие свойства глагольных и адverbиальных слов, и количественные слова, характеризующиеся как адverbиальными, так и субстантивными свойствами.

В результате такого упорядочения выделенных классов и разрядов получается замкнутая система, выявляющая степень общности и различий между отдельными классами и разрядами, позволяющая прогнозировать возможность постепенного перехода слов из одного разряда в другой (поскольку такие переходы наиболее вероятны между соседними разрядами) и отражающая, таким образом, особенности языка, с одной стороны, как целостной системы и, с другой стороны, как системы, способной к постоянному изменению.

Представив целостную замкнутую систему функционально-семантических классов в виде круга (см. рис. 1 и 2), можно продолжить упорядочение единиц внутри разрядов не только по ходу или против хода часовой стрелки, но и по направлению от центра к окружности. В этом направлении слова можно расположить по принципу нарастания одних и убывания других особенностей характера их значения. При этом выявляется системная взаимосвязанность ряда семантических признаков. Так, если внутри каждого сектора расположить слова по принципу возрастания или убывания конкретности их значения (наиболее обобщенные, абстрактные — ближе к центру, наиболее конкретные — к окружности), то одновременно будет наблюдаться и постепенный переход от слов с преобладанием дейктического компонента значения (в центре) к словам с чисто номинативным значением (у окружности); слова, находящиеся ближе к центру, будут характеризоваться более простой семантической структурой (в ряде случаев их значение будет приближаться к чисто категориальному), в то время как слова, находящиеся у окружности, будут характеризоваться наибольшим количеством семантических компонентов (сем); контекстуальная обусловленность значения, способность к развитию переносных значений и — как результат — многозначности также будет постепенно нарастать от центра к окружности и убывать в обратном направлении.

Тот факт, что классификация единиц по какому-то одному признаку влечет за собой автоматическую упорядоченность их по другим признакам, свидетельствует о системности этих признаков и одновременно подтверждает системность

отношений самих единиц, выявляемую данной классификацией.

При этом в полученной системе оказывается возможным непротиворечиво определить положение местоимений по отношению к другим словам как в функционально-семантическом плане, так и по характеру их значения. По функционально-семантическим и частнограмматическим характеристикам местоимения не составляют единого класса и распределяются по разным разрядам на основе соответствия вопро-сительному корреляту. Таким образом, субстантивные местоимения войдут в один класс с существительными и всеми прочими субстантивными словами, адъективные — с прилагательными и другими адъективными словами, адвербиальные — со всеми адвербиальными словами.

На основе же особенностей своей семантики местоимения сгруппируются вокруг центра системы, образуя своеобразную микросистему, не имеющую четкой границы, отделяющей местоимения от неместоименных слов. Весьма незначительная в количественном отношении группа местоименных слов будет характеризоваться крайней степенью выраженности тех признаков, упорядоченность по которым начинается от центра системы — обобщенности значения, роли дейктического компонента в семантической структуре и т. д.

Положение местоимений в полученной системе дает ответ на вопрос о том, почему интуитивное выделение местоимений вступало в противоречие с грамматической, лексико-грамматической и прочими классификациями слов, т. е. с классификацией слов по частям речи. В то же время положение местоимений в системе функционально-семантических классов позволяет ответить и на вопрос о том, почему к неизбежным противоречиям приводили попытки выделить местоимения в особый тип словесных знаков, обладающих свойствами, отличными от тех, которыми характеризуются «неместоименные» словесные знаки. Именно отсутствие четкой границы, которая разделяла бы эти два типа слов, именно постепенность усиления или ослабления в семантической структуре слова тех свойств, которые традиционно считаются «местоименными», не позволяет разделить все слова на «местоимения» и «неместоимения».

В целом предлагаемая система позволяет отразить взаимосвязанность различных свойств слов, системность отношений, существующих между ними в языке, диалектичес-

нии характер этих отношений, отсутствие в языке дихотомических противопоставлений между отдельными типами словесных знаков.

Возникает вопрос: можно ли рассматривать полученные функционально-семантические классы слов как части речи? Если считать, что система частей речи — это исследовательская модель словарной системы языка, призванная смоделировать и отразить реальные отношения между функционально-семантическими типами слов во всем многообразии имеющихся между ними связей, то, очевидно, можно. В таком случае система частей речи любого языка будет состоять из четырех основных классов, количество же разрядов будет различаться от языка к языку. Именно количество разрядов, зависящее как от семантического членения основных классов, так и от наличия переходных типов слов, и порядок их расположения будут отражать своеобразие каждого языка при неизменности принципов построения системы. За разрядами слов можно сохранить традиционные названия частей речи (там, где это целесообразно). При этом лишь следует учитывать, что не может быть функционально-семантического разряда «местоимения», так же как и разряда «числительные». За порядковыми числительными, выделяемыми в классе адъективных слов, можно сохранить их название (но с обязательным определением «порядковые»!). Количественные же числительные составят единый разряд количественных слов с некоторыми словами субстантивного и адвербиального характера.

Разумеется, предложенная система функционально-семантических классов слов (или частей речи) далека от совершенства и во многом еще требует доработки. Но тем не менее она в основном отражает те принципы, которые представляются наиболее существенными для построения систем языковых единиц, и позволяет, как кажется автору, более полно учесть особенности языка как гибкой, подвижной, развивающейся системы. В числе прочего система функционально-семантических классов дает возможность снять имеющиеся в грамматической традиции противоречия при определении положения местоимений по отношению к неместоименным словам.

- Абаев В. И. Paregga 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук//Вопр. языкознания. 1986. № 2.
- Авоян Р. Г. Значение в языке: Философский анализ. М., 1985.
- Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). М., 1975.
- Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.; Л., 1964.
- Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицы речи//Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Александров А. В. Синтаксическое функционирование группы простых неопределенных местоимений в современном английском языке (опыт вероятностно-структурного анализа): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
- Александров Н. М. К вопросу о классификации частей речи в индоевропейских языках//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
- Аничков И. Е. Можно ли считать проблему частей речи решенной?//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.
- Литичные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение//Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977.
- Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.
- Атаян Э. Р. Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1968.
- Атаян Э. Р. Части речи, их дифференциальные признаки и критерии классификации//Теоретические и практические вопросы преподавания иностранных языков. М., 1970.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Баяли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Баудер А. Я. Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин, 1982.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Богатырева Г. Д. Семантико-синтаксические функции указательных местоимений и омонимичных им слов (на материале памятников письменности XI—XIV вв.)//Учен. зап. Тираспольск. гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко. Кишинев, 1971. Т. 21: Филология.
- Бондарко Л. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке//Вопр. языкознания. 1978. № 4.
- Вандриес Ж. Язык. М., 1937.

Ильиш Б. А. О частях речи в английском языке//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Инфантьева Р. И. Принципы и методы установления системной сочетаемости частей речи//Филол. науки, 1981, № 5.

Киселева О. Н. Система местоименных форм в говорах Среднего Приобья//Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971. (Учен. зап. Томск. ун-та. № 74. Вып. 2.).

Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. М., 1969.

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974.

Козинский И. Ш. Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений//Теория и типология местоимений. М., 1980.

Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации//Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Кормушин И. В. О критериях частей речи//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Кривонос А. Т. К проблеме «частей речи» в современном языкознании//Структура предложения и классы слов в романо-германских языках. Калинин, 1972. Вып. 1.

Кривонос А. Т. «Части речи» или «классы слов»?//Доклады и сообщения лингвистического общества. Калинин, 1975. Вып. 5.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.

Кувалдина Л. Н. Анафорические связи в русском языке (на материале научных, научно-популярных и научно-технических текстов)//Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1971. Вып. 2.

Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.

Кузнецова Э. В. Части речи и лексико-семантические группы слов//Вопр. языкознания. 1975. № 5.

Кулагина О. С. Об одном способе определения грамматических понятий на базе теории множеств//Проблемы кибернетики. М., 1958. Вып. 1.

Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л., 1979.

Кямилев С. Х. 'Ism tudmaq', или «имя подразумеваемое», в арабском литературном языке//Теория и типология местоимений. М., 1980.

Леванова Л. Е. Личные местоимения в структуре текста (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

Левин Ю. И. О семантике местоимений//Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

Леонтьев А. А. Фиктивность семантического критерия при определении частей речи//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Леонтьев А. А. Формы существования значения//Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.

Линский Л. Референция и референты//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика.

Ломтев Т. П. О природе значения языкового знака//Вопр. философии. 1960. № 7.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

Маркус С. Теоретико-множественные модели языков. М., 1970.

Мартынов В. В. Категории языка: Семиологический аспект. М., 1982.

Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.

Мельничук А. С. Философские вопросы языкознания//Вопр. языкознания. 1975. № 5.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.

Милославский И. Г. О соотношении номинативных и синтагматических свойств языкового знака//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34, № 4.

Мисюра Г. А. Слова с несколькими функционально-грамматическими статусами в современном английском языке (на материале слов с релятивным значением): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков//Семиотика. М., 1983.

Мухин А. М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976.

Мыркин В. Я. В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности//Вопр. языкознания. 1986. № 3.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

Общее языкознание. Минск, 1983.

Ондрус П. Количественные слова в системе частей речи//Филол. науки. 1971. № 1.

Откупщикова М. И. Роль местоимений в сокращении структуры связного текста//Информационные вопросы семантики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1971. Вып. 2.

Надучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Пазухин Р. В. «Кибернетические» модели в лингвистике//Вопр. языкознания. 1976. № 5.

Панфилов В. З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категорий качества//Вопр. языкознания 1976. № 6.

Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Петров В. В. Структура значения: Логический анализ. Новосибирск, 1979.

Петрова О. В. Семантическая структура, дистрибутивные свойства и синтаксические функции местоимений в их соотношении с другими классами слов: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1973.

Петрова О. В. О категориальной семантике полнозначных и служебных слов//Грамматическая семантика. Горький, 1979.

Петрова О. В. О так называемой лексической наполненности некоторых полнозначных слов//Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981а.

Петрова О. В. К вопросу о возможности построения системы частей речи. Деп. в ИНИОН АН СССР. 10.07.1981 б. № 7697.

Петрова О. В. О контекстуальном значении местоимений//Функционирование языковых единиц в контексте. Воронеж, 1982.

Петрова О. В. О семантической характеристике местоимений//Аспекты семантического изучения германских и романских языков. Воронеж, 1983.

Пешковский А. М. Понятие отдельного слова//Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М.; Л., 1925.

- Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.
- Ревзин И. И. Развитие понятия «структура языка»//Вопр. философии. 1969. № 8.
- Ревзин И. И. Логическая модель парадигмы и части речи//Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969.
- Романеева И. К. Из истории развития системы склонения местоимений в русском языке: Учен. зап. Омского гос. пед. ин-та. Омск, 1970. Вып. 60.
- Савченко А. П. Части речи и категории мышления//Язык и мышление. М., 1967.
- Семантическая общность национальных языковых систем. Воронеж, 1986.
- Семиотика. М., 1983.
- Серебрянников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Сигорский А. А. Структура местоимений в брадже (по материалам памятника XVII в. «Слово о 252 вишнунтах»)//Теория и типология местоимений. М., 1980.
- Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц//Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Скорик П. Я. О принципах классификации слов по частям речи (на материале чукотско-камчатских языков)//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.
- Скребнев Ю. М. Проблема частей речи и ее внутренняя противоречивость//Вопросы теории частей речи на материале языков разных типов: Тез. докл. Л., 1965.
- Скребнев Ю. М. К дискуссии о частях речи: Учен. зап. ГГПИИЯ. Теоретические вопросы английской филологии. Горький, 1973. Вып. 57.
- Скрелина Л. М. Теория частей речи и понятие инцидентности//Иностр. языки в школе. 1977. № 6.
- Словарь синонимов. Л., 1975.
- Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.
- Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.
- Смирнов Ю. Б. Семантико-функциональные особенности неопределенных местоименных прилагательных//Рус. яз. в школе. 1985. № 4.
- Смолянинова Е. И. Синтаксические потенции частей речи в составе словосочетания. Функциональный анализ грамматических единиц//Сб. науч. тр. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1980.
- Солицев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
- Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М., 1960.
- Стеблин-Каменский М. И. Называние и познание в теории грамматики//Вопр. языкознания. 1971. № 5.
- Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семпология (Виды семантических определений в современной лексикологии)//Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Стернин И. А. К проблеме дейктических функций слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Стросон П. Ф. О референции//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика.

Сулейманова О. А. Местоименные актуализаторы ВЕСЬ и ЦЕЛЫЙ в современном русском языке//Филол. науки. 1985. № 4.

Суник О. П. Общая теория частей речи. М.; Л., 1966.

Суник О. П. Вопросы общей теории частей речи//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Супрун А. Е. Грамматические свойства слов и части речи//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Сыромятников Н. А. Закономерности развития личных местоимений в новояпонском языке//Теория и типология местоимений. М., 1980.

Теория и типология местоимений. М., 1980.

Тихонов А. Н. Части речи — лексико-грамматические разряды слов//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Устинова Н. Ф. Местоимения как часть речи в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951.

Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная)//Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.

Уфимцева А. А. Семантика слова//Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Уфимцева А. А. Семнологический подход к изучению лексик//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43 № 5.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семнологического описания лексики. М., 1986.

Федоров А. И. Выражение понятий и представлений в языке и речи//Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974. Вып. 3.

Филин Ф. Н. Противоречия и развитие языка//Вопр. языкознания. 1980. № 2.

Формальная логика. М., 1977.

Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. М., 1956. Т. 1.

Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. М., 1957. Т. 2.

Цинциус В. И. Грамматический строй языка и проблема частей речи (по материалам тунгусо-маньчжурских языков)//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.

Чехов А. С. Проблемы описания кореферентных и анафорических отношений в языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Чикобава А. С. Части речи как понятия филологической грамматики и как понятие описательного научного анализа//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Чуглов В. И. Субстантивные словосочетания — аналоги местоимений//Филол. науки 1985. № 5.

Шкарбан Л. И. О категориях залога и падежа в гагальском языке в свете соотношения глагола, имени и местоимений//Теория и типология местоимений. М., 1980.

Шрейдер Ю. А. О понятии «математическая модель языка» М., 1971.

Шутова Е. И. Об определении синтаксических признаков час-

тей речи (на материале китайского языка)//Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Эстрина Л. С. Уступительные конструкции, формируемые местоименными словами с частицей *ни*, в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1970.

Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.

Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934.

Curme G. O. Parts of speech and accidents (A Grammar of the English Language). Boston, 1935. V. 2.

Fries Ch. The Structure of English. N. Y., 1956.

Grammaire Larousse du Français contemporain. P., 1964.

Jespersen O. Analytic Syntax. Copenhagen, 1937.

Монева у Puyol. Gramàtica castellana. Barcelona; Buenos Aires, 1929.

Morris Ch. Foundations of the theory of signs//International Encyclopedia of Unified Science. Chicago, 1947. V. 1—2.

The new Merriam-Webster Pocket Dictionary. N. Y., 1966.

Quirk R., Greenbaum S., Svartvik J. A University Grammar of English. M., 1982.

Tesnière L. Elements de syntaxe structurale. P., 1959.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	4
Семнологические характеристики местоимений	8
О номинативности как свойстве словесных знаков	111
О соотношении понятий «номинативный» и «деиктический»	24
О дейктичности местоимений	30
О местоимениях как словах-заместителях	33
О ситуативности, контекстуальной обусловленности и относительности значения местоимений	44
О семантическом соотношении местоимений со словами различных частей речи	55
Положение местоимений в системе частей речи	66
О некоторых причинах «бессистемности системы» частей речи	66
О системных связях местоимений со словами других классов	74
Система функционально-семантических классов слов	97
О принципах построения системы языковых единиц	98
О функционально-семантических классах слов и категориях мышления	107
О построении системы частей речи	118
О положении местоимений в системе функционально-семантических классов слов	135
Заключение	144
Литература	151

Ольга Владимировна Петрова

**МЕСТОНМЕЕНИЯ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ**

Редактор И. Е. Харитончик

Обложка В. И. Сысуева

Художественный редактор Л. А. Клочков

Технический редактор О. В. Иагаева

Корректоры Е. В. Орлова, Л. Е. Болдырева